

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

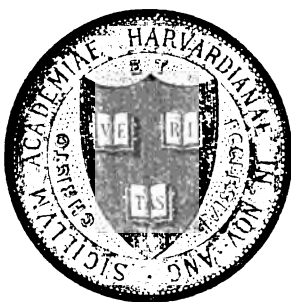
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Ed. Dec. 1929

HARVARD LAW LIBRARY

Received **MAY 20 1929**

54
34.6.4.6.8

Loginov
А. В. Лонгиновъ.

X МИРНЫЕ ДОГОВОРЫ^с

Mirnye dogovory russkikh s grekami

РУССКИХЪ СЪ ГРЕКАМИ,

заключенные въ X вѣкѣ.

ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНИЕ.

ОДЕССА.

«ЭКОНОМИЧЕСКАЯ» ТИПОГРАФІЯ, Почтован, № 43.

1904

Печатано по опредѣленію Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.
Вице Президентъ *А. Л. Бертье-Делагардъ.*
Секретарь *И. А. Линниченко.*

MAY 20 1929

СОДЕРЖАНІЕ.

Глава первая (стр. 1—36). Общая характеристика занесенных въ лѣтопись договорныхъ грамотъ X вѣва. Религіозная основа мирныхъ договоровъ. Русскій національный элементъ договоровъ. Значеніе ихъ въ вопросѣ о возникновеніи и развитіи Русскаго государства. Сопоставленіе договорнаго матеріала съ лѣтописнымъ рассказомъ о призваніи чудско-славянскими племенами варяго-русскихъ князей и съ преданіями разныхъ народовъ. Оцѣнка свѣдѣній, сообщаемыхъ о руси императоромъ Константиномъ Порфиророднымъ и арабскими писателями. Родство варяго-русовъ съ рутенами Галліи. Вліяніе на Русь греко-римской культуры. Важность договорныхъ грамотъ, какъ памятниковъ литературныхъ. Взглядъ лѣтописца на договорную практику въ X в.. Процедура заключенія договоровъ русскихъ съ греками. Обзоръ текста договорныхъ актовъ. Причины разночтеній въ ихъ спискахъ.

Глава вторая (стр. 36—72). Исходные моменты дипломатическихъ сношеній русскихъ съ греками по ссылкамъ въ договорныхъ грамотахъ. Обновленіе договоромъ 912 г. ветхаго мира русскихъ съ греками. Первоначальный мирный договоръ между ними. Борьба Византіи за независимость. Событія, предшествовавшія походу Олега на грековъ и подготовившія почву договоровъ 907 и 912 г. Составъ и форма договора 907 г. Русскіе городскіе центры. Сношенія Игоря съ греками, приведшія къ договору 945 г. Участіе русскаго князя и народа, чрезъ своихъ представителей, при заключеніи договоровъ. Поездка Ольги въ Царьградъ и подтвержденіе ею договора съ греками.

Глава третья (стр. 72—113). Постановленія договора 945 г. о Корсунской странѣ и черныхъ болгарахъ. Историческая связь договоровъ 907, 912 и 945 г. Смыслъ договорнаго выраженія: «равно другаго свѣщанья» и древнерусскихъ терминовъ: «урядъ»,—«слово»,—«извѣщеніе». Мирные переговоры Святослава Храбраго съ императоромъ Іоанномъ Цимисхіемъ 971 г. Среда земли Русской. Записка готскаго топарха. Символическій обрядъ поцѣлуя. Статьи договора Святослава съ Цимисхіемъ. Значеніе грамоты Святослава. Языческая и христіанская клятва русовъ при заклю-

ченіи договоровъ 907, 912, 915 и 971 г. Смерть Святослава. Подтверженіе договора 971 г. Ярополкомъ. Мирныя сношенія Владимира св. съ греческими царями.

Глава четвертая (стр. 114—161). Правда варяго-словенская, какъ первообразъ Правды договоровъ русскихъ съ греками. Система преступленій и наказаній договорной Правды греко-русской. Смертоубійство. Доказательства и условія наказуемости убійства. Раздѣлъ имущества убійцы между ближними убитаго и женою убійцы. Причиненіе побоевъ, ранъ, увѣчій и истязаній. Русскій законъ о послѣдствіяхъ несостоятельности виновнаго. Кража. Разбой. Грабежъ. Покушеніе на преступленіе и совершеніе преступленія. Вознагражденіе потерпѣвшихъ. Побѣгъ, похищеніе, продажа и укрывательство челядиновъ. Право наслѣдованія послѣ русскихъ, умершихъ въ Греціи безъ завѣщанія и по составленіи завѣщанія. Выкупъ плѣнныхъ. Челядинная цѣна. Выдача преступниковъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Внесенныя въ лѣтопись грамоты X вѣка по договорамъ между русскими и греками, направленнымъ преимущественно къ обезпеченію непрерывности и безопасности взаимныхъ торговыхъ сношеній, превосходятъ, своею важностью, всѣ остальные уцѣлѣвшіе отечественные памятники письменности домонгольскаго періода. Постановленія договоровъ, стремящіяся къ сочетанію русскихъ и византійскихъ интересовъ, предисловія и послѣловія договорныхъ актовъ, представляютъ яркую картину древне-русской жизни, отражая въ себѣ ея государственный, общественный, семейный и экономическій строй, религіозный культъ и юридическіе обычаи. Среди многочисленныхъ, нерѣдко противорѣчивыхъ и запутанныхъ извѣстій о русскомъ населеніи до сближенія русскихъ съ греками и возникновеніи Русскаго государства, договоры X вѣка блестятъ путеводною звѣздою, облегчая раскрытіе тайны претворенія разрозненныхъ племенъ, усѣвшихся по бассейнамъ рѣкъ, близъ морей Балтійскаго (Варяжскаго), Чернаго (Русскаго), Азовскаго (Сурожскаго) и Каспійскаго (Хвалынскаго), въ одинъ народъ русскій, какъ гражданъ Русской земли, на славянской основѣ. Договоры освѣщаютъ исконныя, созданныя русскою жизнью, правовыя нормы до ихъ воплощенія, при Ярославѣ I, въ одинъ законодательный кодексъ русскій, подготовленный состоявшимся соглашеніемъ неполадившихъ между собою сѣверныхъ чудскихъ и славянскихъ племенъ съ варягорусскими князьями о принятіи этихъ племенъ подъ свою власть для водворенія покоя и правопорядка. Договоры, знаменующіе весьма успѣшный опытъ состязанія русскаго народа, совокупными силами, на международной аренѣ, имѣли очень долго воспитательное вліяніе, какъ питомникъ, въ которомъ выдѣрилось и разрослось правовое сознаніе народа русскаго, въ которомъ національная государственная идея единовластія или единодержавія («прія власть Рюривъ единъ»)¹⁾, при своемъ

---

¹⁾ Въ Ипат.: «всю власть». Ср.: «Всеволодъ примъ власть Русьскую всю» (Давр. 197).

дальнѣйшемъ развитіи находила непоколебимую опору и въ которомъ наша дипломатія черпала образцовый матеріалъ въ сношеніяхъ съ другими государствами, съ конца XV вѣка охватившихъ почти всю Европу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, договорныя грамоты X вѣка обличаютъ варяжское происхожденіе первыхъ организаторовъ Русскаго государства—свѣтлыхъ князей и большинства пословъ «отъ рода русскаго». Туземное преданіе, соотвѣтственно скандинавскимъ сказаніямъ, приписываетъ правнуку Рюрика, внуку Игоря, сыну Святослава, Владимиру святому «отъ варягъ рожество,—сей бысть сынъ Святославль *отъ племени варяжска*»¹⁾, въ развитіе лѣтописнаго разсказа о *выбравшихся* изъ за-моря («избрашася») варяжскихъ князьяхъ и о занятіи или подчиненіи ими своей власти незадолго передъ тѣмъ свергнувшей съ себя ярмо чужестранцевъ всей сѣверно-русской земли («*пояша по собѣ всю Русь*»)²⁾. Внѣшняя оболочка договоровъ русскихъ съ греками, гораздо ранѣе выкованная средневѣковымъ международнымъ молотомъ, дала окраску редакціи послѣдующихъ любовныхъ соглашеній русскихъ князей съ иностранными державами, чередо-

¹⁾ В. Срезневскій: Мусинъ-Пушк. Сб., стр. 18, 68, 74. Голубинскій: Ист. русск. церкви, т. I, ч. 1, стр. 195, 214.

²⁾ Въ 1154 г. Вячеславъ и Изяславъ въ посланіи къ угорскому королю Белѣ Сльпому употребили такое выраженіе: «...*са по насъ яла Русская земля вся и Черныя Клобуци*»... (Ипат. лѣтоп. 292). Вмѣсто «*пояти по собѣ*» нерѣдко писали: «*заяти собѣ*», «*звяти за собѣ*» или «*за собою*». Ярославъ въ 1017 г. «*грады Червенскыя залъ собѣ*» Ярославъ... «*ходилъ на землю Лиелянскую ратью и плънивъ ихъ и въ свое имя градъ Юрьевъ поставилъ и тою землю *взялъ за себѣ*» (Оболенскій и Даниловичъ: Посольск. кн. вел. княж. Литов., т. II, № 72). Основаніе Ярославомъ Юрьева, послѣ побѣды надъ западною чудью, приурочено лѣтописью къ 1030 г. «*Отступися Воложа... *взяю еси *взялъ за себѣ**» (подъ 1229 г.). Витовтъ «*взя княженіе Смоленское за себѣ* (Воскрес. лѣтоп., т. VIII, 69)—«*Которыя села были за княземъ Васильемъ за Шуйскимъ, и тѣ князь великій за себѣ *же *взялъ**» (Сое. 2 лѣтоп., т. VI, 217). Подъ 1472 г.: Князь Венедійскій... хотя ити на Турскаго царя, что въ Царьградѣ сидитъ, *взялъ за собою* хрестыанскій градъ» (Сое. 196 и друг.). Подобно сему: «*перей за ся*» (Воскрес., т. VIII, 63),—«*понимъ за се*» (Тверск., т. XV, 436), «*понима*» (Ипат. 558), и т. д. Выраженіе «*пояти за ся*» или «*себя*» часто примѣняется и къ брачному союзу: «*Хочю ти *пояти собѣ* женѣ*» (подъ 955 г.), «*Миндовгъ восхотѣ *пояти* свестъ свою за ся... *поя ю за ся*...» (Ипат. 568). Въ 1320 г. «*женися князь Дмитрій Мих. Тверскій... *приведе за себѣ* изъ Литвы дщерь Гедимина князя*». «*Иматися, ятися*» (по комъ) большею частью значить предаться, подчиниться: «*Кіевляне *вмаша по нь*», т. е. предалися Игорю, «*лестью*» (Ипат. 229). По Гельмольду, норманны «*primo optium slavos, qui grae manibus erant, miserunt sub tributum*» (Chron. slav.). По Ибрагиму ибнъ-Якубу, писавшему около 960 г., племена сѣвера завладѣли нѣкоторыми изъ славянскихъ странъ (Изв. Ал.-Бекри., 46). Патріархъ Фотій въ бесѣдахъ говоритъ о походѣ на грековъ *русы*, покорившей окрестныя племена (865—867).—*Взять съ собою*,—обыкновенно,—«*пояти съ собою*» (напр., Ник. т. X., 19). *Возить за собою*—*вовити по собѣ*. «*Святославъ возъ по собѣ не возише*». «*По собѣ*» значить иногда—*послѣ себя*, напр.: «*оставлеша по собѣ славу послѣднему вѣку*» (Ипат. 585).*****

вавшихся съ мироположеніями о волостяхъ въ домашнихъ спорахъ, для устроенія мира, и порядками русскихъ князей съ своими подданными. Нѣкоторыя формулы договоровъ X вѣка пережили въ Руси цѣлую вереницу столѣтій, постоянно повторяясь позднѣйшими мирными актами, жалованными и иными грамотами. Обѣщаніе вѣчной, неизмѣнной пріязни «дондеже солнце съяетъ и весь миръ стоитъ»,—выраженіе двукратно повторяющееся въ договорѣ 945 г.,—передается въ латинскихъ актахъ фразой: «usque ad finem seculi» или «donec mundus steterit» (Tafel и Thomas: Font. rer. Austr. XII, LI, 116—120). Въ южно-славянскихъ памятникахъ, напр. въ грамотѣ бана Кулина 1189: «од века, одколе свѣтъ сталь». Въ грамотѣ кн. Мстислава Владиміровича Юрьеву монастырю: «донѣле же ся миръ стоять, молитѣ Бога за мя» (Изв. Ак. Н., т. VIII, 339. Ср.: «докуды и миръ стоять», А. Юр., I, 82). Не менѣе часто помѣщается въ латинскихъ договорныхъ спискахъ угроза противодѣйствія поселяющей человѣческіе раздоры нечистой силѣ, попавшая въ договоръ Игоря 945 г.: «ненавидящаго добра враждолюбца дьявола разорити» — *bonis adversans satan et pacis inimicus*» (Atti di soc. Ligure di storia patria, vol. 28, стр. 459), или: «suggerente humani generis inimico» (Jirecek: Cod. dipl. Bohem., № 62). Въ договорѣ русскихъ съ Казиміромъ Польскимъ, около 1339 г., трактуются о водвореніи взаимнаго согласія и устраниенія вражды, посѣянной дьявольскимъ наводженіемъ: «discordiam a dyabolica suggestione seminatam» (Voigt.: Cod. dipl. Prus. III, № 61). Проникающая все мирное строеніе (ср.: «по Божью строю» въ Лавр. 116) взаимная любовь двухъ великихъ народовъ покоится на божественной поддержкѣ; другими словами, миръ, скрѣпленный клятвеннымъ увѣреніемъ державныхъ сторонъ, зиждется на божественномъ основаніи и нарушеніе мира навлекаетъ на виновныхъ справедливый гнѣвъ Бога Вседержителя, лишаящаго ихъ своего покровительства: «Богъ любви есть, пребывая въ любви, въ Бозѣ пребываетъ, и Богъ въ немъ пребываетъ» (лѣтоп. подъ 1078 г.). Въ договорѣ 912 г.: «Суть, яко понеже мы ся имали о Божьи вѣрѣ ¹⁾ (вариантъ—мирѣ) и любви (въ лат. грам. «*pac et treuga Dei*») главы таковы... Хотяще о Бозѣ удержати... Мы же кляхомся, иже отъ Бога суще, яко Божье зданіе, не преступати отъ уставленныхъ главъ мира и любви... иже преступать, да имуть мечь отъ Бога Вседержителя... и да не имуть помощи отъ Бога». Подъ договорной грамотой 912 г. выставлено «лѣто созданія мпру», совпадающее съ годомъ *отъ* сотворенія мира. Миръ всегда считался у

¹⁾ Ср. «приходящимъ (съ) *спрою* и любовью» (Лавр. 134). Грамотою Стевана Родослава отъ 1234 г., утверждается миръ «по *спрѣ* и *любви* и клятвѣ» (F. Miklosich: Monum. Serb. № 23). Въ грам. 1240 г., «да ви «*любви* и да ви хране одъ зла съ правомъ *спролю*» (Ib. № 32).

насъ дѣломъ богоугоднымъ и спасительнымъ: «Бога ради восхощете мира,—смиритесь Бога ради», и т. под. Кто «соблюдалъ землю Русскую», тотъ стремился къ миру. Междоусобную рать не только договорные акты, но и русскіе лѣтописцы, и церковные проповѣдники, и Владиміръ Мономахъ, въ духовной, приписываютъ наущеніямъ, уловкамъ или сѣтямъ дьявола, который, по ея выраженію,—«не хочетъ добра роду человѣческому, сваживаетъ ны». Іоаннъ Цимисій говорилъ Святославу, упрекая князя въ нарушеніи прежняго мира съ греками, что самъ Спаситель былъ посредникомъ при его заключеніи (Левъ Діаконъ).

Возвѣщенное договорами X вѣка господство русскаго національнаго элемента на огромномъ протяженіи Русской земли раскрываетъ широкій горизонтъ для обзорѣнія того зачаточнаго процесса, посредствомъ котораго было вызвано къ жизни и произрастанію Русское государство. Исслѣдователь договоровъ не можетъ ограничиться безмолвнымъ созерцаніемъ этого явленія, какъ бы взгляды его ни расходились со взглядами историковъ болѣе его искусныхъ, свѣдущихъ и проницательныхъ. По разсказу лѣтописца,—чудь, словѣне и кривичи, вытѣснивъ варяговъ, имъ почему-то ненавистныхъ, и извѣдавъ неудобства и бѣдствія, сопряженныя съ политическимъ разъединеніемъ племенъ, ихъ неустройствомъ (отсутствіемъ «наряда») и одинаковой для нихъ Правды, при своей обособленности, ведшей къ выгоднымъ для внѣшнихъ враговъ племеннымъ раздорамъ и къ тому, что каждое племя «само творило себѣ законъ», стали искать себѣ князя. «Рѣша:—сами въ себѣ, поищемъ себѣ князя» (Лавр.)¹⁾, т. е. мы сами въ собственной волѣ или въ своей власти ...отъ насъ зависить... Въ 1176 г. володимерцы выражались: «мы есмь *волма* князя прияли къ себѣ» (Лавр., Ипат.). Въ призваніи варягоруссовъ участвовали вмѣстѣ съ славянскими племенами и нѣкоторыя, примкнувшія къ союзу съ ними чудскія племена—меря, весь, мурома, вѣроятно принадлежавшія нѣкогда къ кругу тѣхъ народностей, которыя назывались *kylfing*'ами—колбигами въ Гардарикѣ уже при первомъ извѣстномъ ея князѣ Радбардѣ (Ратборѣ), жившемъ приблизительно, по скандинавскимъ сагамъ, въ началѣ VIII вѣка (Ant. russes. т. I, стр. 487 и т. II, стр. 249 и др.). «Рѣша *русь*—чудь, словѣни, кривичи (и) *вса*... (Лавр., Ипат.)... *земля наша велика и обильна*...²⁾, а наряда въ ней нѣтъ»... и т. д. Если принять чтеніе позд-

¹⁾ Въ Ипат.: «Поищемъ сами въ себѣ князя». Ср.: «намъ самимъ о себѣ поискати» (ib. 222). «Искати *въ себѣ* татя» (Русск. Правда). Предпочитаю чтеніе Лавр. списка. Князя *искалъ* *ме у себѣ*. Въ 1229 г. новгородцы требовали отъ Ярослава Всеволодовича, чтобы онъ присягнулъ «на всей ихъ волѣ и на грамотахъ Ярославлихъ»; иначе, грозилъ они ему: «ты—себѣ, а мы—себѣ» (Новг., Тв.).

²⁾ Подъ обильемъ понимаю *богатство* вообще. Ср. слова Рюрика Ростиславовича, сказанныя Всеволоду, которому волость далъ лѣпшыю не отъ *обилья*, т. е. изобилья волостей (Ипат. 470).

нѣйшихъ списковъ «и вси», то дѣло не измѣняется:—«Первіи насельники въ Новгородѣ словѣне, Полоцкѣ кривичи, въ Ростовѣ меря, въ Бѣлѣозерѣ весь, въ Муромѣ мурома, и тѣми *всѣми* обладаше Рюрикъ», сдѣлавшись единоподержавнымъ по смерти двухъ братьевъ, послѣдовавшей спустя будто-бы два года. Приведенныя слова «русь... вся» обнимаютъ собою все то чудское и славянское народонаселеніе Русской земли, которое «пошла по собѣ» варягорусскіе князья. Внося въ свой разсказъ имя государственное и этнографическое—Руси и руси, въ смыслѣ, сложившемся послѣ призванія варягоруссовъ, но до дѣйствительнаго распространенія этого имени, лѣтописецъ естественно находился подъ вліяніемъ современнаго ему положенія вещей (ср. «нынѣ зовомая русь»). Тѣмъ не менѣе, свивая прошлое съ настоящимъ, лѣтописецъ дробитъ новгородскую Русь на составныя этническія группы. Союзныя финскія племена еще ранѣе помѣщаются лѣтописью въ Аѣтовой части... гдѣ «*сидятъ русь—чудь и вси языци*», т. е. славянскіе и разновидности чуди, въ Новгородской области. Между подробно перечисленными здѣсь чудскими племенами названа первою меря, платившая дань изгнаннымъ варягамъ: «Имаху дань варязи на чюди и на словѣнехъ,—на *мери* и на *всѣхъ* кривичѣхъ» (859 г.). Упомянутые «*вси языци*» раздѣляются, въ предѣлахъ разросшагося Русскаго государства, на славянскіе и инородческіе: Се бо токмо словѣнскѣ языкъ *въ Руси*: поляне, деревляне, *ноугородьци*... и т. д. «А се суть *иниі* языци иже дань даютъ *руси*»... Среди иноязычниковъ, платившихъ, во время составленія лѣтописи, дань руси,—на первомъ планѣ *чудь* (меря, весь, мурома и др.)... Въ войскѣ Олега при движеніи къ Смоленску упоминаются «чудь—меря, весь». Въ 882 г. «пойде Олегъ, поимъ воя многи: варяги, чудь, словѣни, мерю, весь, кривичи». Въ 980 г. «Володимеръ собра воя многи: варяги и словѣни, чудь и кривичи, и поиде на Рогъволода», княжившаго въ Полоцкѣ. Разсказывая объ устройствѣ Олегомъ городовъ и установленіи дани варягамъ, лѣтописецъ упоминаетъ словенъ, кривичей и мерю, безъ обозначенія ея чудской національности. Въ походѣ на грековъ 907 г. Олегъ беретъ съ собою, между прочимъ, чудь... и мерю. Въ вознагражденіе мерянь за участіе въ походѣ городъ ихъ Ростовъ, какъ и Полоцкъ, предоставленные Рюрикомъ въ управленіе его мужамъ, получилъ «уладъ». Неоднократно указывая чудское происхожденіе мери и веси, отъ которыхъ при Владимірѣ св. нарубалясь лучшіе мужи для заселенія городовъ вмѣстѣ съ словенами и кривичами, лѣтописецъ, быть можетъ, имѣлъ намѣреніе предотвратить смѣшеніе читателемъ союзныхъ съ словенами и кривичами финскихъ племенъ съ племенами чудскими, враждебными руси и ею покоренными въ послѣдствіи. По словамъ новгородца Гуряты Роговича, занесеннымъ въ лѣтопись и подтвержденнымъ многочисленными документальными свѣдѣніями о новгородскихъ волостяхъ, *пече-*

ряне платили дань Новгороду наравнѣ съ другими отраслями заволоцкой чуди: пермью, ямью, угрою. Слѣдовательно, коль скоро, по свидѣтельству того же лѣтописца, они дань давали *руси*, то, очевидно, Новгородская область съ прибытіемъ «находниковъ» обратилась въ *русскую*. Нашъ лѣтописецъ положительно удостовѣряетъ такую перемену:— «Отъ тѣхъ¹⁾ (варягоруссовъ) прозвася *Русская земля новгородци-ти*», т. е. народонаселеніе Ильменской страны (Holmgard, Nogarid, Ostrogard)²⁾. Оно получило съ той поры смѣшанный характеръ: «Суть людье новгородци отъ рода варяжска, преже бо бѣша (исключительно) словѣни...³⁾ первіи насельници въ Новѣгородѣ». Къ туземному населенію привился элементъ пришлый—варягорусскій, продолжавшій приливать въ Новгородскую область еще при Ярославѣ I и удержавшійся преимущественно въ *городахъ*, какъ показываютъ нѣкоторые списки Русской Правды, замѣняющіе изгоевъ горожанами, а словенъ сельчанами, и самая лѣтопись: «и по тѣмъ *городомъ* суть находници варязи»... По сообщенію Ибрагима ибнъ-Якуба, племя сѣверное *русы* смѣшались съ славянами и говорятъ послavianски» (Иав. Ал-Бекри, 54). Лѣтопись Переяславля-Суздальскаго (XIII в.) помѣщаетъ и Новгородъ въ перечнѣ городовъ русскихъ, получившихъ, по договорамъ съ греками, «уклады» (ст. 9). Градація привилегированныхъ городовъ, по ихъ старшинству, идетъ, за изытіемъ одного Любеча, отъ южныхъ къ сѣвернымъ (Кіевъ, Черниговъ, Переяславъ, Полоцкъ, Ростовъ, Любечъ). Изъ предпослѣднихъ двухъ первенство присвоено кривичскому городу Полоцку предъ мерянскимъ Ростовомъ. Подъ 898 г. лѣтописецъ, разсуждая о славянскомъ происхожденіи туземной руси и почти буквально повторяя сказанное имъ о новгородскихъ аборигенахъ («отъ варягъ бо *прозвашася русью*»), утверждаетъ, что и поляне дѣпровскіе—«нынѣ зовомая русь»—получили наименованіе руси отъ варягоруссовъ. Въ Софійской и Воскресенской лѣтописяхъ, подъ 941 г., при описаніи похода Игоря на грековъ, сказано: «Послаша болгаре вѣсть къ царю, яко идутъ русь на Цареградъ, людей 10 тысящъ, глаголемы *отъ рода варяжска* сущимъ». Когда Олегъ воцѣнился въ Кіевѣ, смѣнивъ Аскольда и Дира, совокупившихъ тамъ многихъ варяговъ и владѣвшихъ полянскою землею, «бѣша у него *словѣни* и варязи и прочи, *прозвашася русью*». Это значитъ, что имя руси, не бывшее искони домашнимъ у полянъ, покрыло всѣ туземныя племена, сосредоточенныя подъ державой Олега по занятіи имъ Кіева, включая кривичей, ко-

¹⁾ Въ Ипат. прибавлено «варягъ»; въ Лавр. просто «отъ тѣхъ». Ср. о тверцахъ: «си вси звахуться *отъ зрель* Великая Скуель».

²⁾ Однѣ изъ лѣтописцевъ XV в. нарицаетъ Ильмень «не яко озеромъ, но моремъ *русьскимъ*» (Соф. т. VI, 18).

³⁾ Ср.: «и по тѣмъ *городомъ* (Полоцкъ, Ростовъ, Бѣлозеро) *суть* находници варязи».

торые также помогали ему завладеть Смоленскомъ, Любечемъ и Киевомъ: «И бѣ обладая Олегъ поляны», равнѣ состоявшими данниками козарь¹⁾ и покоренныхъ Аскольдомъ и Диромъ,— «и деревляны, и сѣверяны и радимичи». Олегу при этомъ благопріятствовали мирныя отношенія между полянами, деревлянами, сѣверянами, радимичами, вятичами и бѣлохорватами. Въ извѣстіи 944 г. пояснено, какія славянскія племена подъ именемъ руси участвовали въ походѣ на грековъ: «Игорь же, совокупивъ вои многи: (а) варяги, (б) *русь*—и поляны, и словѣни, и кривичи, и тиверцѣ»... При дальнѣйшемъ разсказѣ племена эти опять объединяются подъ именемъ руси. Въ 980 г. «Володимиръ собра вои многи, варягы, и словѣны, и чудь, и *кривичи*». Въ 1018 г. Ярославъ «совокупивъ *русь* и варягы, и *словѣны*, поиде противъ Болеславу и Святополку» (Лавр.). Словене здѣсь имѣютъ видовое по отношенію къ руси значеніе, какъ наприм. въ лѣтописномъ разсказѣ подъ 1213 г.: «Мстиславъ бѣ со всѣми князьми *Рускыми* и *Черниговскыми*» (Ипат. 490). По Новгородской и Тверской лѣтописямъ, Ярославъ, снаряжая въ 1043 г. сына своего Владимира въ походъ на Царьградъ, далъ ему «вои многи—варягы, *русь*». Племенные черты постепенно отушевываются²⁾ и уступаютъ мѣсто административно-территориальному дѣленію Руси по княжествамъ, или городскимъ округамъ съ тяготѣвшими къ нимъ землями. Перемѣна эта отразилась на изложеніи начальной лѣтописи и ея продолжателей... Въ составъ словенскаго языка (народонаселенія) въ Руси вводятся, между прочимъ, *волинцы* (съ тяготѣвшими къ г. Вельню землями) и *новгородцы* (съ подчиненными Новгороду славянскими землями). Въ 1170 г. на Великій Новгородъ поднялись смоляне, торопчане, муромцы, рязанцы, полочане, переяславцы, ростовцы съ своими князьми, и *вся земля Русская*» (Тверск. лѣтоп. т. XV, 244, 245). Въ описаніи Липецкой битвы 1216 г., *...вся Русская земля. . и Галицкая, и Киевская, и Смоленская, и Черниговская, и Новгородская, и Рязанская*. Въ 1228 г. Володимеръ Киевскій «со всеми князи, и куряны, и пивяны, и новгородци, и туровци, объѣдоша Каменѣцъ» (Ипат. 503). Въ договорѣ съ греками 1007 г. и сѣверные, и южные города одинаково

¹⁾ По словамъ Ибнъ-Фадлана, писавшаго въ первой половинѣ X в., еще въ то время языческіе руссы пополняли войско хозарскаго царя, состоя у него на жалованьи, но не были подвластны царю, образуя великій народъ. Козирь, хозарь—akatziri, katziri (Географъ Равеннскій) пришли изъ средней Азии, гдѣ сохранили наименованіе каугаръ, по Констант. Порфир.—храбрѣйшая вѣтвь хозаръ (De adm. imp., гл. 38, ср. Hammer Purgstall: Gesch. d. goldn. Horde).

²⁾ Проф. Ключевскій, въ Боярск. Думѣ др. Руси, проводитъ мысль, что Древлянская земля не составляла политическаго уцѣла, ибо преданіе говоритъ о *многихъ* князьяхъ, которые ее распасли. Это—недоразумѣніе; лѣтопись вовсе не указываетъ на *одновременное* существованіе въ Древлянской землѣ князей равносильныхъ Малу.

считаются *русскими*, принадлежащими къ территоріи *Русскаго государства*. По договору 912 г. греки обязывались охранять потерпѣвшую крушеніе лодью *русскую*, съ какиѣ бы ни было племеннымъ составомъ ея морского экипажа, и провожать ее въ *Русскую* землю... По договору 945 г. русскіе осенью должны были возвращаться «въ дома своя *въ Русь*». Въ договорахъ 912 и 945 гг. *законъ русскій* есть законъ общій для *всѣхъ* племенъ, обитавшихъ въ предѣлахъ Русскаго государства и состоявшихъ въ подданствѣ у великаго князя русскаго. Послы и гости играли роль представителей отъ *всѣхъ* людей *Русскія* земли, а *всѣ* граждане ея—*русини* или русскіе ¹⁾, въ какомъ бы округѣ они ни проживали. Тоже самое въ Русской Правдѣ и позднѣйшихъ договорныхъ актахъ, напр., Казимира Ягнновича съ Псковомъ, *русинъ*—полочанинъ ²⁾ вѣтблининъ, смоляннинъ», и т. д. Официальные акты хотя отличаютъ иногда человека «русскаго» отъ «новгородскаго» (Собр. Гос. Гр. и Дог. № 3), но различіе это имѣетъ искусственный, условный характеръ, какъ и лѣтописное противоположеніе Киевской Руси другимъ русскимъ княжествамъ, напр., «посла князь Всеволодъ Гюргевичъ тивуна своего... *въ Русь* (подъ 1195 г.); водиша ко кресту Романа (киевскаго) *въ Русь*» (подъ 1204 г.), и т. д.

Государственное имя Русь, но прибытіи Рюрика съ братьями, проникнувъ изъ Ильменской области въ Приднѣпровье, упрочилось за Киево-Переяславской и Черниговской землями. До исхода по крайней мѣрѣ Х вѣка оно постоянно обнимало собою и Новгородскую область. Наприм., въ 976 г. Ярополкъ, назначивъ посадниковъ *въ Новгородъ*, «бѣ володѣль единъ *въ Русь*». Постепенно оно стало примѣняться къ Новгородской области рѣже лѣтописью и официальными актами. Впрочемъ, лѣтописецъ говоритъ, что *изъ Русь* (по Волгѣ) можно идти въ Болгары и Хвалысы... а по Двинѣ въ Варяги», — подъ 1060 г. зоветъ *русью* псковичей и новгородцевъ, участвовавшихъ въ сѣчѣ съ сусолою, а подъ 1206 г. влгаетъ въ уста Всеволода, при посылкѣ имъ сына Константина въ Новгородъ на княженіе, слѣдующія слова: «Новгородъ Великій старѣйшинство имать княженью *во всей Русской* земли» (Лавр. 401). Чудско-славянскія племена, вѣрняя владычество надъ ними варягорусскимъ князьямъ, выговорили себѣ важныя льготы въ мѣстномъ управленіи: Новгородцы, «издавна свобожные (Лавр. подъ 1173 г.), напередъ, *какъ и земля ихъ стала*, некотораго князя *государемъ* себѣ не зывали, но *господиномъ* звали» (Соф. П. 204). Потому новгородцы слыли за «дикихъ» (свободныхъ) мужей, какъ называетъ ихъ лѣтописецъ подъ 1205 г., что удержали за собою право произволь-

¹⁾ «Володѣють козары (т. е. козарами) *русскіе* и до днешнего дне» (Лавр).

²⁾ Въ грамотѣ Гердена XIII в.: «што Руськая земля словеть Полоцькая» (К. Наперскій—Русск. Лив. акты).

наго избравія князя и нераздѣльные съ такимъ порядкомъ,—«по обычаю своему изстаринному» (Новг. и Никонов. лѣтоп. подъ 1304 г.). Такой же эпитетъ «дикіе» примѣняетъ лѣтопись къ *независимымъ* половцамъ въ отличіе отъ половцевъ *русскихъ* (Лавр. 480).

Единая территорія Русской земли, задолго до раздѣла ея по Двѣпръ между Ярославомъ и Мстиславомъ въ 1026 г. широко раскинувшаяся на востокъ и западъ, занимала, по своему географическому положенію, Верхъ и Низъ. Въ 997 г. «Володимеру шедшу Новгороду по *верховнѣи воѣ*»... Въ 1148 г. Ростиславъ далъ дары Изяславу «отъ *верхнихъ* земель и отъ варягъ», Изяславъ же далъ дары Ростиславу отъ Русской земли и отъ *всѣхъ* царскихъ земель»¹⁾—«Всеволодъ собираеть, изъ Корачева, отъ *верхнихъ* земель вой» (Ипат. 442). Въ 1196 г. «Ярославъ, вняшиъ на Торжку, дана поима по всему *Верху*». (Новг. I, 23). Олегъ изъ Смоленска пошелъ въ *Низъ*. Земля *Низовская* (напр., Соф. п. 1252 г.) называется иногда, въ противоположность Верху, и *Понизьемъ*. Императоръ Константинъ Порфирородный также дѣлитъ русь на сѣверную (внѣшнюю) и южную, которую онъ, по ея русскому населенію, протягиваетъ отъ Херсонеса Таврическаго до истоковъ Двѣпра²⁾. Господствующею надъ отдѣльными славянскими племенами русью онъ признаетъ русь, прилегающую къ среднему и южному теченію Двѣпра, различая языкъ русскій отъ славянскаго. Племена

¹⁾ Царскія земли—греческія, откуда получалась между прочимъ паволока. Въ 1146 г. Георгій одарилъ Святослава «*паволокою* и скорюю» (Ипат. 240). Въ 1164 году «архела царь (греческій) дары многи Ростиславу—оксамиты и *паволоки* и вся узорочь разноличная» (Ib. 357). Въ 1204 г. Ярославъ молилъ на вѣчѣ въ Новгородѣ: «взялъ есмь въ корабляхъ дары—*паволоки* и оwoць, а они меня обезчестовали». (Никон. и др.).

²⁾ Внѣшняя Русь складывается у него изъ Смоленской, Полоцкой, Луцкой и окрестныхъ земель и связывается съ княженіемъ въ Новгородѣ Святослава. Онъ описываетъ заготовленіе кривичами, лучанами и другими подчиненными южноруссамъ славянскими племенами лѣсного матеріала и постройку, «на горахъ» (гѣры), спускавшихся изъ ближайшихъ озеръ по Двѣпру судовъ—однодеревомъ. Подъ гирами разумѣются сухопутья, а не округа, какъ толковалъ Невольнъ. Въ Тверской лѣтописи подъ 1203 г. сказано: «Придоша варязи *юрою* на миръ». Въ грамотѣ Андрея Александровича 1301 г. изложено: «...дахомъ имъ (нѣвцамъ) три пути *юрми* по своей волости и четвертый *въ рѣчкахъ*» (Наперскій: Руск. Лив. акты, 25). Въ договорѣ 1522 г. царя Василія съ нѣвцами постановлено: «Посламъ царскимъ *юрою* и *водою* путь чистъ» (Оболенскій и Даниловичъ: Кн. посольск. вел. кн. Литов. т. II, № 62). «Отъ Ругодыва *юрою* къ Колывани купцамъ дороги не дадутъ» (Русск. Ист. Библ. т. XV, стр. 70). Императоръ Константинъ знаетъ и другое, нѣсколько испорченное славянское слово «перекладъ (перекладіумъ) у Селвы, южиѣ Килии, древняго Licostonium'a, «qui alias Kilia dicitur» (Hugmuzaki: Doc. Rom. v. II, № 354), по объясненію Венелина,—перекладка товаровъ (Чт. М. Общ. Ист. и Др. 1874, № 6, 43), но можетъ быть и прохлада въ смыслѣ отдыха: «ловы творяше... прихода, *прохлаждашеся*» (Тверск. лѣт. 251).

славянскія предавали руссомъ суда; руссы пошлала Византию, Хазарію, Червную Болгарію и инныя сосѣднія страны. Константинъ Порфирородный, говоря о князѣ русскомъ, княгинѣ русской, соединявшихъ подъ своею рукою многія племена, перечисленныя почти согласно съ нашею лѣтописью въ соч. «De administrando imperio» (гл. 9, 37, 42), въ концѣ главы, 9 повятіе о южнорусской народности ограничиваетъ сферою *правительственною*: Русскіе князья *со вѣсми руссами*, въ ноябрѣ, отправляются *на полюдье*, въ отечественныхъ княжескихъ грамотахъ называемое «осеннимъ», но оно продолжалось и зимою:... «февраля въ 25 день... суццю великому князю Ростовъ *въ полюдьи*, ...февраля въ 8 день... суццю князю великому въ Переяслави *въ полюдьи*» (подъ 1190 г.). Несомнѣнно, императоръ ведетъ рѣчь о *княжескихъ дружинахъ* съ большою примѣсью *варягорусскою*, повлиявшею на обособленіе имъ русскаго языка отъ славянскаго или славянорусскаго.

При сопоставленіи преданій нашей лѣтописи о возникновеніи Русскаго государства («какъ Русская земля стала есть») и племенномъ его составѣ, а также договорныхъ грамотъ X в., въ которыхъ многія имена послонъ и гостей—не славянскія, съ извѣстіями западныхъ писателей о норманнизмѣ руси, напр. Лиудпранда («*Ingger rex russorum seu portmannorum*»), епископа Пруденція, Венеціанской хроникой Іоанна Діакона, и т. под. съ признаками обособленія императоромъ Константиномъ отъ славянской массы населенія правительственнаго слоя русскаго народа, необходимо варягоруссовъ выдѣлить изъ славянорусскаго міра въ эпоху образования Русскаго государства, какъ отпрыскъ норманнскій, но выросшій изъ одного и того же корня по своей *первобытной* національности¹⁾. Норманнскія черты варягоруссовъ можно наблюдать въ прозвищахъ Дитпрорскихъ пороговъ у Константина Порфиророднаго. Первый изъ упомянутыхъ имъ, вѣроятно, Будиловскій—Esoyru, одинаковаго значенія у русскихъ и славянъ «не спи», и нынѣ по-англійски значитъ то же (не зѣвай), что у славянъ «не спи». «Стружунъ или Струвунъ, по славянски Напрези, не менѣе легко объяснить формами англійскаго языка (глаголы

¹⁾ О смѣшеніи норманнской крови съ славянскою въ правящихъ сферахъ свидѣлствуютъ исландскія и скандинавскія саги. Достаточно припомнить, что Рагнаръ Лодброкъ, король Даніи и Швеціи (+794) былъ внукомъ *Голмгардска* о правителя Радбарда—Ратибора, женатаго на дочери Ивара Видоадна Одрѣ. Съ Рагнаръ Лодброка идутъ двѣ нисходящіяся линіи: одна королей датскихъ (черезъ Сигурда +820), другая королей Швеціи черезъ Сигурдова брата Біорна, къ потомству котораго принадлежитъ супруга Яролава I Инггерда—Ирина (см. сагу *Sögubrat* и генеалогич. табл. въ *Ant. Russes*). Замѣчательно, что норцами («норци» или «нарци еже суть словѣне») назывались и норвежцы—«*Nogici*» въ древн. зѣтахъ. Норцевъ или нарцевъ можно отождествить съ Тацитовыми *нарисками* (*Narisci*).

strik и striv), на которомъ говорили варяги въ Византіи (Кодинъ и др.). Норманскій типъ варягоруССовъ и попытки ихъ сломить упорство дреВлянъ, отстаивавшихъ свою независимость, вѣроятно, и внушили Льву Діакову мысль о гибели Игоря въ *Германіи*¹⁾, хотя способъ казни великаго князя, повѣшеннаго будто-бы между двумя *деревьями* и разорваннаго пополамъ, есть, кажется, *символическое* изображеніе убійства его *деревьями*. Тотъ же Левъ Діаковъ приводитъ *русское* слово «сонтментъ», имѣющее у англичанъ одинаковое значеніе съ нашимъ *вѣчелъ* (ср. слова *кметъ*, *кметье*, подъ 1075 г., и *кметьство* въ Новг. I. 14).

Для рѣшенія вопроса—откуда судьба занесла руссовъ на дальній сѣверъ, еще не обнаружено достаточно непреложныхъ данныхъ. Полагаю, однако, что въ этомъ вопросѣ весьма цѣнны раннія и вполне достовѣрныя историческія свидѣтельства, указывающія гнѣздо *рутеноев*—руссовъ въ приморской Галліи, на югѣ нынѣшней Франціи (Плиніи и Юлій Цезарь). Рутены, составлявшіе нѣкогда населеніе провинціи *Нарбоннской*, граничили съ авернами, на истокахъ Гароны (нынѣ Aveyron), и санктонами (нынѣ округъ Saintonge) «Eorum regio *Russia* vocatur» (Schwandtner: *Script. rer. Hungar.* III, XIX. 240²⁾). Можетъ быть, славянскіе послы, *высокаю рости*, прибывшіе, послѣ 15 мѣсячнаго скитанія, въ VI вѣкѣ, съ отдаленнѣйшихъ окраинъ *западнаю океана*, по поводу требованія вспомогательнаго войска противъ грековъ, но вслѣдствіе причиненныхъ имъ притѣсненій, ушедшіе затѣмъ во Фракію къ грекамъ искать защиты и получившіе отъ греческаго царя средства къ возвращенію въ отечество, вышли изъ Нарбоннской Галліи. По словамъ этихъ лицъ, народъ ихъ велъ жизнь безмятежную, предаваясь игръ на гуслахъ. Какая-то связь между южными рутенами и норманнами существовала въ концѣ VIII вѣка. Въ 782 г. прибыли въ Нарбоннскую Галлію *Northmanni exploratores*, которыхъ Карлъ объявлялъ отъявленными врагами (Pertz. II. 195 и 768). Симонъ Логофетъ и вообще продолжатели Феофана и Амартола именуютъ русъ *дромитами* изъ рода *франковъ*. По Ибнъ-Фадлану руссы носили *франкскіе мечи*. Южнѣе аверновъ и г. Нарбонна, на с.-в. склонѣ Пиренеевъ и раскинулся примыкающій къ морю обширный округъ Русильонъ (Rous-

¹⁾ Тацитъ германцевъ отдѣляетъ отъ даковъ и сарматовъ (славянъ) горами, очевидно Карпатскими. По Страбону (*Geogr. lib. VII*) Германія простиралась до Каспійскаго моря, что повторено въ хроникѣ Регинона подъ 889 г. Скандинавскія преданія юговосточную Русь называютъ Великой Свеоніей, родиной царей скандинавскихъ (*Heimskringla*). Названіе Руси Германіей обьявлено, кажется, своимъ происхожденіемъ Германариху, обладавшему всей южной Русью, куда во II вѣкѣ проникли готы съ береговъ Балтики: «Veneti, Antes, Sclavi, omnes Ermanici imperii serviebant» (Jordan, с. 23).

²⁾ Въ грамотѣ князя Юрія II, данной г. Саноку въ 1339 году, западная Русь—«Ruthenia».

sillion), называвшійся при Каролингахъ «Ruscillonum» на югъ отъ гг. «Ruthenis, Rutenica» существовавшихъ при Меровингахъ и Каролингахъ, на востокъ отъ Roscidavallis, не говоря уже о с. Roscinos или Ruscino на р. Орлиной, впадающей въ заливъ Rosas, у г. Rosas. Горы, тянущіяся отъ Арильяка до Валенса, назывались *Rutheni* (Дройзена историч. карты древн. Европы; Меркаторъ, и друг.).

Преданія сѣверныхъ и западныхъ народовъ представляютъ много сходнаго съ рассказомъ нашей лѣтописи о призваніи варягорусскихъ князей. Въ описаніи путешествія Отара и Улестейна Восточное Балтійское побережье (Ostland) есть «великая земля... меда и рыбы тамъ большое обиліе... многіе между жителями происходятъ раздоры»... (Ant. russes, II). Въ хроникѣ Видукинда приглашеніе бриттами саксовъ владычествовать надъ ними передается почти одинаковыми съ русскою лѣтописью выраженіями (Mon. Germ. hist. scr. III. 419). Въ вопросѣ о происхожденіи Руси весьма, по моему убѣжденію, важенъ связанный съ преданіями о происхожденіи *венетичей* рассказъ Константина Порфиророднаго о переходѣ лонгобардовъ (длиннобородыхъ), въ началѣ VII в., изъ Панноніи въ Италію по приглашенію греческаго патрикія Нарзеса: «Придите», говорилъ онъ, «сюда въ страну изобильную, текущую млекою и медомъ, и поселитесь въ ней»... Прибывъ, съ родами своими, къ Беневенту и встрѣтивъ противодѣйствіе тамошнихъ жителей, они построили *Новгородъ*—Civitas nova. Подчинивъ себѣ окрестности Беневента, ятѣмъ завоевавъ Лонгобардскую территорію, кромѣ нѣкоторыхъ округовъ, въ томъ числѣ *Русіаны*, Неаполя и пр., въ 749 г. раздѣлили Лонгобардію на герцогства. Власть была вѣрена двумъ братьямъ—Сакону и Сикарду... *Венетичи* (Venetici)¹⁾, сосѣди лонгобардовъ, до заселенія острововъ назывались *енетами* (вѣроятно, *антими*)... Въ древности Венетія была пустынна и болотиста. Венеты были *франки изъ Аквилей и друицъ мѣствъ Франціи* и жили на материкѣ противъ Венетіи. Спасаясь отъ вторженія Атиллы, обезлюдившаго и опустошившаго всю Францію, франки изъ Аквилей и др. городовъ своихъ, спасаясь бѣгствомъ, приходили къ низменнымъ островамъ Венетіи, обстроились тамъ и избрали себѣ вождя. Пипинъ, съ тремя братьями, которые стояли во главѣ надъ всѣми франками и *славянами*, сказалъ венетамъ: «Вы подъ моею рукою и подъ моимъ попеченіемъ, ибо вышли изъ моей области»... Венеты заключили, около 810 г., съ королемъ Пипиномъ мирный договоръ, обязавъ уплачивать ему большую дань... (De adm. imp. гл. 27 и 28). Отрасль рутеновъ Галлія (Gallia romana—Francia romana), на которыхъ, вмѣстѣ съ другими приморскими альпійскими народами, Геронъ

¹⁾ Ср. «венетичи» въ Словѣ о полку Игоревѣ.

распространилъ латинское право (Тацитъ—Appal., кн. XV), быть можетъ, Тацитовы Саусі или Шаусі (кавчи), Каукооп-сіоі Птолемея, вошли въ составъ Галиціи Руси и Галицкаго княжества въ горахъ Кавкасіе-скихъ (Угорскихъ или Карпатскихъ), по созѣдству съ древней Дакіей, дѣлившейся на двѣ половины лѣвымъ притокомъ Дуная, рѣкой Алютой (Ptolom. Georg. III, cap. 8) ¹⁾. Въ Протогеновой надписи III вѣка, именно —декретъ въ честь Протогена, упоминаются *илаты*, по моему мнѣнію, *илльскаю* происхожденія, угрожающіе Ольвиі въ союзъ со скирами (Латышевъ: Inscriptiones... o. v. Pont. Eux. v. 1). Галицкіе рутены расселились до р. Топли, гдѣ анонимный, во многомъ увлекавшійся баснословными сказаніями, венгерскій лѣтописецъ кладетъ границу между уграми, рутенами (ruthenov) и поляками, приводя преданіе о соглашеніи русскихъ вождей, прибывшихъ въ Паннонію, принадлежавшую нѣкогда Атилѣ, съ отцомъ Арпада Альмомъ (конецъ IX в.), который будто бы уступилъ имъ во владѣніе Галицкую землю ²⁾. Часть Панноніи—Rugiland, издавна считалась русскимъ отечествомъ «russorum patria» (Павелъ Діаконъ). Въ хроникѣ Адемара «Alba Ungria», населенная и по нашей лѣтописи бѣлыми уграми задолго до прохожденія (при Олегѣ) мимо Кіева черныхъ угровъ, отличается отъ «Ungriae Nigrae.... quae dicitur Russia» (Pertz: Monum. Germ. IV, 129). Съ X вѣка, по указанію самого Петрушевича, сомнѣвающагося въ славянизмъ руговъ, Rugia означала то же, что Russia (Наук. Сб. III, 177). Обитатели ея назывались то гусвалі, то guzzi, какъ и въ скандинавскихъ грамотахъ новгородскіе руссы—guzar, guzov. Они до 900 года повиновались моравскимъ государямъ ³⁾.

На побережьи Балтійскаго моря, гдѣ нашъ лѣтописецъ помѣщаетъ варяжскую вѣтвь или колено руси, между готами и агнянами (т. е. англанами), образовались, по близости Angeln'a, области *Rosen-gau*, жители которой, въ 803 г., переведены были Карломъ Великимъ въ другія мѣста за постоянныя стачки съ норманнами (Appal. Mois. Pertz., II, 258), и

¹⁾ Вытекающая изъ восточныхъ Бескидъ р. Алюта, по надписи временъ Траяна, сближается съ горами Кавкасіе-скими: «Alutum flumen secus mont. Caucasi» (И. Шараневичъ: Kritische Blicke in die Geschichte der Karpaten-Völker, 51). — Геродотъ въ описаніи страны, по которой проходило войско Ксеркса на пути къ Греціи, упоминаетъ область *Галлацкую* (Ib. 53). По Юриану, жилища *алтовъ* простирался до р. Алюты. Велесовъ внукъ Бонинъ, видно, не безъ основанія превращаетъ руссовъ въ быстриногихъ *илльцъ* (галка—на малорусскомъ нарѣччіи кавка, а самъ авторъ Слова о полку Игоревѣ облакаетъ русскихъ князей въ *латинскіе* шеломы.

²⁾ Endlicher: Monum. Agrad. p. 8—13. Schwandtner, III, 14. Подробн. разб. у В. Грота: Моравія и Мадьяры, 203.

³⁾ Это признають какъ наши, напр. О. Мерошкинъ: Истор. крит. изслѣдов. о руссахъ и славянахъ, такъ и иностранные ученые.

Rustringen, подаренная Людвигомъ Благочестивымъ крестному сыну своему Геріольду (Einhard, подъ 826 г.). Последняя область находилась во Фризіи, по обѣимъ берегамъ р. Яды, неподалеку Вагріи, гдѣ протекаетъ р. Травна (Гельмольдъ), на югъ отъ Галлскіхъ острововъ, и была подчинена князьямъ Ольденбургскимъ. Жители Рустрингии—рустры или рустринги обрабатывали «обширнѣйшія и плодороднѣйшія поля». Море провало защищавшія ихъ земли плотины и хлынувшимъ наводненіемъ они были крайне стѣснены и обездолены (Chron. Oldenb.). Не потому-ли призывавшіе варягорусскихъ князей чудско-славянскія племена сулили имъ свою великую и обильную землю, предлагая переселиться (съ родами) на эту землю?.. Сѣверныхъ ругіанъ нерѣдко смѣшивали съ рустрами, повидимому распространяя географическія предѣлы Ругіи причисленіемъ ругіанъ къ рутенамъ. У Эббо, Герборта и нѣкоторыхъ иныхъ хронистовъ ругіане—ругіане, коимъ было подготовлено занятіе въ 911 году Нейстрійской Нормандіи знаменитымъ Роллономъ, водворились тамъ сперва въ Руанскомъ округѣ. Гельмольдъ, жившій въ Вагріи и слѣдовательно хорошо знавшій окрестныя племена, не отличаетъ ругіанъ отъ равъ, въ его время занимавшихъ и островъ Рюгенъ:—«gani, qui et rugini, сильнѣйшій народъ изъ славянъ»... (lib. 1). Населявшихъ островъ Рюгенъ ругіанъ Гюльманъ именуется Holm-rug'ами или ульме-ругами. Когда Оттонъ Бамбергскій собирався, для проповѣди христіанства, въ страну *руганъ* и находился въ Волинѣ, то на предложеніе епископа, обращенное къ близко знакомымъ съ мѣстностью и нравами ихъ штетинцамъ, они рассказали ему «de origine *Ruthene gentis*», о свирѣпости ихъ натуры, непостоянствѣ вѣры и грубомъ ихъ языкѣ..., не умолчали даже о томъ, что они должны бы были подвѣдомственны архіепископу датскому (Herb. III, 30). Отозванный Лотаремъ, Оттонъ вынужденъ былъ отказаться отъ подвига озарить свѣтомъ христіанства *коренную страну славянскаго язычества* (1127 г.). Вскорѣ послѣ причиненія *рустрами* жестокой обиды епископу Гарольду въ 1155 г., *ругіане*, наиболѣе упорные въ язычествѣ, приняли христіанскую вѣру, по почину князя ихъ Яроміра, въ 1168 г. (Chron. Slav., lib 1, cap. 72, lib. II, cap. XII).

Названіе «Ругія» переносилось западными писателями и на Кіевскую Русь: «*regina Rugorum*» (Ламбертъ Ашафенб. и друг.). Въ Сборникѣ законовъ Эдуарда Исповѣдника сказано: «Эдмундъ, сынъ Эдуарда, бѣжалъ *ad regnum dagorum*», по иной редакціи—*rugorum*, quod nos melius vocamus *Russiam*» (Kunik: Beruf. d. sheved. Ruodsen II, 34). Глубокіе слѣды пребыванія русскихъ на Балтійскомъ побережьи, между Эльбой и Одрой, запечатлѣлись въ географической номенклатурѣ. Какъ у греческихъ авторовъ руссы являются *дромитами*, такъ у западныхъ они

превращаются въ *быстрыхъ* или *удалыхъ* дановъ. Напр., по словамъ Ра-венскаго географа, отрасли *быстроходныхъ* дановъ населяли древній полу-островъ Кимврийскій Данию (Anon Raven. IV, cap. 13), а по Дитмару, большинство населенія Кіева, гдѣ, по нашей лѣтописи, собиралась, для торговли, «латина», состояло «ex *velocibus danis*». Наиболее удалыми считались даны, перебравшіеся за Двину—«juxta Dina fluvium», протекавшую «черезъ царство *ардовъ*» (Herzog- saga въ Ant. russes, т. I), а тамъ-то, у обычнаго пути «изъ Руси въ Варягы» и образовались особыя, долго бо-ровшіяся съ нѣмцами въ XIII в. русскія княжества Герсике и Куконофъ, состоявшія подъ рукою полоцкаго князя. Національныя туземныя про-званія сѣверныхъ народовъ, обитавшихъ на побережьяхъ Балтійскаго моря и въ Скандинавіи, сглаживались огульной характеристикой ихъ, какъ *людей*, жившихъ въ *получныхъ* краяхъ—Nordmanni. Въ Лобьенскихъ анна-лахъ за 780 г. норманны названы сѣверными людьми—Nordleudi (Pertz.: Monum. Germ. II, 195), въ грамотѣ Карла Великаго того же года—*Nord-leute*. По качеству или достоинству тѣла греки называли русскихъ *россами* (Лиудирандъ), такъ же какъ и сами себя они называли на своемъ *род-номъ* языкѣ (Лавъ Діаконъ). Качество это заключалось въ высокому *росту*, по показанію нѣкоторыхъ греческихъ и многихъ арабскихъ писателей.

Аль-Массуди, вводя въ составъ Руси многіе народы, дробящіеся на племенные группы, останавливается на *многочислѣннѣйшемъ* племени руссовъ—*луданъ* или *лудаѣ*. По моему мнѣнію, это ничто иное, какъ средній и низшій *классъ* русскаго народа—*людины*, у еврейскихъ писателей *лудимъ*, противопологаемые въ договорахъ X вѣка боярамъ—«*всеи людье рускіи*» (ср.: «*ходиша ротѣ люди Игоревы*»), а въ Русской Правдѣ княжимъ му-жамъ: «*еще будетъ людинъ...*»¹⁾. Людины, въ глазахъ арабовъ, поглощали сравнительно малочисленной высшій классъ, состоявшій сначала преиму-щественно изъ норманновъ, въ битвахъ русскихъ князей становившихся «*посредѣ дружины*» княжеской (Лавр. 147), по славянорусской національ-ности *людиновъ*, къ которой лишь применилъ элементъ варяжскій: «*людье новгородци... преже бѣша словѣне*»... Подъ классъ *людиновъ* подводились и купцы русскіе при описаніи ихъ путешествій въ Испанію, Италію

¹⁾ Ольга множество *людей* г. Искоростена предала работѣ мужамъ своимъ». Она молилась «за сына и за *люди* землѣ Русскія». Ярославъ въ 1034 году *людемъ* написалъ грамоту» (Соф.)—«Бояры, посадники, старѣйшины и *люди*» (Лавр. 122). Князья «уста-вливали *людей*» (Ипат. 233), «творили *людемъ* нарядъ» (Лавр. 359). «Ветавше *людье*, избѣша бояре своя» (подъ 1037 годъ). — «Начаша твояи грабити, *люди* продавати» (1093 г.)—«Бояръ и *людье* добрии .—«*Всѣ мои людье* и бояре» (Ипат. 563 и 583). Въ 1305 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ «избиша *черныи люди* бояръ князь-Андрѣевыхъ ..., «князь избѣ всѣхъ *ельчмыковъ*, иже избѣша бояръ» (Никон. т. X, 176). Въ западно-русскихъ актахъ простолюдины русскіе—*люди* (Арх. С⁷. Вил. Ком. т. I, 19). Иногда, въ видѣ исключенія, подъ *людьми* лѣтописи разумѣетъ всѣхъ гражданъ.

Византию, Хазарію и восточныя страны съ коммерческою цѣлью.—Арабскіе авторы сообщаютъ нѣсколько туманныя, но драгоцѣнныя свѣдѣнія о руссахъ, заурядъ развѣтвляя ихъ на три отрасли. Ибнъ-Хаукаль различаетъ русскія народности: центральную кievскую, словенскую или новгородскую, обитавшую на нездоровомъ и болотистомъ островѣ (Holmgardia исландскихъ и скандинавскихъ сагъ, ибо holm—островъ), и *Артанскую*, съ царскою резиденціей въ Артѣ, составляющую камень преткновенія для ученыхъ. Абульфеда въ гл. VII своей географіи (по изд. Рено) поясняетъ, что русская Арта простирается до владѣній греческихъ на сѣверѣ отъ нихъ. Аль-Истархи тоже придвигаетъ Артанію къ границамъ румскихъ, т. е. греческихъ владѣній. По словамъ Аль-Массуди, руссы живутъ по берегу Чернаго моря, въ Хозарской странѣ, не повинуюсь (ей) царю, простираясь отъ востока на западъ, и имѣютъ въ своей землѣ серебряный рудникъ, подобный находящемуся въ горѣ Панджгиръ (вѣроятно Пятигорье). Сопоставленіе всѣхъ извѣстій объ Артаніи склоняетъ меня къ заключенію, что Арту слѣдуетъ искать на сѣверѣ отъ малоазійскихъ греческихъ владѣній, гдѣ на югъ отъ Батума, между моремъ и р. Чорюкомъ, есть Арта ¹⁾. Вѣроятно, эти руссы способствовали образованію Тмутороканскаго княжества, или государства, по выраженію Абульфеда, уже подчиненнаго Кіеву въ ту пору, когда писалъ Массуди. Простиралось оно отъ Дона, слышшаго то славянскою, то русскою рѣкою, до Зихіи, отдѣляясь отъ нея р. Укрухомъ (Конст. Порфир.) и захватывая часть Кавказскаго побережья и Таманскій полуостровъ съ городомъ Матархой, матерью мѣстныхъ городовъ, какою, по Страбону, называлась и Пантикапея. Обычай почитать старѣйшій городъ матерью младшихъ союзныхъ городовъ существовалъ и у прибалтійскихъ славянъ. Такъ древнѣйшій изъ городовъ земли Померанской Штетинъ слылъ матерью окрестныхъ городовъ—«mater civitatum (Vita Otton. Vamb.). Послѣ того какъ Кіевъ наименовался матерью городовъ *русскихъ* при Олегѣ и по его инициативѣ, Тмуторокань стала утрачивать свою политическую самостоятельность. Въ сосѣдствѣ съ Матархой, у Азовскаго моря (Меотіи), по Димешки, Едриси и Магреби (Frähn, Ibn. Fozl. u. and. arab. Berichte), издревле обитали торговавшіе съ Востокомъ Аорсі или арсіиты, между Дономъ и Волгой до Меотійскаго и Сурожскаго морей, богатый и «ходившій въ золотѣ народъ» Спадинъ (господинъ) царь аорсовъ посылалъ однажды Босфорскому царю Фарнагу въ помощь многочисленную конницу (Страбонъ, кн. XI). Тамъ,

¹⁾ Обыкновенно, по ошибкѣ, полагаютъ, что Артанія примыкала къ Волжскому бассейну (племя Эрва, г. Арзамасъ и т. под.); тамъ была не Артанія, но Арса (въ нынѣшн. Казанск. губерніи. г. Арскъ). Князья ея назывались *арскими* (Воскрес. т. VIII 276 и друг.).

кажется, поблизости нынѣшняго Ростова на Дону, находился упоминаемый еще въ актахъ исхода XII в. городъ *Rusia*¹⁾.

Договорныя грамоты X вѣка, подлинность коихъ, заподозрѣнная нѣкогда А. Шлецеромъ, никто нынѣ не дерзаетъ отвергать, особенно послѣ авторитетнаго замѣчанія Ф. Миклосича въ его изданіи Несгородовой хроники, раскрываютъ истинныя свойства зачаточнаго государственнаго строя Русской земли, слагавшагося подъ верховною властью единодержавнаго князя, при звонѣ вѣчевыхъ колоколовъ, собиравшихъ жителей земли на сонмища (лѣтоп. подъ 980 г.) для обсуждения и рѣшенія, нерѣдко по волѣ великаго князя, и важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ. Въ процессѣ продолжительнаго броженія славянорусской и варяжской или варягорусской стихіи первая взяла перевѣсъ, поглотивъ послѣднюю, благодаря подавляющему численному превосходству. «*Словѣнску языку* (народу) учитель есть Павель, *отъ него же языка мы есмь русь*». Въ одной изъ бесѣдъ патріархъ Фотій замѣчаетъ, что русскій народъ былъ причисленъ къ *рабамъ*, т. е. къ *славянамъ*, по присвоенному имъ названію «*sclavi, sclavini, servi*»²⁾ у западныхъ, «*саклабы и сакалибы*» у арабскихъ и еврейскихъ писателей, указавъ такимъ образомъ на національность руси, униженную по зависимому нѣкогда положенію словеноруссовъ³⁾. Оближеніе Руси съ греко-римскимъ міромъ оказало огромное вліяніе на весь ея патріархальный бытъ. Давно считается въ наукѣ непререкаемой истиной, что соревнованіе съ высокоцивилизованной Византійской имперіей подготовило Русь къ воспринятію выдвинутыхъ греко-римской культурой юридическихъ нормъ и къ сочетанію ихъ съ обычнымъ славянорусскимъ правомъ. Такое соревнованіе Русь могла выдержать, при національной самобытности

¹⁾ Въ 1169 году греческій царь Мануилъ дозволилъ генуэзцамъ свободное плаваніе, для торговли, во всехъ городахъ или земляхъ «*praeter Russiam et Matracham*» (вариантъ — «*absque Rossia et Matracha*»), если не получаютъ особое разрѣшеніе подлежащаго правительства. То же повторено въ грамотѣ Исаака Ангела 1192 г. (*Atti d. soc. I. figure di stor. patr. vol. 28, p. 352-364*. Ср.: *Acta et dipl. Graeca*, изд. Миклосича и Миллера). — Аорсовъ надо отличать отъ *роксолловъ* или *роксоланъ*, народа кочевавшаго въ войлочныхъ кибиткахъ и питавшагося кобыльимъ молокомъ (Страбонъ). Въ Словѣ о полку Игоревѣ кочевники — кощеи уподобляются *сорокамъ*, быть можетъ прииѣнительно къ названію сосѣднихъ съ аорсами *сираксовъ*, упоминаемыхъ Тацитомъ и др.

²⁾ Въ актахъ Людовика Благочестиваго и Лотаря, напр. 828 г., «*servi vel sclavi*». По словамъ Костант. Порфир. *servi* — рабы (*De adm. imp. гл. 31*).

³⁾ Въ западной Россіи цѣлое сословіе мелкопомѣстныхъ бояръ впоследствии обратился въ рабовъ, подъ названіемъ *путымы*, отъ слова *путы* (въ Словѣ о полку Игоревѣ «*путы жслѣзныя*»); «*cum servis, alias putymy*» (Грам. Сягизмунда I отъ 1529 года, въ Опис. арх. Виленск. библ., № 97).

въ языкѣ, правахъ и земскомъ строѣ, только съ примѣсю упругаго варяжскаго элемента, способствовавшаго охлажденію племенной вражды, а вмѣстѣ съ тѣмъ—политическому объединенію родственныхъ по происхожденію, а также сосѣднихъ инородческихъ племенъ, усовершенствованію ихъ исконныхъ порядковъ и развитію творческаго духа «рода русскаго». Встрѣтивъ достойныхъ по отвагѣ, закаленныхъ въ бояхъ, свѣдущихъ въ законахъ и непреклонныхъ по гордому характеру соперниковъ въ варяжскихъ князьяхъ, посѣявшихъ среди подвластнаго населенія выработанныя высшей цивилизаціей правовыя понятія, Греція въ X вѣкѣ стала обращаться къ Руси какъ къ равносильному ей¹⁾ и *справедливому* государству. Съ той поры греки упрочили за Русью титулъ государства *правового*, соотвѣтственно средневѣковому идеалу, и постепенно, съ принятіемъ и распространеніемъ христіанства²⁾, она перенесла на свою почву византійскія представленія о царской власти. Начало этого усвоенія слѣдуетъ отнести къ X вѣку, когда русскіе дипломаты обращались къ греческимъ императорамъ какъ къ «великимъ о Бозѣ самодержцамъ» (912 г.), «христіолюбивымъ владыкамъ» (945 г.), «богодохновеннымъ» (971 г.), какъ хранителямъ божественнаго права, словомъ, такими, какими ихъ изображаетъ Эпанатога, составленная, вѣроятно, при непосредственномъ участіи патріарха Фотія. Анналистъ Саксонъ уподобляетъ столичный городъ русскаго Острогарда—Кіевъ царственному городу, великолѣпному украшенію Греціи, Константинополю, которому, по выраженію Адама Бременскаго, онъ соревновалъ («*aemula sceptri Constantinopolitani*»). Изъ Житія преп. Ѳеодосія Печерскаго XI в. видно, что столичный князь кіевскій поминался въ ектеніяхъ какъ «христіолюбивый владыка» наравнѣ съ греческими императорами. Въ XII в. Наславъ списывалъ евангеліе *царю* Мстиславу, желая «обрѣсти милость отъ своего *царя*». По Изяславѣ Мстиславичѣ,

¹⁾ Нѣкоторые ученые придерживаются ошибочнаго мнѣнія, будто греческіе императоры относились къ русскимъ великимъ князьямъ, какъ къ рабамъ, напр. бар. М. Таубе (Принципы мира и права). Ф. Успенскій основательно замѣтилъ, что Византія находила возможнымъ вступать съ Русью въ международныя сношенія, какъ съ государствомъ *правильно* организованнымъ (Русь в Византіи X в.).

²⁾ Сближенію русскихъ съ греками содѣйствовало частое посѣщеніе первыми св. Аѳонской Горы. На ней очень рано возникъ монастырь *русскій* св. Пантелеймона, гдѣ постриженъ былъ Сава (Никон., т. X, подъ 1204 г.). «Изъ старины тотъ монастырь св. Пантелеймона въ святой Горѣ строеніе бѣше первыхъ великихъ князей русскихъ» (Воскрес., т. VIII, 233). На шлемахъ русскихъ князей, напр. Изяслава Мстиславича, красовалось изображеніе св. Пантелеймона (Ипат., 303). Монастырь Пантелеймоновскій уступленъ русскимъ 1169 г. Первоначально поселились русскіе въ Кемзургійской обители. Монахи св. Горы изъ этого монастыря часто приходили къ московскимъ царямъ за милостыней (Воскр., т. VIII, 247 и 263).

котораго дружинники чтили «яко *царя* и князя своего» и которому говорили — «ты *сѣди царствоу* Кіевѣ», плакали все подданные «яко по *цари* и господиѣ своимъ» (Ипат. подъ 1151 и 1164 г.); рука Андрея Боголюбскаго—рука *царская* (Давр. 338); отецъ Давида Галицкаго Романъ «бѣ *царь* въ Русской земли» (Гв. 536). Царемъ свѣтлымъ звали великаго князя и арабскіе писатели, присоединяя иногда домашній титулъ кагана.

Драгоценны договорные акты X вѣка и въ качествѣ памятниковъ литературныхъ, какъ бы ни были они первоначально написаны—глаголицей (И. Срезневскій)¹⁾, или кириллицей, незадолго до ихъ появленія изобрѣтенной. Дѣловой языкъ договоровъ, несмотря на шероховатости, не имѣющій приписываемаго ему подобія съ младенческимъ лепетомъ, подвергался тщательнымъ изслѣдованіямъ филологовъ, привлекая ихъ вниманіе, между прочимъ, своеобразною смѣсью элемента церковнославянскаго съ русскимъ простонароднымъ, выхваченными изъ живой рѣчи словами и выраженіями. Первый беретъ сильный перевѣсъ надъ послѣднимъ въ договорахъ, редактированныхъ въ Византіи и на югѣ Россіи, гдѣ, по замѣчанію И. Ягича,—благодаря сношеніямъ съ южными славянами, «господство чистаго славянскаго языка продолжало быть сильнѣе и сознательнѣе, чѣмъ на далекомъ сѣверѣ, завязавшемъ очень рано сношенія съ западнымъ проземецствомъ» (Критич. замѣт. по истор. русск. яз.). Отличая, подобно императору Константину и Ибрагиму ибнъ-Якубу, славянскій языкъ отъ русскаго, какъ напр. Житіе Антонія римлянина, который «не навъчъ *словенску* и *русску*» обычаю и языку, отечественные памятники и преданія имѣютъ въ виду грамоту церковнославянскую вирилломефодіевскую,—«яже грамота есть въ Руси и въ Болгарѣхъ Дунайскихъ»,—и живой языкъ просторусскій или просторѣчье, противопологаемое книжному изложенію (Ипат. подъ 1090 г.). Начальная лѣтопись не дѣлаетъ радикальнаго отличія между славянскимъ и русскимъ языками: «а словѣнескъ языкъ и русскый—одинъ», повторяя слова Прокопія о языкѣ автовъ и славянъ: «*una est utrisque antie et slavie lingua*»... Въ Панновскомъ житіи св. Кирилла также отождествляются славянскій и русскій языки: «Пришедъ Войтѣхъ въ Мораву и въ Чехы и въ Ляхы, разруши вѣру правую и *русскую* грамоту отверже и латынскую вѣру и грамоту постави». Въ надписи на Реймскомъ евангеліи XI в.: «*русское* письмо, вѣра *русскаго* закона». Сомнѣніе могла бы возбудить извѣстная, приведенная анналистомъ Саксономъ и Козьмою Пражскимъ грамота 971 г. папы Іоанна XIII объ учрежденіи пражскаго епископства, но сомнѣніе исчезаетъ при болѣе внимательномъ ея чтеніи: «*Verum tamen non*

¹⁾ См. объ изобрѣтеніи Мефодіемъ якобы *зотическихъ* буквъ (Erben.: Regesta, подъ 1069 г.).

secundum ritus aut sectam (обряду или исповѣданію) *Bulgariae gentis*¹⁾, vel (либо) *ruziae aut* (или) *slavonicae linguae, sed unum potiozem totius ecclesiae ad placitum eligas in hoc opus clericum latinis adprime literis*²⁾ eruditum»... и т. д. Владиміръ св. ввелъ «ученіе книжное» (лѣтоп. подъ 988 г.). Греческіе книги и сборники, какъ Фотіевъ Номоканонъ, переводились, по приказанію Ярослава, на церковнославянскій языкъ: «прѣла-даше отъ грекъ на словенскій языкъ и писма» (подъ 1036). Неоспоримо вліяніе и византизма на договорные акты X вѣка въ ихъ формѣ и складѣ, отчасти въ отдѣльныхъ рѣченіяхъ, но далеко не такое подавляющее, какое предполагалъ Н. Лавровскій, не отрицавшій, впрочемъ, наличности въ договорахъ нѣкоторыхъ свойственныхъ русскому языку особенностей, напр. тавтологія — «упитатся щиты», «въспятятъ опять» и т. п.

Текстъ договорныхъ грамотъ X вѣка дошелъ до насъ нѣсколько поврежденнымъ; однако, поврежденія, выразившіяся то въ сокращеніяхъ, то въ прибавкахъ, то въ замѣнахъ и перестановкахъ, то въ опискахъ («на день» вмѣсто «на дань» и т. под.), къ счастью, не затемнили смысла договорныхъ грамотъ, хотя и очень затруднили ихъ возстановленіе. Переписчики лѣтописей, «книжные писатели», копируя ихъ, нерѣдко для князей, какъ монахъ Лаврентій—для князя Дмитрія Константиновича, по благословенію епископа Діонисія Суздальскаго, Новгородскаго и Городскаго, благоговѣнно вникали въ замысловатый слогъ договоровъ, дорожили ими, какъ драгоценнымъ, великимъ памятникомъ и блестящимъ украшеніемъ лѣтописи, а потому, въ большинствѣ, несмотря иногда на вѣтхость, неразборчивость и слитность письма, дѣлали снимки съ нихъ весьма старательно и осторожно. Такъ монахъ Лаврентій подъ 945 годомъ написалъ «почаеъ пакость», вмѣсто «по(ус)чаеъ» «пакост(ит)ъ странѣ его», а въ ст. о выкупѣ плѣнныхъ написалъ «не купать» вмѣсто «искупать», только единственно потому, что «умъ молодъ не дошелъ». Сильно пострадали отъ измѣненія лишь кое-какіе списки болѣе поздняго происхожденія, напр. Воскресенскій, Тверской. На нѣкоторыхъ спискахъ договоровъ 912 и 945 гг., по образцу быть можетъ существовавшихъ подлинныхъ заголовковъ, напр.: «О Корсунстѣй странѣ», съ теченіемъ времени приставлены новые, отвѣчающіе содержанію статей заголовки: «О лодіѣ съ товаромъ»;—«О головной татѣбѣ» и друг. Если Археографическая

¹⁾ Многие, въ томъ числѣ Петрушевичъ, Голубинскій и Регель неправильно читаютъ: «*Bulgariae gentis vel Ruziae*» (*gentis*).

²⁾ Письменамъ латинскимъ въ грамотѣ Іованна VIII отъ 880 г. противопоставляется выраженіе ...*litteras slavonicas*, а Constantino quondam philosopho repertas... Въ постановленіи Спльятскаго собора 925 г., ст. 10: «*ut nullus episcopus audeat... slavonica lingua promoveri*»... (Cod. dipl. r. Croat., Dalm. et. Slav.).

Коммиссія не поняла нѣкоторыхъ мѣстъ лѣтописи за XIII вѣкъ¹⁾, то еще гораздо труднѣе разоблачить ошибки въ принятомъ чтеніи договорныхъ актовъ, появившихся нѣсколькими столѣтіями ранѣе²⁾. Первоисточникъ лѣтописныхъ свѣдѣній о дипломатическихъ переговорахъ русскихъ съ греками и текстъ договорныхъ актовъ заключался, по моему мнѣнію, не въ какой либо утраченной византійской хроникѣ (Строевъ и др.), но въ архивныхъ сборникахъ документовъ по сношеніямъ русскихъ великихъ князей съ византійскими императорами, вѣрительныхъ грамотахъ или наказныхъ памятяхъ («повелѣніе» и «заповѣдь» въ догов. Олега и Игоря), содержащихъ въ себѣ завѣты или инструкціи посламъ, съ «рѣчами»³⁾ договорныхъ посольскихъ записяхъ, протоколахъ или меморіалахъ посольскихъ совѣщаній, посольскихъ отчетовъ⁴⁾ и утвердительныхъ грамотахъ съ черновыми ихъ отпусками⁵⁾. Подобные документы, снабженные переводами договорныхъ грамотъ, хранились нѣкогда въ Кіевѣ,—гдѣ еще въ 1147 году находились столь древнія святыни, какъ привезенная Владиміромъ св. изъ Корсуна глава св. Климента (Похвала мон. Іакова и Ипат. лѣт. 241), почему Титмаръ Мерзебургскій и даетъ Десятинной церкви, гдѣ она была положена, названіе церкви св. Климента (Chron., lib. VII), и были доступны автору кіевской лѣтописи, но погибли отъ военныхъ погромовъ и пожаровъ, какъ и истребленные огнемъ грамоты, лежавшія, по словамъ Симона Логофета, въ Софійской церкви Царьграда, а въ 1204 г. разграбленные крестоносцами. Одинаковая участь постигла позднѣйшія многочисленные грамоты. Кіевъ, Новгородъ и другіе русскіе города неоднократно подвергались опустошеніямъ и отъ случайныхъ причинъ, и отъ между-

¹⁾ Напр. напечатано: «въ томъ же ~~юльнѣ~~ Львъ събоденъ бысть... бѣ бо храбръ и во велицѣ чести умеръ» (Ипат. лѣтоп. 2 изд., подъ 1231 г., стр. 509) вмѣсто, какъ бы надлежало: въ томъ же ~~юльнѣ~~ Шельвъ събоденъ бысть, бѣ бо храбръ и во велицѣ чести умер(е) тѣ. (ср. на 502 стр.: «а Стегутъ уьбенъ бысть Шелвомъ»);—«супротивъ Коструль» (Ib., стр. 556) вмѣсто ...супротивъ, ~~ко Струль~~—острову близъ р. Стыря (А. Ю. З. Рос., т. VI, стр. 2).

²⁾ Такъ Археогр. Коммиссія вводитъ читателя въ заблужденіе, предлагая въ примѣч. подъ догов. 945 г., въ 3-мъ изд. Лавр. лѣтоп., подставить «по нь ~~уже~~» вмѣсто «поне же». Ср.: «аще хотите ~~поме~~ къ свѣту върѣти мѣ», ... то ~~поме~~ до единныя молитвы» (Измарагдъ, изд. Яковлева, 81 и 83).—«Аще еси въ животѣ не далъ милостыни, ~~поме~~ до смерти дай» (А. Ист., т. I, № 6), и т. д.

³⁾ «Ать мой посолъ молвить рѣчь мою къ нимъ», т. е. къ кіянамъ (Ипат. 245). «Послаша (галичане) ~~е~~ рѣчаша» (Ib. 501).

⁴⁾ Напр. Отчеты по русско-крымск. отнош. 1474—1505 гг., въ 41 т. Сб. Русск. Истор. Общ.

⁵⁾ «И тому приговору списокъ черном, а грамота у государя» (А. Арх. Эксп. I, № 279. Опис. царск. арх. XVI в.).

усобій и частыхъ на югъ нашествій кочевниковъ. Такъ въ 1017 г. «погорѣша церкви» (въ Кіевѣ); въ 1046 г. сгорѣлъ храмъ Софійскій въ Новгородѣ, который поздѣе до тла спалилъ Всеславъ полоцкій; 23 и 24 Юня 1124 г. «бысть пожаръ великъ въ Кіевѣ, яко погорѣвшю ему мало не всему, яко церквѣи единѣхъ погорѣло близъ 600». Жестоко пострадали кіевскія церкви отъ разгрома въ 1202 г. Въ Московскій пожаръ 1454 г. сгорѣлъ весь Кремль, церквей 13, и т. д. Въ духовной 1431 г. митрополитъ Кіевскій Фотій горько скорбитъ, что въ Кіевѣ отъ пожара «грамоты вси церковныя погорѣли» (Соф. лѣтоп., т. VI, 148). Въ 1185 г. сгорѣли во Владимірѣ 32 церкви и соборная св. Богородицы; изъ терема (ризицы) выбрасывали на дворъ «и книги», но «все огнь взя безъ утече» (Лавр., Ипат. и др.). Н. Ламбинъ основательно предполагаетъ, что въ кіевской соборной церкви св. Иліи, еще существовавшей въ XII в., когда составлялась начальная лѣтопись («еже есть» — подъ 945 г.), берегались копии донесеній византійской миссіи, послужившія матеріаломъ и для правдивыхъ повѣствованій императора Константина Порфиророднаго о Русской землѣ и народахъ въ ней обитавшихъ, и подспорьемъ для перваго нашего лѣтописца (Славяне на сѣв. Черноморьи, Ж. М. Н. Пр., 1879). Впрочемъ, съ конца X в., дипломатическіе акты могли храниться и у самихъ князей (Соловьевъ), и въ сооруженномъ при Владимірѣ, греческими мастерами, соборной каменной церкви св. Богородицы, въ которой положенъ имъ Уставъ о десятинахъ, данныхъ ей отъ его имѣній и городовъ (подъ 996 г.), и въ другихъ древнѣйшихъ русскихъ церквахъ, преимущественно соборныхъ, гдѣ велись *симоидики* (лѣтоп. подъ 1106 г.) и метрики, а затѣмъ въ Софійской церкви Ярославомъ положены переведенныя съ греческаго на славянскій языкъ книги (подъ 1037 г.). Мы знаемъ, напр., что въ 1175 г., послѣ убійства Андрея Боголюбскаго, была положена въ церкви св. Богородицы во Владимірѣ Клязменскомъ «порядная грамота» между князьями (Лавр., изд. 3, 354). Даже письменныя сдѣлки частныхъ лицъ, торговыя рядницы, межевые акты и т. под. документы складывались, для сбереженія и повѣрки на случай споровъ, въ церковныя лари (ст. 32 и 38 Псковск. судн. грам.¹⁾). Туда же прятались крестныя грамоты перемирныя. Со дня владычства исчислялся условный срокъ перемирія (Догов. Казим. Ягедъ съ Псковомъ 1440 г.). Уловить историческую связь договоровъ X в. лѣтописецъ дѣйствительно могъ не только по рус-

¹⁾ Когда вошло въ обычай строить каменные придѣлы *банни* при церквахъ, съ колокольней, то церковныя книги и акты туда прятались: «*dzwopek do bani cerkwi Siemionowskiej*...» (А. Вил. Ком., т. VI, 565). Формѣ митрополитъ къ церкви св. Михаила въ Переяславѣ «пристрою велику створи... строена *бана камяна*, сего же не бысть въ Русн» (Ипат. подъ 1090 г.).

скимъ, но и по разнымъ греческимъ сочиненіямъ, напр. сочиненію Георгія «О посольствахъ греческихъ императоровъ къ иностраннымъ народамъ» («De legationibus romanorum imperatorum ad exteros»), о которомъ упоминаетъ Левъ Аллаций (Розенкампфъ: Обзор. Коричей кн., прим. 1). Недостатки письменнаго матеріала восполнялись былевыми героическими повѣствованіями, придававшими нидѣ стеченію событій поэтической колоритъ, и туземными устными преданіями. Таковы поэтическія подробности повѣствованія о походѣ 907 г., гдѣ въ Лавр. и Ипат. спискахъ встрѣчается *отрицательное уподобленіе* «...не даны суть словѣномъ прѣ...»¹⁾ (кропинные, которые будто-бы разорвало вѣтромъ), рассказъ объ оляднемъ огнѣ, который греки пуцали трубами, о жестокой расправѣ русскихъ съ греческими плѣнниками при поясненіи «елико же ратниа творять», почти буквально повторенномъ въ описаніи похода 941 г., и т. под. Походныя пѣсни руссовъ, которыми пользовался лѣтописецъ, имѣли форму историческаго повѣствованія, какъ и пѣсни готовъ, по характеристикѣ Юрианда, сдѣланной въ рассказѣ о передвиженіи ихъ изъ Скандинавіи къ Черному морю чрезъ землю спаловъ (полянь). Точные противни договорныхъ актовъ, то въ проектированныхъ наброскахъ, то въ окончательной обработкѣ, съ осколками дипломатической переписки, должны были находиться также въ Черниговѣ, Переяславѣ русскомъ, Полоцкѣ, Ростовѣ, Любечѣ, получившихъ наравнѣ съ матерью городовъ русскихъ Кіевомъ, по выраженію Константина Порфиророднаго *самыя вѣтшия*—*Σαυβατας*, «яко то то есть старій въ землѣ», отъ грековъ, по договору 907 г., *уклады*, и въ пныхъ городахъ, гдѣ проживали подчиненные Олегу князья, съ участіемъ конхъ заключался договоръ и откуда исходили «слы и госте» (945 г.). Въ практическомъ примѣненіи позднѣйшихъ договоровъ Руси съ Греціей встрѣчалась необходимость обращаться къ предшедшимъ съ нею договорамъ, въ виду общихъ или специальныхъ на нихъ ссылокъ позднѣйшихъ договоровъ, или возникавшихъ между державными сторонами недоразумѣній.

Помѣщенные въ лѣтописи условія договора 907 г. обыкновенно принимаютъ за его *отрывокъ*. Однако, допущенныя въ немъ сокращенія (вступление, послѣсловіе и пр.) не позволяютъ думать, чтобы лѣтописцу былъ чуждъ полный, болѣе или менѣе, свѣтокъ дипломатической переписки того времени. Лѣтописецъ могъ удовольствоваться извлеченіемъ изъ нея лишь казавшимся ему болѣе важнымъ и любопытнымъ по ходу описываемыхъ событій. И драгоценную грамоту папы Адріана II отъ 869 г., извѣстную

¹⁾ Ср. въ Словѣ о полку Игоревѣ поэтич. изображеніе творчества Бояна, и въ Задовницкѣ: «аки орлы слетались... то ти были не орлы слетающася»; притскали сѣрые волки, ...то ти были не сѣрые волцы... Въ лѣтоп. подъ 1110 г.: «явился столпъ огненъ отъ земля до небеси... Се же бваше не огненный столпъ, но видъ ангелескъ». —Рамбо обратилъ вниманіе на «l'imagination des chantres slavo-russes» (l'Emp. Gr. 374).

на славянскомъ (Житіе св. Меѳодія), и на латинскомъ языкѣ (во многихъ сборникахъ), нашъ лѣтописецъ, очевидно, пользовавшійся славянскимъ текстомъ *всей* грамоты, которая содержитъ въ себѣ *четыре* пункта, приводить, подъ 898 г., *въ извлеченіи*, именно часть 3-го пункта и весь 4-й пунктъ, — *отъ* изрѣченія, отразившагося въ нашемъ основномъ законѣ о вѣротерпимости: «да ся исполнить книжное слово, яко въсхвалять Бога вси языци»... И позднѣе заносились въ лѣтописи отрывки или отдѣльные, болѣе существенные моменты дипломатическихъ переговоровъ (Ипат., 307, 309, Никон., т. X, 128, 129, 222 и мн. др.). Обѣтъ угорскаго короля, посланный князю Роману Даниловичу, — сознается западнорусскій лѣтописецъ, приводящій изъ него отрывки, — «за множество *весь не списахомъ*» (Ипат., 545, подъ 1254 г.). Переписчикъ лѣтописи «отъ веси (села) ростовскихъ областей, хотя и любитруднѣ написахъ елико обрѣтохъ», но, тѣмъ не менѣе, сознается, что «множества ради *преминухъ*» (пропустилъ) Судебникъ Ярослава Владиміровича съ приложеніями (Тверск., т. XV, 142). Лишь избранныя грамоты, по усмотрѣнію лѣтописца, или по личному желанію князя, вносились въ лѣтопись цѣликомъ. Такія грамоты рѣзко выдѣляются въ лѣтописномъ текстѣ. Одна изъ старѣйшихъ послѣ духовной и письма къ Олегу Святославичу Владиміра Мономаха, о наложеніи княземъ Мстиславомъ Даниловичемъ ловчей повинности на берестяицъ за ихъ крамолу, оглашенная для предостереженія склонныхъ къ смутамъ людей, во всеобщее свѣдѣніе, начинается словами: «Се азъ, князь Мстиславъ»... Въ концѣ пояснено: «А *писала есмь* въ лѣтописецъ крамолу ихъ» (Ипат. 613). Вписаль, чрезъ составителя лѣтописи, самъ князь, ибо лѣтописецъ *отъ себя* говорить, напр., такъ: «о Романѣ *писахомъ* въ послѣдняя».

Посольскіе переговоры объ условіяхъ мира поглощали много времени на ихъ постатейное обсужденіе сторонами, группировку и редакціонную обработку договорнаго матеріала. Сложная процедура заключенія мира, составленія, шлифовки и обмѣна извѣстительныхъ грамотъ сопровождалась типичными обрядностями. Ходъ посольскихъ переговоровъ, а также письменная подготовка, постатейное исправленіе, усовершенствованіе слога, переводъ и облеченіе договоровъ въ ту форму, въ какой они получали ратификацію, были въ X вѣкѣ приблизительно таковы же, какими ихъ изображаютъ относящіеся къ Руси дипломатическіе акты XII—XVII вѣковъ. Въ вопросѣ о порядкѣ мирныхъ сношеній Руси съ Византіей нельзя обойтись безъ историческихъ справокъ о порядкѣ заключенія договоровъ варваровъ съ римлянами, грековъ и русскихъ съ другими народами. Уже въ первые вѣка замѣчается участіе народныхъ представителей въ мирныхъ договорахъ, причемъ наиболѣе вниманія обращалось на платежъ дани и возвращеніе плѣнныхъ. Для мирныхъ переговоровъ съ римскимъ правителемъ Панонніи Эліемъ Бассомъ князь маркоманновъ Балкоміръ

отправилъ 10 пословъ, по одному отъ каждаго изъ подвластныхъ ему племенъ. Миръ былъ скрѣпленъ ихъ клятвой (P. Patricii: *Fragn. hist. graecorum*, ed. Müller). Древѣйшій изъ сохранившихся есть перепечатанный Эверсомъ договоръ между греками и персами 628 г. При заключеніи его было условлено, что результаты обоюдныхъ совѣщаній, по коимъ послѣдовало соглашеніе, излагаются на письмѣ и сообщаются отъ одной стороны другой въ равносильныхъ словахъ. Греческій текстъ переведенъ былъ на персидскій, а персидскій—на греческій языкъ. Зихъ (персидскій посолъ) передалъ Петру (греческому послу) мирныя доски, писанныя по персидски, а писанныя по гречески Петръ Зиху передалъ. Каждая сторона получила и другой, съ переводомъ, экземпляръ договора. Переводъ поручался толмачамъ, по шести съ каждой стороны. Подобныя же обрядности сопровождали заключеніе договоровъ Византіи съ Болгаріей (напр. 774 г.), когда обѣ стороны обмѣнивались мирными грамотами (Феофанъ), съ арабскими калифами²⁾, съ Венеціей, Генуэй, Пизой (X—XII в. и позднѣе) и другихъ державъ между собою, а по традиціи продолжали соблюдаться въ международныхъ сношеніяхъ русскихъ князей съ иноземными державами. Отступленія отъ обычая излагать договорныя грамоты покрайней мѣрѣ на двухъ языкахъ порождали въ послѣдствіи большія недоразумѣнія. Однажды Стефанъ Баторій писалъ царю Ивану Васильевичу: «...А посылаемъ тебе при семъ листе нашемъ (на русск. яз.) и препись того жъ листу нашего языкомъ латинскимъ, который мы знаемъ, кды жъ тебѣ ты до насъ пишешъ языкомъ московскимъ (вѣроятно, безъ перевода), котораго мы не умеемъ ...» (Оболенскій и Даниловичъ: *Кн. посольск. в. кн. Литов.*, т. II, № 74). И татары въ XIII в. посылали къ русскимъ князьямъ *толмачей*, разумѣющихъ русскій языкъ (Ипат. 563), которые иногда назывались толками: «съ послами и *толкз*» (Псков. I. 225). Нерѣдко послы собирались изъ отдаленныхъ мѣстъ по нѣсколько разъ для конечнаго, сообща (соштинитер), мирнаго постановленія. Такъ между прочимъ, въ актѣ 1512 г. сказано, что когда царь Василій приказалъ новгородскому намѣстнику и окольникмъ и своей отчинѣ Великому Новгороду взять перемирье съ нѣмцами, — «тогда нѣмецкіе послы на конецъ перемирья не уложили, а взяли тому запись у царскаго намѣстника и окольника,

¹⁾ Этотъ договоръ, заключенный на 50 лѣтъ и содержащій 11 пунктовъ, помѣщенъ у Менаандра почти въ полномъ объемѣ. Онъ довольно точно переведенъ С. Дестунисомъ (Византійскіе историки, изд. С. П.-Б. Духовной Академіи, 10 томовъ).

²⁾ Историки Византіи поминаютъ полученіе, въ исходѣ первой полов. X в., калифомъ отъ греческихъ императоровъ грамоты, писанной золотомъ, съ арабскимъ переводомъ серебряными буквами, предлагавшей миръ на условіи обмѣна плѣнныхъ.

какъ пригожь перемирю быти, а ялись о томъ къ нимъ опять своихъ пословъ послати отъ 73 городовъ». (Русск. Истор. Библ. т. XV, № 6).

Процедура заключенія договоровъ *треками* съ Венеціей и Пизой вкратцѣ изложена С. Нейманомъ въ изслѣдованіи по исторіи византиино-венеціанскихъ отношеній при Комненахъ. По его наблюденіямъ, она состояла въ слѣдующемъ. Когда завязывались сношенія чрезъ пословъ (*legati, apocrisarii, missatici*), то имъ вручались два документа—одинъ для иноземнаго государства, другой въ видѣ вѣрительной инструкціи (*commissio, mandata*), на основѣ которой велись переговоры и которая содержала въ себѣ программу одностороннихъ требованій (*petitio*) съ ограниченнымъ полномочіемъ на уступки. Окончивъ переговоры, послы возвращались обратно, въ сопровожденіи пословъ другого договаривающагося государства, но переговоры часто затягивались, при взаимномъ обмѣнѣ предложеній. Сношенія, успѣшный результатъ коихъ всегда обезпечивался и скрѣплялся клятвеннымъ обѣщаніемъ пословъ, завершался договорнымъ письменнымъ актомъ, съ помѣщеніемъ въ немъ содержанія обоюдныхъ условій (*scripta conventio*). Вполнѣ согласованныя условія, послѣ подтвержденія ихъ обоюдною присягой, облакались въ освященную обычаемъ форму, за подписью пословъ и приложеніемъ ихъ печатей. Только тогда вручали греки иноземнымъ посламъ повторявшій и устанавливавшій договоръ царскій дипломъ съ золотою печатью въ знакъ ратификаціи договора царскимъ правительствомъ. С. Нейманъ, останавливаясь слегка на обрядѣ ратификаціи, приводитъ случаи выдѣленія, въ видѣ самостоятельнаго, по своей формѣ документа, сопровождающаго заключеніе мирнаго договора, акта клятвеннаго обѣта подъ назв. *promissio*. (*Byzantinische Zeitschrift* 1892 г., изд. К. Крумбахомъ). Опубликованныя недавно древне-генуэзскія договорныя грамоты послужили мнѣ надежнымъ пособіемъ для провѣрки комментарія С. Неймана. Онѣ бросаютъ много свѣта на обряды, неразлучные съ заключеніемъ международнаго договора и на дипломъ съ золотою буллою, нисколько, вопреки мнѣнію Неймана, не умаляющій правъ другой державы. Такъ въ одной грамотѣ Исаака Ангела 1191 г. сказано, что генуэзцы получили такой императорскій дипломъ *ни все, чѣмъ императоръ и они удовольствовались, достигнувъ взаимнаго соглашенія* (*Atti della societa Ligure di storia patria, vol. 28, f. II, № VIII*). Нагляднымъ образцомъ измѣненія, дополненія или сокращенія проектированныхъ договорныхъ пунктовъ представляются сохранившіяся въ итальянскихъ архивахъ *меморіалы* или протоколы посольскихъ совѣщаній, напр., 1272 г. между посломъ греческимъ Огеріемъ и генуэзскими депутатами (*ib.*, стр. 505). На золотую печать греческихъ грамотъ обращаютъ вниманіе и наши лѣтописцы (грам. Іоанна Кантакузена 1354 г. въ Новг. IV, 62 и др.). Грамоты русскихъ царей также снабжались золотою

печатью. Златопечатная грамота (Воскр. т. VIII 57) названа «вннехрусой» въ договорномъ актѣ Святослава 971 г. Когда, въ 1491 г., послы короля римскаго Максимилиана привезли въ Москву докончальную грамоту за золотою печатью, то «великаго князя грамоту за золотою же печатью королю дали, да къ цѣлованью короля привели на тѣхъ грамотахъ». Въ 1514 г. вел. князь *печать свою золотую* приложилъ къ докончальной грамотѣ по заключеніи мира съ королемъ Максимилианомъ (Воскрес., т. VIII, 222, 225, 254). Массивная золотая печать привѣшена къ договору 1562 г. Иоанна IV съ королемъ датскимъ Фридрихомъ (Снимк. съ древн. русск. печат., таблица 12. Москва 1882 г.). Золотыми печатями снабжались польскія и именуемая шертными турецкія и татарскія грамоты. Состоявшійся международный договоръ получилъ у насъ давна названіе *докончанія*—«миру докончанія», переносившееся книжниками и на договоры X в.; напр. въ Воскресенской лѣтописи помѣщенъ заголовокъ: «О докончаніи Ольговѣ съ греки» (т. VII, 273). При заключеніи упомянутыхъ договоровъ русскихъ съ греками не могли быть допущены отступленія отъ традиціоннаго международнаго церемоніала, служившаго залогомъ прочности мира. По недостаточному знанію русскими греческаго языка, который былъ вовсе не понятенъ и моравскимъ князьямъ Ростиславу, Святополку и Кеделу («не разумѣемъ ни греческу языку, ни латыньску» (лѣтоп. подъ 898 г.), и храброму Святославу, ведшему личные переговоры съ Цимисхіемъ о мирѣ чрезъ толмача (Левъ Діаконъ), приходилось нашимъ посольствамъ принимать большія предосторожности въ дѣлѣ изготовленія договоровъ, писавшихся «на двѣ хартіи». Договорныя грамоты 912 и 945 г. въ той окончательной редакціи, какую знаетъ лѣтописецъ, изготовлены несомнѣнно въ Греціи, какъ и договоръ 907 г. По своему составу онѣ имѣютъ сводный характеръ. Въ началѣ ихъ внесено предисловіе русскихъ уполномоченныхъ, васающее ихъ роли, затѣмъ идутъ выработанныя совокупными силами дипломатовъ русскихъ и греческихъ *двустороннія* условія. И заключительная часть болѣе развитая въ договорной грамотѣ 945 г., почерпнута изъ сложнаго источника. Сперва подчеркивается *обоюдное* написаніе договора на двухъ хартіяхъ: «Мы же звѣщаніе все написахомъ (Лавр.), положихомъ (мног. сп.) на двою харатью» и, говорятъ греки, «едина харатья есть у царства нашею, на ней же есть крестъ и имена наша написана, а на другой—посли ваши и гости ваши». Лѣтописецъ также заявляетъ, что писались, по приказанію, «*обомъ рлчи* на харатью». Греческая хартія, конечно, съ переводомъ ¹⁾, подлежала препро-

¹⁾ Списки договорныхъ актовъ и переводы ихъ, со славянскаго языка на иноземный и наоборотъ, впагались всегда *слово въ слово*, какъ видно изъ инструкцій посламъ (Наж. диплом. снош., I, 38—42 и др.) Порядокъ переписки и перевода договоровъ опредѣляется въ многочисленныхъ наказныхъ памятахъ.

вожденію, чрезъ греческихъ пословъ, въ Кіевъ къ Игорю и людямъ его для выполненія клятвеннаго обряда. По возвращеніи съ греческими, Игоревы послы «повѣдаша вся рѣчи царя Романа»... Такое же выраженіе «на двою харатью» помѣщено въ договорѣ 912 г. и также точно «послы Олеговы приидоша ко Ольгови и повѣдаша вся рѣчи обою царю». Потомъ въ договорѣ 945 г. говорятъ одни послы рускіе—христиане о принятой уже ими присягѣ: «Мы же кляхомся... харатьею сею»... Въ самомъ концѣ включено исходящее отъ грековъ настояніе о принятіи присяги некрещеными руссами. Лѣтописецъ удостовѣряетъ о принятіи въ Кіевѣ присяги Игоремъ, лично, вмѣстѣ съ некрещеными руссами, на холмѣ, предъ Перуномъ, а крещеными руссами въ церкви св. Ильи, съ посылкою извѣщенія греческимъ царямъ по изготовленіи утвердительной грамоты. Последняя часть договорной грамоты 912 г. совпадаетъ, въ обрядовомъ отношеніи, съ заключительною частью договорной грамоты 945 г. Обѣ договорныя грамоты, начинаясь словами «равно другаго свѣщанія», относятся ко времени ратификаціи мирныхъ договоровъ. Присяжка къ грамотѣ 912 г. свидѣтельствуетъ, что она дана русскими послами («дахомъ») царскому величеству на утвержденіе мира. Клятва произносилась каждою стороною по тексту, изложенному въ особомъ актѣ роты (*juramenti formula*). У греческихъ царей находились, по свидѣтельству дошедшей до насъ грамоты 945 г., экземпляры двухъ хартій договора 945 г., одной домашней, съ изображеніемъ креста, предъ которымъ присяга произносилась царями («предлежащимъ честнымъ крестомъ», въ грамотѣ 912 г.), и именъ греческихъ пословъ: «одна есть у царства нашего, на ней же есть крестъ и имена наша написана», другой (въ спискѣ), вполне отвѣчающей помѣщенной въ лѣтописи, съ именами русскихъ пословъ и гостей. Надъ обѣими хартіями, предъ выѣздомъ русскихъ пословъ изъ Греціи въ сопровожденіи греческихъ—«лучшихъ бояръ», должны были присягнуть греческіе цари. Какъ и договорная грамота 912 г., написанная въ двухъ экземплярахъ «...царя вашего (греческаго)... и своею рукою, врученная царскому величеству «на утвержденіе», съ тѣмъ чтобы русскому князю дано было царское извѣстіе—«извѣстия дасть»¹⁾, договорная грамота 945 г. въ томъ видѣ, въ какомъ она дошла до насъ, приновлена къ моменту, послѣдовавшему за царской присягой. Иначе трудно было бы объяснить отсутствіе въ той грамотѣ указанія на обязанности принятія присяги царскимъ величествомъ, о чемъ въ грамотѣ 912 г. ясно говорится, какъ о фактѣ совершившемся. Доставленію, греческимъ посольствомъ, изъ Царьграда къ русскому

¹⁾ Въ догов. 912 г.: «*дасть* елико можетъ»;—«*аще дасть* рудѣ»;—«*отдасть*»;—«*аще ли некушнія сего не дасть* створити». Въ догов. 945 г.: «и тѣ запечатаеть и дасть имъ»;—«*да дасть* и цѣну его сугубо» и т. д.

князю въ Кіевъ подлежалъ снабженный соотвѣтственнымъ предисловіемъ грековъ харатейный дубликатъ греческаго экземпляра ратификаціонной грамоты съ переводомъ. Подлинникъ оставался у хранителя хартій — *chartophylax*'а. «А отходячи съ посломъ царства нашего, да попровадятъ къ вел. князю Игореву и къ людямъ его, и ти, принимающе харатью... на ней же суть *написана имена наша*»... (Лавр., Ипат. и др.). Игорь съ людьми своими долженъ былъ также выполнять обрядъ роты надъ обоими экземплярами договорныхъ хартій—русскимъ и греческимъ и прислать царямъ свою утвердительную присяжную грамоту. Подлинникъ русскаго экземпляра грамотъ 912 и 945 г., по исходнымъ моментамъ тождественныхъ, съ именами русскихъ уполномоченныхъ, оставшійся въ обонхъ случаяхъ у русскихъ пословъ, сданъ ими, послѣ соблюденія всѣхъ формальностей, въ архивъ, откуда извлеченъ лѣтописцемъ съ разными относящимися къ договорамъ документами. Итакъ, при ратификаціи договора русскихъ съ греками каждая сторона предварительно, чрезъ пословъ, а опочательно въ лицѣ своего государя, произносила обычную клятву—роту, скрѣпленную затѣмъ обѣтною или *утвердительною* грамотою, передававшаяся одною стороною другой въ видѣ извѣстія или извѣщенія. Такова грамота Святослава отъ 971 г., заключающая въ лѣтописномъ текстѣ ея, связанная съ сущностью договора слова *клятвы самого Святослава*, подтвердившей клятву, пропнесенную русскими послами при заключеніи мирнаго договора съ греками, въ ознаменованіе *ратификаціи* имъ мира (см. главу III). Этими-то и отличается грамота Святослава отъ грамотъ Олега и Игоря. Выраженіе лѣтописца «*обѣщася Игорь сице створити*» (утвердить договоръ клятвой) намекаетъ и на послѣдующее изготовленіе утвердительной грамоты, на что прямо указываютъ слова: «Игорь утвердивъ миръ съ греки»... Подобный порядокъ, въ главныхъ чертахъ, соблюдался у насъ въ теченіе многихъ столѣтій. Въ дневникѣ литовскихъ пословъ 1556 г. замѣчено, что русскіе бояре сообщили имъ о согласіи царя заключить перемиріе. Изготовленные послами, по взаимному уговору, перемирныя грамоты «показали князю великому *объ—дѣль*. Онъ, взявши тыя грамоты... положилъ на мисѣ, а на тыхъ грамотахъ положилъ крестъ и сказалъ... видѣте я то, же я брату своему Жикгимонту Августу... на томъ крестѣ цалую, што въ сихъ перемирныхъ грамотахъ написано, то все маю выполнить и то крѣпко держати...; потомъ крестъ цѣловалъ; по цѣлованью одну, *всю* грамоту намъ далъ, а *нашу* въ себѣ оставилъ, отдававши намъ (вѣрющіе) *лпсты*» (Сб. кв. Оболенскаго 1838 г. № 5). Въ наказной памяти посольства отъ царя Ивана Васильевича къ польскому королю Сигизмунду Августу 1571 г., между прочимъ, изложено: «...а *которую грамоту писали послы ею* (короля) на Москвѣ и печати своя... привѣсили, а *ту грамоту привезли къ государю* нашему, и нынѣ и той гра-

моть... пригоже быть у государя нашего по прежнимъ обычаямъ... Королю грамота своя велѣтъ новая написати и печать своя къ ней привѣсити, и крестъ цѣловати предъ нами... Да какъ напишутъ грамоту съ списка... и печать свою король къ той грамотѣ велитъ привѣсити и крестъ на обѣихъ грамотахъ, на царя и в. князя словъ, которая у короля, и на своемъ словъ, которую грамоту у нихъ напишутъ, король крестъ цѣлуе... Обѣ грамоты, чрезъ князя Ивана съ товарищами, подлежали присылкѣ царю... «И государь нашъ свое слово—грамоту утвердилъ крестнымъ цѣлованьемъ и далъ ее въ руки твоимъ посламъ (королевскимъ), и твои послы за тебя, государя своего, передъ государемъ нашимъ, на грамотѣ, на твоемъ словъ, крестъ цѣловали, и та грамота у насъ» (Сб. Русск. Ист. Общ., т. 71. стр. 770—771). При заключеніи мира королемъ польскимъ и в. княземъ московскимъ 1635 г., когда королю предстояло, въ присутствіи пословъ русскихъ, привести присягу въ главной варшавской церкви св. Іоанна, передъ распятіемъ, которое держалъ архіепископъ Гнѣзненскій и Львовскій, послы русскіе требовали раздѣленія клятвеннаго обѣщанія на двѣ части, съ тѣмъ чтобы въ одной былъ упомянуты *все условія, на которыя изъяснено общее согласіе* (М. Бутурлинъ; Бумаги Флорент. центр. арх.).

О нашей древнѣйшей посольской метрицѣ ближайшихъ свѣдѣній мы не имѣемъ, но, пользуясь договорными актами и лѣтописнымъ повѣствованіемъ, о дипломатическихъ переговорахъ, перепискѣ, изготовленіи, ратификаціи и обмѣнѣ хартій, при докончаніи мирныхъ договоровъ между русскими и греками, можемъ правильно судить по аналогіи съ позднѣйшими мирными договорами между Русью и разными государствами, а также съ чужеземными дипломатическими актами. Договорные тексты X вѣка устраняютъ мысль о недобросовѣстномъ отступленіи отъ оригиналовъ при внесеніи въ лѣтописи и перепискѣ послѣднихъ. Порчу слѣдуетъ объяснять областными діалектическими особенностями, недосмотрами, заблужденіемъ невѣжественныхъ переписчиковъ, неразборчивостью обвѣтшалыхъ актовъ¹⁾, причудливостью ихъ языка, малодоступностью для переписчиковъ древнерусской юридической терминологіи, или же излишнею спѣшностью, побуждавшею «борзописцевъ» пономарей и дьячковъ дѣлать перестановки въ текстѣ, подставлять взамѣнъ подлинныхъ словъ синонимичныя, или сходныя по звукамъ, напр. «слуги» въ Радзивил. спискѣ вмѣсто «Слуды» (ср. «Слудовы Дорогожичи»), — «Бѣловѣжу», въ Суздальск. спискѣ, вмѣсто «Бѣлобережья», — «обрнищеніе», въ Ипатск. спискѣ, вмѣсто «обряженіе», «заповѣдѣль» (Радз.) вмѣсто «увѣдѣль» и т. д., и даже «множества ради» со всѣмъ выпускать договоры или какой либо изъ нихъ при утомительной

¹⁾ Когда договорные акты 907—971 гг. заносились въ лѣтописи, то рукописи оригинальныя были уже довольно ветхи.

перепискѣ объемистаго лѣтописнаго фоліанта. Впрочемъ, съ разночтеніями необходимо обращаться крайне осмотрительно, ибо, благодаря скудости нашихъ свѣдѣній объ источникахъ начальной лѣтописи и механизмѣ ея составленія, не только нельзя ручаться, что въ нее не попали списки съ оригиналовъ *разныхъ редакцій*—подготовительной (проектированной) и окончательной, сокращенной и распространенной, односторонней и двусторонней, черновой и бѣловой, русской и греческой, но внимательное и болѣе глубокое изученіе разночтеній сворѣе должно убѣдить насъ въ бесплодности попытки ученыхъ издателей и изслѣдователей подогнать разнокалиберный текстъ договорныхъ грамотъ непремѣнно подъ одну мѣрку. Въ семъ отношеніи весьма поучительна редакціонная разница въ спискахъ Смоленской торговой Правды 1229 г., дошедшей до насъ въ *восьми* экземплярахъ. Подвергнувъ списки кропотливому анализу, П. Голубовскій отмѣтилъ въ нихъ двѣ редакціи—древнѣйшую въ трехъ и позднѣйшую въ четырехъ экземплярахъ, причемъ сдѣлалъ свой выводъ о порядкѣ составленія договора и перевода договорныхъ статей съ латинскаго языка на нѣмецкій и на смоленское нарѣчіе (Ист. Смоленской земли, стр. 115, 125). Нельзя также не обратить вниманія на разночтенія во многихъ договорныхъ грамотахъ по сношеніямъ новгородцевъ съ нѣмцами, напр. въ актахъ 1269 и 1270 гг.—нѣмецкой и латинской редакціи, изъ коихъ первая считается основною (Андреевскій, Бережковъ, Кушникъ—прилож. къ Ливонск. акт.). Внимательно сличая разночтенія въ текстѣ договорныхъ грамотъ X в. съ помощью синописа, начертаннаго Е. Тобиеномъ по спискамъ, бывшимъ въ обращеніи до 1845 г., и самыхъ лѣтописей, опубликованныхъ Академіей Наукъ, Археографическою Коммиссіею и частными лицами, я не замѣтилъ ни тѣхъ грубыхъ насилеій въ отдѣльныхъ договорныхъ главахъ, которыя будтобы лишаютъ возможности возстановить смыслъ (В. Сергѣевичъ: Греч. и русск. право X в., Ж. М. Н. Пр., 1882 г.), ни преднамѣреннаго искаженія договорныхъ текстовъ, разнообразныхъ, болѣе или менѣе, по лексическому свойству и отчасти по своему матеріальному составу. Вообще, замѣчаемая отступленія отъ оригинальныхъ рукописей запечатлѣны наявною искренностью и добродушіемъ, а что наиболѣе достойно признательности, переписчики не погнушались сохранить неприкосновенными *языческія* черты договорныхъ актовъ. Только одна серія списковъ даетъ поводъ заподозрѣть попользованіе книжниковъ, быть можетъ инстинктивное, нѣсколько ступитъ христіанскій элементъ въ договорѣ 912 г., напр. замѣнить «извѣщеніе» освященіемъ. Если кое-гдѣ допущены кажущіяся произвольными глоссы, то иногда онѣ, не затемняя текста, поясняютъ его примѣнительно къ способу повѣствованія самихъ составителей договорныхъ грамотъ, и нерѣдко, по логическому смыслу, находятъ себѣ оправданіе, наводя на предположенія о пропускахъ или сокращеніяхъ въ дру-

гихъ спискахъ, либо объ особенностяхъ оригинала. Таково «имѣнное» въ Ипатск. спискѣ договора 945 г (плата за переемъ).

Поытки ученыхъ собственно по раздробленію договорнаго текста вообще и его разглавленію, не всѣми одинаково практикуемымъ, также какъ по разрѣшенію вопросовъ о порядкѣ совершенія договоровъ, ихъ взаимной связи, о системѣ правонарушеній и наказаній договорной Правды далеко не достигли желаемого успѣха. Обнаруженіе искаженій, допущенныхъ переписчиками и происшедшихъ отъ неправильнаго чтенія текста, отъ пропусковъ и измѣненій, требуетъ весьма продолжительныхъ и кропотливыхъ повѣрочныхъ изысканій. Мучительнымъ сомнѣніямъ договорныя грамоты даютъ обильную пищу, вынуждая прибѣгать къ сопоставленіямъ по памятникамъ, изъ коихъ многіе не затронуты наукой. Трудность овладѣть языкомъ, юридическою техникою, вычерпать до дна содержаніе договорныхъ актовъ и уловить ихъ сцѣпленія, неблагодарность и малая плодотворность потраченныхъ на нихъ усилій повергли литературу ихъ въ жалкую нищету. Иностранцы, всегда поражавшіеся дивными сокровищами нашихъ старѣйшихъ договорныхъ памятниковъ, значительно помогли намъ разобраться въ нихъ, но договорный языкъ въ нѣкоторыхъ статьяхъ оказался для иностранцевъ недоступнымъ. Напр., по разумнію Деклерка, въ договорныхъ грамотахъ послы — офицеры, гости — матросы, а по понятію В. Томсона, введеннаго въ заблужденіе Куниномъ и Геденовымъ¹⁾, послы заявляютъ въ договорахъ о своемъ русскомъ происхожденіи, что они *русскою рода* — *declare themselves in the treaties to be of russian birth* (The relations between ancient Russia and Scandinavia), тогда какъ уполномоченные говорили: въ 912 г., что «они отъ рода (народа) русскаго послани»; въ 945 г., что они «отъ рода русскаго *сли и юстье*»... «посылаеми бывають *отъ нихъ сли и юстье*»... Въ 1278 г. «ятвязѣ при-слаша послы свои къ Володимерови тако рекуче: ...пріѣхали есмь къ тебѣ *ото всихъ ятвязъ*» (Ипат., 580). Договоры Полоцка съ нѣмцами начинались такъ: «Отъ намѣстника... и отъ всѣхъ мужъ отъ полочанъ.— Отъ князя... и ото всѣхъ мужъ полочанъ» Bunge: *Urkundenbuch*, т. VI, № 2931, 2981 и др.). Уполномоченнымъ русскимъ никакъ не было надобности ставить на видъ свое происхожденіе²⁾.— Политическое значеніе

¹⁾ См. сводъ мнѣній у W. Gutzeit: *Erläuter. zur älter Gesch. Russlands*, отд. 3: «Wir russischen Volkes».

²⁾ Происхожденіе означаетъ обыкновенно такими выраженіями: «*суть* или *сущимъ* отъ рода варяжска», — «*сущимъ* отъ рода словѣньска»; «*родомъ* — *смывъ* угорскъ, *родомъ* — гречинъ, *родомъ* — новгородецъ» (Лавр. 131, Ипат. 356, 359 и др.) Быть *кому* отъ *рода* — быть съ кѣмъ въ родствѣ. «Въ лѣто 6387 умершу же Рюрякови, предасть княженіе свое Олгови, *отъ рода ему суща* вдавъ ему на рудѣ сына своего *Игоря*» (Лавр.), т. е. въ 879 г.,

договоровъ недостаточно взвѣшено и оцѣнено. Съ точки зрѣнія средневѣковой культуры они являются плодомъ государственнаго созрѣванія Руси, приобрѣвшей, по словамъ патріарха Фотія, громкую извѣстность впервые со времени похода на Царьграда во второй половинѣ IX вѣка, когда русская сила «внезапно, подобно огромной волнѣ, нахлынула на греческіе предѣлы», и упрочили ея могущество, созданное подвигами Аскольда и Дира, вѣщаго Олега, «старога Игоря и славнаго Святослава... мужествомъ и храбростію прослувшихъ въ странахъ многихъ» (Иларіонъ).—Подвиги эти тѣсно сопряжены съ Днѣпромъ Слоутичемъ, впадающимъ «въ Понтыское море тремя жерелы, еже море словеть Русское» (начальная лѣтопись), пробившимъ каменныя горы и нѣжно лелѣвшимъ русскія суда до непріятельскихъ твердынь и полковъ (Слово о полку Игоревѣ). Превознося храбрость россовъ въ борьбѣ съ Цимисхіемъ, Левъ Діаковъ, въ кн. VIII, замѣтилъ, что они давно стяжали славу побѣдителей надъ окрестными народами. Роль провозвѣстника русской славы игралъ національный эпосъ героическій, вдохновлявшій русскаго лѣтописца и снабжавшій его такимъ блестящимъ и богатымъ содержаніемъ, какое не могло быть заимствовано у греческихъ авторовъ, обошедшихъ презрительнымъ молчаніемъ унизительный для Византіи походъ Олега на грековъ. Основываясь на похвальныхъ пѣсняхъ, лѣтописецъ нерѣдко даетъ широкій полетъ славѣ русскаго оружія, какъ напр. по поводу пораженія половцевъ Владиміромъ Маномахомъ при потоцѣ Дегея въ 1111 г. — «до грековъ, угровъ, ляховъ, чеховъ и до самаго Рима». При воспоминаніи, подъ 1094 г., по поводу разгрома Русской земли половцами, прежней почетной славы Руси, обрѣтенной до крещенія Владиміромъ св., скорбное чувство лѣтописца усугубляется неблагодарностію русичей за лавры, которые они стяжали, очевидно, въ походахъ на грековъ... «*Прославлени быше, не прославихомъ* (Творца), *почтени быше, не почтохомъ* (Его), *освятившеся* (т. е. крестившись), *не разумѣхомъ*... Кого бо тако (Богъ) почелъ есть, яко же *мы прославилъ есть и възнеслъ*? (Лавр. 218). Въ подобномъ же смыслѣ произнесъ рѣчь дружинамъ в. князь Изяславъ предъ битвой съ Владиміромъ Галицкимъ, въ 1152 г.: «Богъ *всегда* Рускы

въ которомъ умеръ Рюрикъ, онъ передалъ княженіе свое Олегу, съ родни ему (Олегу) приходившагося давъ ему (Олегу) на руки (или на попеченіе) сына своего Игоря (ср. Ипат. 212, 412, 502). По правилу 111-й ст. Русск. Правды Кар. сп.: «*Оже ...дѣти малы, токмо имъ ближній будетъ, то тому дати на руцѣ*». Опекуномъ назначался родственникъ малолѣтнихъ дѣтей. Въ нѣкоторыхъ хронографическихъ компіляціяхъ, основанныхъ, очевидно, на преданіи, Олегъ зовется *племянникомъ* Рюрика. Поэтому можно предположить, что Олегъ приходился сестричемъ или нетіемъ Рюрику и двоюроднымъ братомъ Игорю Рюриковичу по сестрѣ Рюрика, состоявшей въ бракѣ съ однимъ изъ туземныхъ *славянскихъ* князей. Двухъ нетіевъ самого Игоря знаетъ договоръ 945 г.

Землѣ и рускихъ сыновѣ въ безчестїи не положилъ есть; *на всихъ мѣстѣхъ честь свою вимали суть*; нынѣ же, братье, *ревнуемы тому* вси у сихъ земляхъ и передъ чюжими языки даи ны Богъ честь свою взяти» (Ипат. 310). Пораженіе въ битвѣ съ врагомъ считалось «великимъ безчестьемъ» (Ип. 582). Многое наводитъ меня на предположеніе, что пѣсенныя сказанїя о походахъ Аскольда и Дира, Олега и особенно Игоря Рюриковича (въ Задонщинѣ Бирюковича) на грековъ послужили эпической предтечей Слова о походѣ Игоря Святославича на половцевъ въ исходѣ XII в., вмѣщавшей въ себѣ подробный пересказъ историческихъ фактовъ съ поэтическими прикрасами, получившими мѣткое названіе турусовъ («ту руссы») на колесахъ, о движенїи кораблей по сухому пути, о расшитыхъ парчею и шелкомъ парусахъ, и т. под. По возвращенїи отважныхъ князей, съ весельемъ и великою славою, изъ похода на грековъ, вѣроятно, воздавали имъ «похвалу велику, *плєнь славну понху имъ*», какъ позднѣе и въ случаяхъ выдающихся военныхъ подвиговъ, напр., послѣ побѣды, одержанной Александромъ Невскимъ подъ Псковомъ (Соф. и др.), по прибытїи Данїила и Василька Романовичей изъ удачныхъ походовъ на ляховъ, угровъ и ятвяговъ (Ипат. 540, 556). Замѣчательно, что въ 865 г. «св. Богородицы ризу съ пѣсньми изнесше *въ рѣку омочиша*»¹⁾, а въ Словѣ о полку Игоревѣ Ярославна собиралась *омочить* бобрїанъ рукавъ *въ рѣку* Каляу; добыча русичей въ битвѣ съ половцами такая же, какъ и Олега въ походѣ на Царьградъ: «паволоки и всякое узорочье». Славу Игоря Святославича воспѣвали и *греки*. Авторъ Задонщины славу рускихъ князей переноситъ къ *Царюрадѣ*. Славная пѣснь, сочиненная о походѣ Игоря Рюриковича на грековъ, извѣстная Иларїону и популярная у «венедичей», дала, по моему мнѣнію, поводъ Венедїанской хроникѣ сказать, что Игорь возвратился «*cum triumpho*» (у Лиудпранда «*cum confusione*»).

Наиболѣе повредило успѣху въ дѣлѣ изслѣдованїя договоровъ заблужденіе, искавшее всегда причину разночтенїй въ изуродованїи текста переписчиками, тогда какъ ее надлежало относить въ большей степени къ подлиннымъ документамъ, по сравненїи съ сохранившимися международными документами итальянскихъ архивовъ X—XII вѣковъ и даже съ позднѣйшими сѣверныхъ архивовъ, хотя бы копенгагенскаго, кенигсбергскаго, митавско-ревельскаго²⁾. Много сходныхъ текстовъ въ грамотахъ, осно-

¹⁾ Дьякъ Александръ, путешествовавшій въ Царьградъ 1395 г., разглагольствуетъ о чудотворной силѣ ризы св. Богородицы во Влахернѣ, объ омоченїи ея патриархомъ Сергіемъ, когда во время иконоборенїя непрїатель пришелъ и по морю и по сушѣ. (П. С. Л. IV. 357).

²⁾ Тамъ хранятся посольскїе акты 1342—1767. Древнїе акты ревельск. город. архива на русск. языкѣ помѣщены въ XV т. Русск. Ист. Библ.

ванных на *одномъ и томъ же договорѣ*, можно найти и въ архивѣ Министерства Иностр. Дѣлъ. Н. Бентышъ-Каменскій, исполняя порученіе гр. Н. Румянцова по извлеченію изъ архива Коллегіи Иностр. Дѣлъ древнѣйшихъ договоровъ, писалъ: «*Ратификаціи не разсудилъ я списывать, дабы не повторять содержанія трактатовъ*» (Собр. Гос. Грам. и Догов. ч. V, стр. VIII). Варианта списковъ одного и того же договора вызывали замѣшательство не только въ умѣхъ ученыхъ, но и въ сферѣ международной. Возьмемъ Орѣховскій договоръ 1323 г. между вел. княземъ Юріемъ Даниловичемъ и Магнусомъ Эриксомъ шведскимъ, вслѣдъ за занятіемъ упомятымъ княземъ города на Орѣховомъ островѣ близъ истоковъ Невы, берега которой, доступные для русскихъ еще въ 1228 г., когда «новгородци стояша *у Невы нѣколько дней*» (Ланр. 484), а затѣмъ въ силу договоровъ съ нѣмцами, Александра Невского 1242 г. (лѣтоп. Соф.) и позднѣйшихъ, напр., 1270 г. ст. I, по нашимъ лѣтописямъ, были утверждены за Русью княземъ Андреемъ Александровичемъ 1301—1302 г., съ разрушеніемъ построенной шведами у Финскаго залива Ландскрюны, «городка нѣмецкаго». Въ двухъ серіяхъ многихъ, хранящихся въ шведскихъ архивахъ спискахъ того договора, въ томъ числѣ одномъ русскомъ (Прилож. къ XXI т. Зап. И. А. Н.), указавы двѣ разныхъ границы между русскими и шведскими владѣніями отъ р. Сестры и выставлены разные даты—въ одной серіи пятница 12 августа, въ другой 6 сентября того же 1323 г.. К. Ленстремъ, въ монографіи о мирныхъ договорахъ между Россіей и Швеціей XIV стол. (Уч. Зап. Каз. Ун. 1885, кн. 2¹), предполагалъ здѣсь смѣшеніе договоровъ 1323 и 1338 г., придавалъ особое значеніе словамъ договора 1323 г.: «*миръ возобновляется—рах reformatur*»... мы *возобновляемъ* вѣчный миръ—*reformatum perpetuum pacem*. Одинъ и тотъ же миръ, заключенный и подтвержденный *чрезъ нѣсколько недѣль*, говоритъ Ленстремъ, нельзя было назвать возобновленіемъ вѣчнаго мира. Но Ленстремъ не догадался, что возобновленный миръ есть старый миръ, заключенный якобы на 40 лѣтъ княземъ Андреемъ Александровичемъ во второй половинѣ XIII в.²), какъ сказано въ рукописани Магнуса Эриксона, взявшаго Орѣховецъ въ 1347 г. и въ томъ же

¹) Ср.: Буткова: Три древн. догов. русскихъ съ шведами, Ж. М. Ва. Д. 1837 г. ч. 53; *Antiquités russes* и др.

²) Миръ былъ скоро нарушенъ. Въ 1300 г. «поставиша свѣя городъ надъ Нсвою, на устьи Охты рѣки, нарекоша его Вѣнецъ земли, посадивъ мужи нарочитыя съ воеводою Свѣнемъ» (Новг., I и др.). Въ слѣдующемъ году Вѣнецъ отобранъ обратно кн. Андреемъ Александровичемъ.—Въ Новгор. переписныхъ книгахъ 1500 г. упоминается нѣсколько погостовъ по рѣкамъ Невѣ, Охтѣ и Мойкѣ: Погостъ Спасскій-Гроденскій, въ немъ 61 деревня, изъ коихъ 39 деревень расположены по Невѣ и одна на Омиинѣ островѣ, при впаденіи Нсвы въ море: прочіе—по Охтѣ, Мойкѣ и др.

году вынужденнаго возвратить его новгородцамъ (Подр. въ Ник., т. X, 220—224). «Пріѣхавше послы велики отъ свейскаго короля (въ заложенный Юріемъ Данилови (емъ Орѣшекъ) и докончаше миръ вѣчный съ княземъ и Новымъ городомъ по старой пошлинѣ» (Новг., I, 73), въ другихъ лѣтописяхъ: «по старинѣ (Ник., т. X, 189, Воскрес., т. VII, 199). Разницу границъ и чиселъ въ договорныхъ спискахъ, датированныхъ 1323 г., только и можно объяснить нѣкоторою разницею ихъ оригинальныхъ источниковъ, зависѣвшею отъ размежеванія, по соглашенію сторонъ, спорной территоріи. Орѣховскій договоръ подтвержденъ 1339 г. въ Мурманской землѣ, въ г. Людовлѣ, по старымъ грамотамъ (Новг., I, 78, 79), уже послѣ уступки Наримунту-Глѣбу Гедиминовичу, по *правому слову*, пригородовъ новгородскихъ Ладоги (Aldeigoburg) и Орѣховаго городка (нынѣ Шлиссельбургъ) съ окрестностями, а сынъ его Александръ посаженъ въ Орѣховѣ (Воскр. VII, подъ 1331, 1333, 1338 г.). Договоръ новгородцевъ съ норвежцами 1326 г., заключенный на 10 лѣтъ тоже *попрежнему* («sicut prius fuerat»), сохранился, какъ и Орѣховскій, въ нѣсколькихъ спискахъ, помѣщенныхъ — одни, на нѣмецкомъ языкѣ, 3 іюня, другіе, на латинскомъ, 11 іюня. Такъ какъ послѣдній, по содержанію, есть утвердительная грамота со стороны короля Магнуса Гакона, хотя граница по *древнимъ рубежамъ* подлежала восстановленію впоследствии, то первый, содержащій лишь краткій перечень мирныхъ условій, слѣдуетъ признать предварительнымъ договорнымъ протоколомъ (Собр. Гос. Гр. и Дог., т. V, № 103, Шербачевъ: Датскій арх., № 1).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Договоры русскихъ съ греками X в., для надлежащаго ихъ уразумѣнія, требуютъ послѣдовательнаго и сравнительнаго ихъ разсмотрѣнія, а также соображенія помѣщенныхъ въ нихъ ссылокъ на принятія основанія въ связи съ лѣтописными фактами, болѣе или менѣе близкой къ договорамъ, по времени, международной практики и параллельныхъ правовыхъ воззрѣній другихъ народовъ. Общія и статейныя ссылки въ текстѣ договорныхъ грамотъ раскрываютъ намъ двѣ исходныхъ точки, два различныхъ момента дипломатическихъ сношеній русскихъ съ греками: 1, прежніе, самостоятельныя или отдѣльные мирные договоры, нѣкогда между ними заключенные, и 2, обоюдныя посольскіе переговоры о каждомъ отдѣльномъ мирѣ, завершающіеся его заключеніемъ или докончаніемъ по исполненіи цѣлаго ряда дипломатическихъ обрядовъ, до утвержденія договора торжественной присягой самихъ верховныхъ вождей обоихъ государствъ и обѣна договорныхъ грамотъ. Первая группа ссылокъ либо охватываетъ прежніе договоры въ полномъ ихъ объемѣ, либо повторяетъ, то почти буквально, то въ переработкѣ, детальныя положенія или установленія ранѣе существо-

вавшихъ греко-русскихъ договоровъ, вторая—выражается въ «свѣщаніи», характеризующемся совѣстнымъ обсужденіемъ, согласованіемъ, и начертаніемъ мирныхъ условій послами договаривающихся сторонъ. Центральною осью, вокругъ которой вращаются наши познанія о возникновеніи мирныхъ договоровъ русскихъ съ греками, служитъ договоръ Олега 912 г., ошибочно относимый исследователями къ 911 г. ¹⁾ и содержащій въ себѣ весьма важную ссылку на прежній договоръ, которую издатели лѣтописи считаютъ «Ивановымъ писаніемъ», а Кругъ, Раковецкій, Погодинъ и Лавровскій—«киноварнымъ».

Въ договорной грамотѣ 912 г. за изложеніемъ главъ, принятыхъ, по взаимному согласенію, на посольскомъ собраніи, включено заявленіе русскихъ пословъ: «На утвержденіе же и неподвиженіе быти, межѣ вами, хрестьяны, и русью бывший миръ *сотворихомъ* ²⁾ и *на новымъ* написаніемъ *на двою харатью*, царя *вашего* и *своею* рукою» . . . , т. е.: А для подтвержденія и незыблемости, между вами, хрестіанами, и русью бывший миръ совершили *мы* и *вы* новымъ написаніемъ *на двухъ хартіяхъ*—царя *вашего* и *своею* рукою ³⁾. Въ древнѣйшихъ договорныхъ грамотахъ русскихъ имена писцовъ не оглашались (ср. подъ 971 г. о грам. Святослава: «нача писецъ писати»). Въ договорахъ грековъ съ другими державами рѣдко въ текстѣ выставлялось имя переписчика; обыкновенно имя писца, какъ въ позднѣйшихъ русскихъ грамотахъ, ставилось въ концѣ, послѣ всѣхъ подписей, напр., въ грамотѣ Федора Ростиславича 1284 г. «а Федорко писецъ князь Федоровъ псалъ» (Собр. Гос. Гр. и Догов. II, № 3), съ означеніемъ иногда его должности или званія Договоръ Игоря съ греками 945 г. также сопровождался написаніемъ грамотъ каждою стороною—одной русскими, другой греками: «*Мы* же свѣщанье все *написихомъ*. . . *на двою харатью*», что лучше всего свидѣтельствуетъ о сомнительности написанія грамоты 912 г. Ивановъ, — особенно *русскию* харатейнаго экземпляра, текстъ котораго

¹⁾ Грамота русскихъ пословъ, написанная въ сентябрѣ 912 г., какъ видно изъ даты подъ нею, основана на договорномъ согласеніи, достигнутомъ въ томъ же году. Царь Левъ скончался 11 мая 912 г., слѣдовательно согласеніе состоялось не позднѣе начала мая, а грамота русскихъ пословъ хотя и подготовлена *по смерти Льва*, но не могла породить дѣйствительности согласенія. Царь Левъ, вѣроятно, самъ не успѣлъ утвердить миръ, и русскимъ посламъ ничего не оставалось, какъ по передачѣ Олегу утвердительной грамоты двухъ наличныхъ греческихъ царей, вручить утвердительную грамоту вел. князя царю Александру, умершему, судя по доказательствамъ Круга, 6 іюня не 912, а 913 г.

²⁾ Ср. форму: «поѣдемъ»,—съ нимъ ся бисмы; «въ обидѣ вся-мъ (мы) остахомъ» (Ипат. 286 и 605).

³⁾ Въ Готландск. редакціи Смоленск. догов. 1229 г. «то правда есть межѣ насъ съ вами. Правда есть промежѣ васъ и насъ».

воспроизведенъ лѣтописью. Хотя въ ту эпоху появляется въ Греціи правителемъ какой-то Іоаннъ, пророкомъ Лазарь, изъ духовнаго сословія, выдвинутый Александромъ, братомъ Льва Премудраго и опекуномъ Константина Порфиророднаго, предъ смертью Льва облеченный особыми правами выѣсть съ патриархомъ Николаемъ и другими, но, по невозможности привлечь этого сановника и, вообще, какаго бы то нибыло Иовава къ написанію договора, остается намъ отвергнуть рутинное чтеніе, замѣнивъ его болѣе отвѣчающимъ порядку заключенія договора и грамматически правильнымъ. «Ва» есть старая церковнославянская форма мѣстоимѣнія *вы* двойств. числа 2 лица. Форма «ва» употреблена потому, что миръ съ русскимъ великимъ княземъ въ 912 г. заключали два царя греческихъ Левъ и Александръ, какъ и въ 907 г.: «Царь Леонъ съ Александромъ миръ сотвориша со Олгомъ». Въ концѣ грамоты 912 г. послы русскіе говорятъ совѣмъ не то, что разумѣлъ Лавровскій (О визант. элем. въ яз. догов., 118—121), а то, что въ обмѣнъ одинъ экземпляръ хартіи дали («дахомъ» — дали мы) *царства вашею* (греческаго) на утвержденіе «*обоему*»... Лѣтописецъ поясняетъ, что послы русскіе сообщили Олегу рѣчи *обоихъ* царей («повѣдаша вся рѣчи обою царю»), какъ сотворили миръ и урядъ положили между Греческою землею и Русскою. Первенствующую роль при заключеніи мира игралъ *одинъ* царь, которому поклялись русскіе послы («мы же кляхомся ко *царю* вашему»), послами котораго прозносилась клятва, руководилось написаніе договорнаго протокола («царя вашего и своею рукою») и который удостоилъ русскихъ пословъ дарами, показалъ имъ церковныя достопримѣчательности Царьграда и отпустилъ ихъ въ свою землю съ честью великою. Въ статьѣ договора о военной помощи сказано: «сия (русскіе, приходище въ Грецію съ куплею, или въ солбу ко царици вашему) хотять почтить царя вашего... хотить остати у царя вашего»¹⁾. Въ началѣ договорной грамоты 912 г. послы русскіе обращаются къ *тремъ* царямъ: «Мы... иже послани отъ Олга... къ вамъ, Львови и Александру и Константину». Коронованному своимъ отцомъ Львомъ, по свидѣтельству Кедрина и др., Константину Порфирородному было тогда около шести лѣтъ. «Поча царствовати Константинъ, сынъ Леоновъ (Лавр., Ипат. подъ 913 г.). По Никонов. лѣтоп., Константинъ Порфир. «царствова *лѣтъ*

¹⁾ Со времени Василия I одинъ императоръ правилъ государствомъ, располагалъ арміею, флотомъ, финансами; другіе, совмѣстно царствовавшіе, носили лишь императорскій титулъ и пользовались императорскими почестями (А. Rambaud: L'empire Grec au X siècle. 32). Современникъ Романа Лакапина раввинъ Хазданъ въ известномъ письмѣ донося царю хазарскому о принужденіи царемъ греческимъ Арманусомъ, т. е. Романомъ, въ 943—944 г. живущимъ въ его государствѣ еврейскъ къ принятію христіанской вѣры, упоминаетъ о *соправителѣ* Армануса.

седми. Со Александромъ (дядей своимъ) царствова лѣто едино, и остася единъ, юнъ сынъ, *седми лѣтъ* точно». . . (Собр. лѣтоп. т. IX, стр. XX и 25); а Александръ умеръ въ юнѣ 913 г. (Ph. Krug: Chronol. d. Byzantier 81—93, 108—128). Въ Россіи малолѣтніе князичи также участвовали въ дипломатическихъ актахъ ранѣ достиженія 12 лѣтняго возраста. При малолѣтствѣ Игоря въ 882 г. Олегъ, чрезъ уполномоченныхъ, велъ переговоры съ Аскольдомъ и Диромъ отъ своего имени и отъ имени *княжичи*. Если въ договорной *великаго князя* Олега грамотѣ 912 г. личность вельми возмужавшаго Игоря, начавшаго княжить съ 913 г., ступшевывается, сливаясь съ *другими князьями*—«всякимъ княземъ», то быть можетъ, потому, что его наследственное право на великокняжескій столъ въ ту пору еще не вполне упрочилось, или поколебалось. Въ договорной грамотѣ 945 г. помѣщенъ и посолъ трехлѣтняго Святослава Игоревича (см. гл. II), состоявшаго на воспитаніи дядьки Асмуда (Asmund). Въ слѣдующемъ году княгиня Ольга говорила древлянамъ, покушавшимся расправиться посвоему съ сыномъ ея Святославомъ: «се уже покорилися мнѣ и моему *дѣтяти*». Подъ 1177 г. имѣемъ извѣстіе о цѣлованіи креста князю и «на дѣтяхъ его» (Лавр. 360). Даниилъ Романовичъ былъ посаженъ на столъ отца своего въ Галичѣ «тако младу сушу, яко и матери своей не позна» (Ип. 486). Въ 1213 г., когда западнорусскіе князичи Даниилъ и Василько Романовичи состояли еще подъ опекой матери—«княжаста съ матерью своею,—прислаша князи литовскіи къ великой княгини Романовѣ и (къ) *Данилови и Василькови* миръ дающе» (Ипат. 488, 492). При совершеннолѣтіи Даниила и Василька (подъ 1238 г.) Михаилъ черниговскій велъ съ ними переговоры о мирѣ, обращаясь къ обоимъ. «Прислаша бо Михаилъ слы Данилу и Васильку река: многократы согрѣшихъ(ъ) о *ва* (относительно васъ) и многократы пакости творяхъ(ъ) ти; что-ти обѣщахъ и того не створихъ». . . «*Данилъ же и Василько* не помянуста зла». . . (Ипат. 521 по моему исправл. чтенію). Въ 945 г. для заключенія мира послы русскіе были отряжены также къ тремъ царямъ—Роману, Константину и Стефану, *сообща* номинально отряжавшихъ греческихъ пословъ къ Игорю, но, по разсказу лѣтописца, въ дѣйствительности заключалъ миръ Романъ, и Игорь спросилъ пришедшихъ къ нему греческихъ пословъ: «глаголите, что вы казалъ (т. е. наказалъ) *царь*. И рѣша *сли царя*: се посла ны *царь*». . . Лѣтописные списки отчасти разнорѣчатъ; по однимъ, въ 912 г. греческіе послы сказали князю: «твой *сли* водилъ суть *царь* наши ротѣ», — согласно съ описаніемъ цѣлованія креста обоими царями въ 907 г., — тогда какъ по Радзивил. и сходнымъ съ нимъ спискамъ. . . «*царя* нашего». Кажущееся противорѣчіе въ *текстѣ* грамоты 912 г. (направленіе посольства къ *тремъ* царямъ, руководство въ написаніи обѣтной грамоты *однимъ* царемъ, утвержденіе мира *двумя* царями — «на утверженіе обоему») могло проп-

зойти, независимо малолѣтства Константина, исключавшаго *активное* участие его въ заключеніи договора, только потому, что Левъ умеръ въ промежуткѣ времени состоявшагося соглашеніи по договору «при Левѣ и Александрѣ» и его полной ратификаціи. Тѣмъ не менѣе лѣтописецъ соединяетъ съ именемъ царя Льва отпускъ русскихъ пословъ «въ свою землю съ честью великою», какъ значится и въ Никоновскомъ сводѣ, правильно относящемъ и мирную грамоту, и смерть Льва къ 912 году¹⁾.

Въ предлагаемомъ мною чтеніи (вмѣсто «Ивановымъ») выраженіе «новымъ написаніемъ» знаменуетъ *обновленіе* сторонами писанныхъ условій *старую* мира, съ сохраненіемъ силы договора 907 г. Такъ обновленъ старый миръ и при Игорѣ: «Присла Романъ и Константинъ и Стефанъ слы къ Игореву построить мира *первою*», т. е. прежній... «*обновити* ветхій миръ *отъ мноз (или мноихъ) лѣтъ*». Такъ напр., по Кедрину, Петръ, царь болгарскій, по смерти Симеона, возобновилъ миръ съ императорами Василіемъ II и Константиномъ, заключивъ союзъ съ ними. Для сравненія приведу выдержки изъ договорныхъ грамотъ Емануила Комнена съ венеціанами 1148 г. и Исаака Ангела съ генуэзцами 1192 г.: «Necessarium ergo ambosque (грамоты отца и дѣда) ut habeant ipsis dictionibus presente imperii nostri vermonem nunc *renovare*»... (Tafel и Thomas: Font. rer. austr. XII, I, LI). «Nos, beati civitatis et regionis Genuae, unionem... *renovavimus* ... nihil amplius *veteris nostrae concordiae* existere innuit»... Договоръ, на который генуэзцы ссылались, заключенъ 1155 г.; въ немъ утверждаются «capitula, quae tractata sunt in *aliis conventionibus*» (Atti d. soc. Ligure vol. 28, стр. 347, 424—426). Терминъ «обновленіе» свойственъ и послѣдующимъ конвенціямъ. Договоръ 1334 г. Владиміръ-Волинскаго князя Юрія II имѣетъ цѣлью «*renovare*» прежнія мирныя отношенія къ тевтонскому ордену (J Voigt.: Cod. dipl. Prus. I., № 145). Въ грамотѣ 1335 г. того же князя о мирѣ съ орденомъ прежніе договоры также обновлялись: «*innovatus, approbatus, ratificatus*»... Подобныя выраженія находятя, между прочимъ: а, въ докончаньи царя великія орды Девлетъ-Гирея съ Сигизмундомъ Августомъ 1549 г.:—«*хотячи слово свое полнити... мы тежъ поновляючи то, абы было паньство ведлугъ *первою* звычайу и*

¹⁾ Смѣшивъ моментъ подписанія докончальной грамоты съ моментомъ состоявшагося договора, Вилкенъ замѣтилъ, что Левъ «wenige Monate vor dem Abschlusse des Vertrages starb». По расчету С. Соловьева, русскіе послы отправились въ Грецію 911 г., а вернулись въ 912 г. (Ист. Рос., т. I, гл. 5), но отправка пословъ имѣла мѣсто, по лѣтописи, въ 912 г. Возвратившись изъ греческаго похода 907 г., а не 906, какъ у М. Погодина въ Ист. Рос. до монгольск. ига, Олегъ на *плате* лѣто помянулъ своего коня, да и самъ Соловьевъ говорить, что *черезъ четыре года* Олегъ послалъ мужей своихъ въ Царьградъ.

слова заховано, дали есмо листъ нашъ, золотомъ написанный, подъ золотыми нашими печатями, брату нашему вел. королю Жигимонту Августу» (Оболенскій и Даниловичъ : Кн. посольск. в. княж. Литов. т. I, № 40); б, въ договорѣ шведскаго короля Карла IX съ послами русскими 1609 г. о подтвержденіи мира 1595 г. — «тому мирному постановленію... никогда и въ вѣки на вѣки не превратити и не разрывати, но всегда межъ обонихъ государей и ихъ дѣтей и наслѣдниковъ... и ихъ подданнымъ симъ *обновити* и укрѣпити, и утвердити... безо всякія хитрости нерушимо твердо держати» (А. Ист. III, № 159). Предшествовавшіе мирные договоры пересматривались вступавшими въ новый договоръ и, въ случаѣ надобности, исправлялись, измѣнялись или дополнялись сообразно текущимъ потребностямъ и обстоятельствамъ. Обновленіе мира подъ вліяніемъ хода событій не всегда допускало полное и буквальное возстановленіе прежняго мирнаго договора, имѣя задачей, по терминологіи латинскихъ грамотъ, принятой и Орѣховскимъ договоромъ. «*pacis reformatio*», — *ob reformatandam pacem et conventionem*» (Taf. и Thom.: Font. rer. Austr., t. XII, № 15, pactum Justinop. 977 г.). Большою частью прежніе мирные договоры грековъ съ другими державами подтверждались безъ измѣненія. Такъ въ 1187 г. венеціане получили отъ греческаго императора Исаака Ангела хрисовуль, подтверждавшій мирныя грамоты его предковъ. Императоръ оставилъ въ силѣ, безъ малѣйшаго измѣненія, хрисовуль прадѣда своего Алексѣя Комнена и стрыя (patruī), Іоанна Комнена «*absque ulla diminutione*» (Ib. № LXX). Безъ всякихъ нерѣдко измѣненій подтверждались старыя докончанія русскихъ съ печенѣгами, половцами, вѣмцами, уграми, поляками, камскими болгарами (1184 г.), норвежцами, шведами, литовцами и иными народами, тѣ съ повтореніемъ прежнихъ условій, тѣ просто съ оговоркою — «попрежнему», напр., въ договорѣ норвежцевъ съ русскими 1326 г.: «*sicut prius fuerat inter predecessores nostros*» (Собр. Гос. Гр. и Дог. ч. V, № 108). Въ Новгородской области подтвержденіе мирныхъ соглашеній съ дружественнымъ сосѣднимъ народомъ было обычнымъ при поставленіи новаго князя. Въ договорѣ Новгорода съ вѣмцами конца XII в. сказано: «А кого Богъ поставитъ князя, а съ тѣмъ мира подтвердить, либо лп земля безъ мпроу станетъ». Въ 1408 г. кн. Василій Дмитріевичъ и Витовтъ «взяша миръ промежъ собою *по давному*» (Воскр. т. VIII. 82). Иногда назначался особый *срока*, по истеченіи коего договоръ считался утратившимъ силу, не будучи возстановленъ цѣликомъ или съ оговорками. Примѣромъ существующихъ измѣненій и отчасти нѣкоторыхъ статей прежнихъ мирположеній можетъ служить договоръ Свидригайла съ вѣмецкимъ орденомъ 1402 г., заключенный *независимо* отъ прежнихъ договоровъ и оставляющій въ силѣ мирный договоръ между двоюроднымъ братомъ Свидригайлы Александромъ - Витольдомъ и орденомъ, кромѣ двухъ статей — одной измѣнен-

ной, въ томъ смыслѣ, чтобы никто безъ дозволенія гроемейстера не поселялся въ гроемейстерскихъ владѣнiяхъ, и одной отрицательной — о земляхъ псковскихъ (А. Коцебу: Свидригайло в. кн. Лптов., Прилож.).

Въ предисловіи договора 912 г. послы русскіе опираются на свое полномочіе поддержать и возвѣстить («на удержаніе и извѣщеніе») отъ многихъ лѣтъ межи крестьяны и русью *бывшую любовь*. Далѣе читаемъ въ рѣчи русскихъ пословъ: «Наша свѣтлость (т. е. наши князья Олегъ и прочіе, ему подручные) боля *иньхъ* хотящи еже о Бозѣ (ради Бога) удержати и извѣстати такую *любовь*¹⁾, *бышую* межи хрестьяны и русью... *бывшій* миръ сотворихомъ». Въ выраженіи «боля *иньхъ*» вижу намекъ на русскихъ *предшественниковъ* Олега, заключавшихъ мирные договоры съ греками, ибо подобное выраженіе помѣщено въ договорахъ XIV в. западно-русскаго князя Юрія II съ тевтонскимъ орденомъ. Разница та, что въ послѣднихъ предшественниками Юрія II являются предки его по восходящей линіи родства («progenitores, въ грам. 1334 г. «predecessores»), о родствѣ же столь близкомъ Олега съ его предшественниками, вступавшими въ миролюбивыя сношенія съ греками, не можетъ быть рѣчи. Въ грамотѣ 1327 г. князь Юрій II, подражая своимъ предкамъ («progenitorum»), поименованнымъ въ другихъ его грамотахъ (Романъ, Данилъ²⁾, Левъ, Юрій I и Андрей), изъявляетъ намѣреніе не умалить, но болѣе укрѣпить и упрочить миръ и любовь съ орденомъ: «potius volentes abundantius adaugere... non

¹⁾ Ср.: «да умаримся, да *любимъ* другъ друга». — Царскіе послы сказали посламъ Игоря: «Царь хоцетъ миръ имѣти съ княземъ рускимъ и *любовь*. — Не преступати отъ уставленныхъ главъ мира и *любви*. Въ догов. 945 г.: «заповѣдано утвердити *любовь* межи греки и русью». — «Посланиа ны створити *любовь*. — Увѣдять ины страны каку *любовь* имѣють гръци съ русью». Цимисхій послалъ объявить Святославу: «хочу имѣти съ тобою миръ и *любовь*. Въ грам. Святослава 971 г.: хочю имѣти миръ и свершену *любовь*... Между Владиміромъ св. и окольными князьями «бѣ миръ и *любовь*» (лѣтоп. подъ 996 г.). Въ 992 г. «пріидоша послы отъ Андриха Чешскаго съ *любовію* къ Владиміру» (Никон.). — «Сойтись въ *любовь*» (Новг. I. 38, 77). «Цѣловаша на всей *любви* крестъ» (Ипат. 227). Въ 1213 г. Мстиславъ Мстислав. говорилъ Данилу: «сыну, за первую *любовь* не могу на нь (Лешка) востати» (Ib. 489). «Король Андрей не забы *любви* своєю первыя, иже имѣше къ Романовой» (Ib. 486). Многіе договоры русскихъ князей начинаются словами: «А межи собою будучи въ *любви* (XIV—XVI в.), и въ нихъ постоянно дѣлаются ссылки на любовь. Въ посланіи Вас. Вас. къ греч. импер. 1438 г.: *любовь* имѣти съ святымъ ти царствомъ» (Соф. II, т. VI, 167) и т. д. Въ литовскорусск. грамотахъ миръ обыкновенно называется *слюбомъ*. — Посольство правилось о *любви*, о дружбѣ и *любви* — о миру, о *любви* и о вѣчномъ доканчаніи (Воскр. т. VIII, 236, 241, 249).

²⁾ О сношеніяхъ Данила Романов. съ нѣмецкимъ орденомъ въ половинѣ XIII в. есть свѣдѣнія въ Ипат. лѣтоп. (стр. 342).

minventes, sed potius augentes... ut... pacisque et concordie tranquillitas possit eo ferventius augmentari». Въ упомянутой выше грамотѣ 1334 г. тотъ же князь обновляетъ и подтверждаетъ миръ, заключенный съ орденомъ предшественниками его, русскими князьями и имъ самимъ, согласно съ тѣмъ, какъ значится въ ихъ и его собственныхъ грамотахъ, ради *вѣншей* крѣпости—*maiori firmitatis*. Въ южнославянскихъ договорахъ проглядываетъ неменьшее усердіе правителей превзойти державныхъ своихъ предшественниковъ въ миролюбіи. Напр., договорная грамота Боснійскаго бана Тверка съ Дубровникомъ 1387 г. гласитъ: «Господиъ Стефанъ краль *ошше и боле вѣшь своихъ прѣшнихъ* есть *любьма* града Дубровника» (F. Miklosich: Monum. Serb. 210).—Если въ 912 г. возобновляется миръ очень давній, то, кромѣ договора 907 г., почти не повтореннаго, въ подробностяхъ, договоромъ 912 г., но давшаго обильный матеріалъ договору 945 г., который въ свою очередь вспоминаетъ «ветхій миръ... отъ много (или многихъ) лѣтъ», то, несомнѣнно, существовали между греками и русью еще болѣе отдаленныя по времени, чѣмъ договоръ 907 г., докончанія. Нападеніе руссовъ на Византію подъ предводительствомъ Аскольда и Дира, по однимъ въ 860 или 861 г., по другимъ въ 864 или 865 г.¹⁾, изображаемое плодомъ нарушенія мирнаго договора, ранѣ процвѣтавшаго между греками и русью и открывавшаго русскимъ гостямъ свободный доступъ въ Византію, съ платежемъ десятины (Ибнъ-Хордадбе), имѣли, по словамъ патріарха Фотія, цѣлью отмщеніе руссами за порабощеніе и убійство служившихъ въ Византіи своихъ соплеменниковъ и неудовлетвореніе греками требованія руссовъ подвергнуть виновныхъ подобающей карѣ. Греческіе лѣтописцы сообщаютъ о склоненіи затѣи руссовъ къ миру императоромъ посредствомъ щедрыхъ подарковъ. Въ окружномъ посланіи епископамъ Фотій оговаривается, что по принятіи христіанства руссы стали обращаться съ греками почтительно и *дружески*. Предшедшій «ветхій» договоръ можно, кажется, приурочить именно къ тому моменту, первичный же договоръ позволительно отодвинуть къ тридцатымъ годамъ IX в., нѣ сколько предшествовавшимъ описанному Ахметомъ-эль-Катабомъ и др. вторженію норманновъ — *россовъ*²⁾ въ Севиллу и Португалію 844 г.). Въ 839 г., по свидѣтельству епископа Пруденція, приходили къ греческому императору Феофилу нѣкія лица, выдававшія себя за *росскихъ пословъ* своего ка-

¹⁾ Никита Палагонскій, Симеонъ Логоветъ, письмо папы Николая къ императору Михаилу, бесѣды патріарха Фотія, Слово Георгія Хартоуилакса, Венеціанская хроника Іоанна Діакона и пр.

²⁾ См. между проч. W. Gutzeit'a: Erläuter. z. ält. Gesch. Russl. Отд. 5 «Achmed-al Kateb Rus v. 844».

гана¹⁾, отправленныхъ ради дружбы—«amiciciae causa». Императоръ старался обезпечить имъ безопасное возвращеніе дальнимъ путемъ, въ обходъ варваровъ, чрезъ владѣнія франкского короля и отправилъ ихъ къ нему съ своимъ посольствомъ. Людовикъ Благочестивый, дознавъ, по изслѣдованіи *причины ихъ прибытія*, что они—*gentis esse sveonum exploratores*... и т. д. (Monum. Germ. Hist. I, 434). Сжатый рассказъ Пруденція толкуютъ различно. Повидимому, лица, направленные къ Людовику въ Ингельгеймъ греческимъ императоромъ и выдававшія себя *предъ послѣднимъ представителями русскаго народа*—*qui se, id est gentem suam, Rhos vocari dicebant*, были сами національности *норманнской*. Къ императору Феофилау уполномоченные варяжскаго происхожденія прибыли, объясняя, что они «отъ *рода русскаго*», какъ и уполномоченные варяжскаго происхожденія въ дипломатическихъ актахъ при Олгѣ и Игорѣ. Людовикъ, интересовавшійся не столько національностью пословъ, сколько *поводомъ ихъ прибытія*—«*quoque adventus causam... diligentius investigans*». убѣдился, что они суть развѣдчики изъ народа свеонскаго скорѣе, нежели искатели дружбы, такіе же, прибавлю отъ себя, какими были *норманны*, явившіеся въ 782 г. въ Нарбонскую Галлію (см. 1 главу). Незадолго до описаннаго Бертинскою лѣтописью событія 839 г., въ 826 г. Геріольдъ II съ братомъ прѣзжалъ въ Ингельгеймъ для торжественнаго принятія св. крещенія, послѣ чего щедро былъ одаренъ Карломъ, получивъ отъ него округъ Рустригентъ (Riustri) во Фризіи, чрезъ которую лежалъ имъ путь (Einhard). Подъ свеоновъ западные анналисты подводятъ многія полуночныя племена. По словамъ Эингарда, «*Dani videlicet et Sveones, которыхъ зовемъ норманнами, занимаютъ сѣверный берегъ (Ютландіи) и всѣ его острова*». Адамъ Бременскій (XI в.) упоминаетъ о пути изъ Свеоніи въ Грецію. Этотъ путь принято сопоставлять съ путемъ «изъ варягъ въ греки», перехваченнымъ на югъ Россіи, въ половинѣ XII в., половцами. Уже Ф. Кругъ, согласно съ Ф. Краузе, разобравшимъ древнѣйшія папскія буллы 846, 913 и др., гдѣ упоминается о народахъ «*Sveonum (sujonorum) sive Danorum nec non Slavorum*», справедливо замѣтилъ, что варягоруссовъ нельзя огуломъ выводить изъ Швеціи; Бертинскою лѣтописью разумѣется одна изъ странъ, которую занимали свеовы, а не исключительно Швеція—Suecia (Forsch. in der ält. Gesch. Russl. ч. I). Несмотря на признаки очень давняго пребыванія руссовъ въ Швеціи (Rosslagen), несмотря на то, что свеи и впослѣдствіи,

¹⁾ Русскіе, по Ибнъ-Дасту, имѣли князи—кагана. Въ письмѣ Людовика къ греч императору Василию 871 г. говорится, что греки приравниють титулъ *слагани* къ царямъ аваровъ, хозаръ и *норманновъ* (Monum. Germ. III. 523). Титулъ «каганъ», связанный Иларіономъ съ княженіемъ Владиміра св., жгль въ устахъ русскаго народа еще во второй половинѣ XI в., при Всеволодѣ Ярославичѣ (Слово о п. Игоревѣ).

особенно съ XII в., простирали свои притязанія на сѣверную Русь, нельзя принимать ихъ за варягоруССовъ. Повѣсть объ Александрѣ Невскомѣ, какъ и лѣтописная космографія, дѣляютъ чужестранную силу варяжскую—скандинавскую (у грековъ Варангія) на *свеевъ* и *мурманъ* или нурманъ, позднѣе означавшихъ собственно норвежцевъ¹⁾, оставившихъ по себѣ память въ Мурманскомъ берегѣ, Мурманскомъ морѣ и т. под. Скандинавскія саги и руны заключаютъ въ себѣ кое-какіе намеки на весьма отдаленную связь Россіи съ основами скандинавскими, со временъ потомка *Трояна* или *Тора* *Одина*, основавшаго будто бы, по завоеваніи Гардарики, Датское и Шведское государства, согласуясь съ загадочными воспоминаніями въ Житіи Кирилла о *фульскомъ языкѣ* (вѣроятно, готскомъ) близъ Таврики, подъ которыми разумѣютъ народъ крайняго сѣвера, преимущественно Скандинавіи (*Thule, Tili*). Однако, въ ходѣ событій даже такіе крупные факты, какъ бракъ Ярослава I съ дочерью шведскаго короля Олафа Ингигердой—Ириной, не дають, по крайней мѣрѣ въ вопросѣ о норманизмѣ руся, перевѣса научнымъ выводамъ, какіе сдѣланы были о связи владычества варяговъ въ Новгородской землѣ и сосѣднихъ съ нею земляхъ съ привлеченіями отважнаго Галоданова сына *Рюрика* (хотя, по справедливому замѣчанію М. Погодина, едва ли нашего Рюрика), соединившаго, по франконскимъ лѣтописямъ, въ своихъ рукахъ всю Фризію, а по свидѣтельству саги *Sögubrat*, повоевавшего всю Швецію, Ютландію (*Jotiam*) и часть Англіи и оставившаго двухъ сыновей *Рюрика* и *Тройда* (*Ant. Russes I*), съ наплывомъ въ Кіевъ проворныхъ *дановъ*, составлявшихъ, по Дитмару, большинство его (свободнаго) населенія, и многими другими. Матеріалъ, кроющійся въ географической номенклатурѣ, можетъ, до нѣкоторой степени, служить путеводителемъ къ отысканію слѣдовъ пребыванія пришлыхъ заморскихъ *норманновъ* среди туземнаго чудскославянскаго населенія—колыбелю Русской Правды (см. главу IV). Таковъ, между прочимъ, *Гараль-*

¹⁾ *Nörig* или *Noriki* въ документахъ X в., *Norici* въ договорѣ 3 іюня 1326 г. норвежцевъ съ русскими (лѣтописные *морчи*) издревле жили также на истокахъ Дуная, Дравы и Савы и дали названіе Паннонской *Норикъ* (ср. *Werenher: De admir. Hung. aquis*, у Швандтнера, *Script. rer. Hung.*). Старѣйшее норвежское поселеніе въ Лапландіи, на Мурманскомъ берегу, есть *Варгаевъ*. Державецъ варгавскій послалъ за данью въ Біармію—*Bergmeland*. Въ извѣщеніи датскимъ посламъ 1598 г. границей между Россіей и Норвегіей полагалась р. ИвгеЙ. Варгавъ подсажалъ ерытію, какъ поставленный на царской землѣ: «За Варгавомъ царевой вотчины 1000 верстъ». И по грамотѣ Мих. Федор. Варгавъ—на русской территоріи (Щербачевъ: Датскій арх. № 533 и 696). По норвежскимъ аитамъ XIV в., крайняя граница Норвегіи на Востокъ — *Триггеста* (три острова, Орловъ мысь, на берегу Бѣлаго моря, до Велега, гдѣ жили *semi-корелы* и *semi-финны* (*Ant. russes*, т. II, 494).

дова вымоль въ приобщенномъ къ Ярославовому сборнику законовъ Уставъ о мостовыхъ, прописанный наряду съ поселеніями сосѣднихъ *изюевъ* (выходцевъ), напоминающій и брата пресловутаго датскаго героя Рорьяна— Югландскаго князя Геріольда II, крестившагося въ 826 г. въ Ингелгеймѣ и умершаго около 847 г., и прославленнаго мужа дочери Ярослава I Елисаветы, героя Гаральда (Heimkringla). При Карлѣ Великомъ, большая часть Югландіи, примыкавшей къ древней Англіи (Angeln), населенной «агнлянамъ»—англиянамъ, носила названіе Rosen-gau, жители которой въ 803 г. за враждебныя въ союзъ съ норманнами дѣйствія, были разселены имъ по окрестнымъ странамъ, съ передачей ихъ земель оботритамъ (Pertz, II. 258).

Извѣстіе Пруденція сходится съ ядромъ распространеннаго Никоновскимъ сводомъ полянскаго преданія («якоже сказуютъ») объ экспедиціи Кія къ Царьграду, съ войсками, сопровождавшейся заложениемъ Кіевца на Дунай (кажется, «Кеве» Туроча), о возвращеніи его оттуда съ великою честью и о *мирномъ* съ греками житіи. Этимъ объяснить можно, во 1-хъ, нахождение тавроскифовъ (руссомъ) на службѣ въ войскѣ греческаго императора около 854 г. (писатель X вѣка Генесій), во 2-хъ, безпрепятственное построеніе хозарамъ, по ихъ просьбѣ, около 833—837 г., крѣпости Саркела (Бѣловѣжа) на Дону, важнаго стратегическаго и торговаго пункта, по распоряженію императора Феофила, зятемъ его Петрономъ Каматиромъ (Const. porph. De adm. imp. гл. 42), когда черноморскіе и азовскіе руссы, жившіе около сѣвернаго Тавра (Кедринъ), еще зависѣли отъ власти хозарскаго кагана, которой подпали приблизительно съ половины VII и въ началѣ VIII в., съ занятіемъ хозарами Херсонеса Таврическаго, большей части Крымскаго полуострова и Фанагоріи¹⁾. Въ томъ же Никоновскомъ сводѣ помѣщено, подъ 876 г., положительное свидѣтельство, заимствованное изъ греческихъ манускриптовъ, что Василій Македонянинъ, вступившій на царство въ 867 г.,—«сътвори мирное устроеніе съ русы» (Собр. лѣтоп. т. IX, 13), совпадая съ извѣстіями греческихъ авторовъ, подробно пере-

¹⁾ Въ Житіи Кирилла говорится, что каганъ хозарскій при Михаилѣ III изъявилъ готовность *служить* царю греческому, возвративъ ему греческихъ плѣнниковъ (Чет. Мян. Дн. Рост.). Сообщение гармонируетъ съ фактами, изложенными въ письмахъ патріарха Николая Мистика объ учрежденіи епископства въ Хозаріи (Migne: Patrologia Graeca, ч. III) Хозары, повидимому, долго продолжали пользоваться покровительствомъ греческихъ царей, являясь въ то же время сторонниками то тѣхъ, то иныхъ русскихъ князей, и играя важную роль въ судьбахъ Тмутороканскаго княжества (ср. главу догов. X в. о Корсуевской странѣ). Пріязнь грековъ къ хозарамъ упрочилась въ VIII в. брачными узами. Кагану хозарскому греки присвоивали титулъ «благороднѣйшаго и славнѣйшаго» (Конст. Порф.).

численныхъ Вилкеномъ¹⁾, съ повѣствованіемъ о нападеніи *росскаю* пегмона и свирѣпыхъ его сподвижниковъ въ 865 г. на Пропонтиду и разграбленіи Амастриды (Житіе Георгія Амастридск.), Венеціанской хроникой Іоанна Діакона о нападеніи на Византію руссовъ, называемыхъ норманнами; на 360 судахъ, осадѣ Царьграда, опустошеніи окрестностей и возвращеніи ихъ домой *cum triumpho* (Monum Germ. hist. VII, 18) или *«cum glorio»* (Muratori: *Rer Ital. scr.* XII, 181), что не противорѣчитъ и нашей лѣтописи о походѣ Аскольда и Диры, хотя потерпѣвшихъ неудачу, не столько отъ грековъ, сколько отъ бури, но наведшихъ на нихъ панической трепетъ, наконецъ съ извѣстіемъ персидскихъ источниковъ о походѣ руссовъ на Табаристанъ около 870 г. (Мельгуновъ, Дорнъ и др.). Продолжатель хроникъ Феодана и Кедринъ свидѣтельствуютъ, что вскорѣ по удаленіи руссовъ изъ-подъ Царьграда явились туда ихъ послы съ просьбою о заключеніи мира. О договорѣ царя Василія съ руссами вспоминаетъ Копыстенскій, по Іоанну Зонарѣ:—«Царь Василій (Македонянинъ) съ народомъ русскимъ *примире учинивши*, справилъ, абы онъ въ признане вѣры христіанской пришолъ и гды ся крестити обѣцовался, архіерея имъ послалъ Мѣхана митрополита». (Шолпнодія, ч. 3, разд. 1, Русск. Ист. Библ. т. IV, кн. 1). Къ переговорамъ о мирѣ руссы были привлечены золотомъ, серебромъ и шелковыми одеждами. По заключеніи мира Василій склонилъ ихъ принять крещеніе и патріархъ послалъ имъ архіепископа (Жизнеоп. Василія) по имени Анастасія (Banduri. *Imp. orient.* II). Существованіе дипломатическихъ сношеній русскихъ съ греками во второй половинѣ IX в. подтверждается предполагаемой мною связью съ договорными статьями о Корсунской странѣ, съ нападеніемъ руссовъ на греческія владѣнія въ Корсунской странѣ (Житіе Стефана Сурожскаго), случившмися въ началѣ того вѣка (Макарій, Соловьевъ, Голубинскій, Васильевскій и др.), причѣмъ было взято русскимъ княземъ въ плѣнъ на протяженіи отъ Корсуни до Керчи множество мужчинъ, женщинъ и дѣтей, впоследствии отпущенныхъ на свободу, окружнымъ посланіемъ Фотія къ епископамъ въ 867 г., которое удостовѣряетъ, что русь, принявъ епископа, *примкнула съ любовью* къ кругу преданныхъ грекамъ друзей, рѣчью 882 г. пословъ Олега Аскольду и Диру въ Кіевъ: «яко гостя есмы («гость есть» въ Лавр.), идемъ въ греки отъ Олга и отъ Игоря княжича», освѣщающею оживленіе торговыхъ сношеній русскихъ съ греками, согласно съ показаніемъ Ибнъ-Хордадбе о привозѣ русскими купцами изъ дальнѣйшихъ концовъ Славоніи къ Румскому морю, при кесарѣ Василіѣ (Македонянинѣ), около 870 г., мѣховъ и мечей и о платежѣ десятины—*«decimarum solutis»* въ договорѣ грековъ съ персами,

¹⁾ Über die Verhältnisse der Russen zum Byzantinischen Reiche. IX - XII Jahrhundert, въ Зап. Берлинск. Акад. Наукъ, т. XIII, 1829 г.

(А. Гаркави, 47) и участіемъ русскихъ (700 человекъ) въ критскомъ походѣ грековъ 902 г. Персидскій писатель Мухаммедъ аль-Ауфи говоритъ, что *по принятіи христіанства*,—островитяне руссы, вложили мечи въ ножны, относя, впрочемъ, послѣдній фактъ къ 300 году гиджры, т. е. 912 г. (Зап. Вост. отд. П. Арх. Общ., т. IX, сообщ. Бартольда). Въ приведенномъ выше извѣстіи Бертинской лѣтописи довольно важны, на мой взглядъ, заботы императора Феофила о *безопасномъ* возвращеніи прибывшихъ, съ дружественною цѣлью, пословъ русскихъ восояси, вѣроятно на основаніи состоявшагося незадолго передъ тѣмъ договора его съ русью; ибо въ договорѣ 945 г. условлено объ отходящей изъ Греціи руси: «да возвращаются *съ спасеніемъ* въ страну свою (въ нѣкотор. списк. и въ догов. 912 г. «поздорову»), причѣмъ обыкновенно выдавалась охранныя грамота ¹⁾, «опасъ» —*salvamentum, salvagardia, sauf conduit*, а термины дружба и любовь, какъ знаменія мира, употребляются часто безразлично. «Давила посла Лестько во Угры и съ нимъ послалъ посолъ свой Вячеслава Лысого, реки королеви: «язъ не помянухъ свады Романовы, тобѣ бо *другъ* бѣ, клялася бо бѣста, яко оставшю въ животь, племени его *любовь* имѣти» (Ппат. 482 подъ 1203 г.). Въ грамотѣ Матиаса Корвина къ Іоанну III Васильевичу сказано: «о *любви* жѣ, вѣрѣ и *дружеству* твоему радуемся... (Соб. Гос. Гр. и Дог., ч. V, № 9). Въ договорномъ актѣ 1489 г. между султаномъ Баязетомъ и Казиміромъ «... *ad confirmandam amicitiam et pacem*... orator (посолъ) *fecit verba... ac confirmavit amicitiam... litterae scriptae sunt in fidem et certitudinem* (Hugmuzaki Docum. pr. la istoria Românilor, vol. II, № 280). Посольство правилось о *дружбѣ* и любви (Воскр. лѣтоп., т. VIII, 241 и др.).

Походъ Олега на грековъ ничѣмъ инымъ нельзя объяснить какъ нарушеніемъ ими прежняго договора съ русскими. Почетному для Руси миру 907 г. Олегъ былъ обязанъ не только своей доблести, или же вѣщему своему дару, но и невыгодному для Византіи стеченію событій, постепенно омрачавшемуся съ VI вѣка, несмотря на свѣтлые промежутки, приписываемые историками упругости ея военной организаціи, искусству и находчивости многихъ ея талантливыхъ правителей и полководцевъ. Въ первой половинѣ VI вѣка гуннскія племена, захватившія, между прочимъ, часть земель между Херсонесомъ и Босфоромъ (Прокопій), въ нѣсколько

¹⁾ Подобная опасная грамота дана была, напримѣръ, въ 1521 г. в. кн. Василіемъ Іоанновичемъ царевичу Сайдату-Гирею, дабы онъ «пріѣхалъ и отъѣхалъ *безъ опасу*». «А сія тебѣ наша грамота и *опасная*» (С. Г. Гр. и Дог. ч. V, № 94). Объ опасной грам. см. также Русск. Ист. Библи. т. 15, въ актѣ № 24 за 1523 г. Иногда опасная грамота называлась *подорожною*.—Великій князь спрашивалъ пословъ: «сами есте *по здорову* ли дорогою ѣхали? Они отвѣчали: «*здорово* есмы ѣхали». (Сб. Русск. Ист. Общ. т. 59, № 9—II).

пріемовъ опустошили азійскія владѣнія Византіи—Анатолію, Каппадокію и союзныя области. Не успѣло пасть могущество родственныхъ гуннамъ, бросавшихся на Византію съ княземъ своимъ Заберганомъ въ 559 г., взявшихъ огромную дань съ грековъ вутургуровъ (болгарская вѣтвь), по мирному договору пріобрѣвшихъ часть Фракіи, съ правомъ пользоваться *балями* (Прокопій), какъ затѣмъ принялись тревожить Византію засѣвшие въ Панноніи и получавшіе отъ грековъ большую ежегодную дань кочевые авары. Съ послѣдними Византія вела войны, дорого ей стоившія, особенно въ 514 г., когда варвары осадили Царьградъ подъ предводительствомъ Виталиана, и въ 626 г., при императорѣ Иракліѣ, когда авары, по наущенію персидскаго царя Хозрой, купно съ славянами, со времени Юстиніана I участвовавшими въ раззореніи греческихъ владѣній, сожгли предмѣстья Царьграда. Въ соединенномъ вражескомъ войскѣ находились и тавроскифы—руссы (Никифоръ, Феоданъ, Манассія и др.)¹⁾. Едвали не наиболѣе чувствительный ударъ нанесенъ былъ грекамъ славянами въ 578 г. при вторженіи ихъ во Фракію и сосѣднія области, въ количествѣ около 100.000 человекъ. Византія напрягала всѣ свои усилія къ отвращенію бѣдъ, грозившихъ ей отъ многихъ народовъ, преимущественно же отъ западныхъ болгаръ и арабовъ, отнявшихъ у нея въ VII в. Сирію и Египетъ, а въ половинѣ VIII в.—значительную часть Италіи, и осаждавшихъ Царьградъ въ 717 г. (при императорѣ Львѣ Исавріанинѣ²⁾), а также лонгобардовъ, угровъ и хозаръ, которые, пользуясь турецкими завоеваніями, распространили свое владычество на берега Чернаго моря. Съ наступленіемъ эпохи иконоборства при Львѣ III въ началѣ VIII в., съ развитіемъ внутреннихъ междоусобій и придворныхъ интригъ³⁾, положеніе Византіи все болѣе и болѣе ухудшалось. Источники упоминаютъ о заключеніи греками нѣсколькихъ договоровъ съ аварами, окончательно доведенными Карломъ Великимъ до такого ничтожества, что, по словамъ нашего лѣтописца, отъ нихъ не сохранилось «ни племени, ни наслѣдка». Въ силу договоровъ, греки оставляли за собою свободу вторженія въ земли склавиновъ, чѣмъ и пользовались греческіе цари, особенно Юстиніанъ II по отношенію къ славянамъ македонскимъ, и Константинъ Копронимъ. Славяне, однако же, оказывали такое стойкое сопротивленіе византійскому господству, что, тому же

¹⁾ «Князья нестовыхъ тавроскифовъ», за которыми, по Прокопію, лежали Херсонъ и Восфоръ, «покрыли все море лодьями». Ср.: «покрыли суть море корабля». О покрытіи моря кораблями говорится, при описаніи морскаго похода, въ сагѣ Sögubrat.

²⁾ Осада была неудачна благодаря изобрѣтенному инженеромъ Каливикомъ греческому огню.

³⁾ Онѣ служили причиною лишенія царственныхъ особъ или носа, или глазъ, или цѣлой головы.

Копрониму, въ 769 г., пришлось выкупать плѣнныхъ грековъ за 25.000 штукъ шелковыхъ матерій (Никифоръ). Для огражденія терявшей одну за другой свои обширныя и богатыя провинціи имперіи со стороны сарацинъ арабовъ и персовъ, греки, подчинившіе себѣ издавна нѣкоторые народы Кавказа, вступали, по договорамъ, въ оборонительные и наступательные союзы, напр., съ грузинскими царями (De adm. imp. гл. 45¹⁾). По заключеніи грекамъ мира съ аварами въ 677 г., на смѣну аварамъ являются болгаре, переселившіеся съ береговъ Волги и занявшіе при Константінѣ Погонатѣ, въ 678—679 г., заселенныя славянами земли греческія между Чернымъ моремъ и Дунаемъ и горами Родопскими и Емскими — Балканскими, покоривъ семь славянскихъ племенъ, жившихъ въ Мизіи. По почину отважнаго своего вождя Аспаруха болгаре вовлекли Византію въ чрезвычайно упорную съ ними борьбу, длившуюся, съ переменнымъ счастьемъ, почти непрерывно, нѣсколько столѣтій. Преемники Аспаруха заключили съ греками цѣлый рядъ мирныхъ договоровъ: въ 678 г.²⁾, подтвержд. 686 г., въ 715 при Кормезіѣ, далѣе въ 764, 774 или 775 при князѣ Тервелѣ (Телерикъ, Пеллеригъ), въ 812 г., послѣ пораженія Никифора близъ Никополя при Крумѣ, затѣмъ въ 816—817 г. (Муртаго съ Львомъ Армениномъ), въ 850, 858—860 г., послѣ пораженія и крещенія болгаръ царемъ Михаиломъ въ 864 г., подтв. въ 870 г., послѣдующіе при царѣ Симеонѣ (+ 927 г.), въ 880, 893, 913—915 гг., послѣ пораженія грековъ при Анхіалѣ 917 г. и взятія фракійскаго города Визы³⁾, въ 924 или 925 г. Между тѣмъ возрастающая сила франковъ въ свою очередь значительно повліяла на ослабленіе Византійской имперіи. Потерявъ въ 810—812 г. почти на полстолѣтіе, по Ахенскому миру съ Карломъ Великимъ, Хорватію, едва удержавъ за собою Далматію, вынужденная навсегда отвязаться отъ притязаній на Римъ и среднюю Италію, она отсюду была окружена тѣснившими ее врагами и тяжело страдала отъ внутреннихъ неурядицъ и раздоровъ, сопровождавшихся частыми дворцовыми переворотами, отъ праздности и нерадѣнія византійскихъ императоровъ, какъ говорится въ гл. 29 De adm. imp. Примѣняя къ положенію Византіи слова русской лѣтописи, она «тмочисленными бѣдами и различными напастми много лѣта пострада» (Собр. лѣт. т. VIII, 128). Жестокій ударъ нанесъ ей завоева-

¹⁾ Воздерживаюсь отъ изложенія подробностей, которыя талантливо сгруппированы въ Истор. Византіи Г. Герцберга и его многочисленныхъ предшественниковъ.

²⁾ «Мудрыя условія» договора (Конст. Порф. въ 22 гл. De adm. imp.) нарушены Юстиніаномъ II Ринотетомъ.

³⁾ Изв. Арх. Инст. въ Константиноп. т. IV, 3; Житіе Маріи Новой. Въ нашей лѣтописи подъ 914 г. сказано: «Приде Симеонъ болгарскыи на Царьградъ и сотвори миръ и приде восвоися».

тель Сръдеча (Соѳіи), побѣдитель Никифора болгарскій царь Крумъ, пользовавшійся услугами славянъ, предложившій, послѣ побѣды надъ Михайломъ I Рангави 22 іюня 813 г., императору Льву Арменину дополнить мирныя условія разрѣшеніемъ ему, Круму, водрузить копьѣ въ золотыя ворота Царьграда. Тогда вокругъ царственного города, защищеннаго глубокимъ ровомъ и высокимъ частоколомъ, сооружена была другая стѣна. Злополучія грековъ — взятіе осаждавшимъ двукратно Царьградъ (913 и 924 г.), отъ Влахерны до золотыхъ воротъ¹⁾, царемъ болгарскимъ Симеономъ Адрианополя и плѣнениа 50000 грековъ, — приписываются нашею лѣтописью *свараж* среди греческихъ воеводъ и междоусобной ихъ рати (915 г.). По взятіи болгарами Адрианополя, когда Симеонъ подступилъ къ царьградскимъ стѣнамъ, произошло свиданіе Симеона съ Романомъ Лакапинымъ (на внука коего Маріи женился въ 927 г. сынъ Симеона Петръ). Договорныя сношенія продолжались 931, 963 г., вплоть до разгрома Болгаріи Цимисхіемъ и присоединенія ея къ Восточной имперіи, ознаменовавшагося внесеніемъ болгарскаго пѣнца въ церковь св. Соѳіи. Сопровождаемая обильномъ плѣнныхъ, всѣ эти договоры имѣли преимущественно *торговый* характеръ и въ большей или меньшей степени подтверждали договоръ 715 г., на который ссылался Крумъ (Феофанъ, Анастасій). — Еще въ царствованіе Феофила (826—842 г.) угры воевали съ греками, но были побѣждены (Georgius Monachus). Въ 839 году, вѣроятно, ими же былъ занятъ путь, которымъ пробрались въ Византію русскіе послы, т. е. отъ нижняго Днѣпра до Дуная. Около 856 г. они тревожили Корсунскую область, гдѣ едва не убили философа Константина (Паннонск. Житіе). Въ 862 г. они нападали на франкскія владѣнія Людовика Благочестиваго (Бертинск. хр.). Подъ 898 г. наша лѣтопись отмѣтила выдающійся эпизодъ враждебныхъ предпріятій угровъ противъ Греціи: «Начаша воевати угри на греки и поплѣниша земли Фрачьску и Макидоньску даже и до Селуня». Угры, дѣйствовавшіе еще 902 г. заодно съ греками противъ Симеона болгарскаго, нанесли ему такое пораженіе «яко едва Симеонъ въ Деръстеръ убѣжа», подготовили захватъ Солуня въ 904 г. арабами-сарацинами (I. Коменіата) и вообще содѣйствовали успѣху послѣднихъ въ 1-й половинѣ X вѣка. Съ наступленіемъ X вѣка, т. е. вскорѣ по занятіи въ Панноніи прежнихъ жилищъ аварскихъ, сила угровъ возросла настолько (см. *Annal. Fuld.*), что въ 907 г. они одолѣли соединенныя войска Моймира моравскаго и Людовика нѣмецкаго, и, между 910—930 гг., при Джилѣ, уже господствовали надъ славянами на западномъ берегу Чернаго моря (Ибнъ-Даста). Радзивиловская, Тверская и нѣкоторыя другія лѣтописи отно-

¹⁾ «Приде Симеонъ на Царьградъ и поплѣни Фракию и Макидонью и приде къ Царьграду въ силѣ велицѣ, въ гордости, и створи миръ съ Романомъ царемъ и возвратя въ свояси» (Лѣтоп. 929 г.).

сятъ къ 934 г. первое нападеніе угровъ на Царьградъ, послѣ опустошенія ими восточной Франція и заключенія ими мира съ царемъ Романомъ въ подтвержденіе стараго мира 910 г., согласно съ показаніемъ греческихъ авторовъ о войнѣ турковъ (угровъ) съ греками около 933 г. (за годъ до пораженія ихъ императоромъ Генрихомъ), сопровождавшееся взятіемъ крѣпости Белендера, по неправильному предположенію въ некоторыхъ,— въ Херсонской странѣ ¹⁾, гдѣ около того же времени, судя по договорной грамотѣ 945 г., учинили пакости ихъ родичи болгаре черные. Тогда же возставшіе князья беневентскіе, капуанскіе и склирскіе вынудили Романа Лакапина обратиться къ королю франкскому Гугону за помощью для отнятія захваченныхъ упомянутыми князьями лонгобардскихъ крѣпостей. Въ 943 г. «пакы придоша угри на Царьградъ, миръ створивше съ Романомъ (на 5 лѣтъ) возвратишася въ свояси». И по греческимъ источникамъ, угры около того же времени тревожили Фракію, а въ 948 г. ихъ вожди Джгла и Волосурій приняли крещеніе въ Царьградѣ, примирившись съ греками. Въ 954, 957, 961, 962 годахъ угры, несмотря на пораженіе, нанесенное имъ Оттономъ I при Аугсбургѣ въ 955 г., продолжали вторгаться въ Грецію. Печенѣги, придвинувшись къ Дунаю по дорогѣ, протеренной роксоланами ²⁾ во II вѣкѣ (Спартіанъ, Капитолинъ), частыми набѣгами, въ качествѣ наемщиковъ, крайне озабочивали греческихъ императоровъ, особенно въ X в., какъ рассказываетъ Константинъ Порф., вынуждая послѣднихъ покупать союзъ съ ними дорогою цѣною. Къ нимъ-то, предъ походомъ Игоря 944 г., греки посылали богатые дары для отклоненія ихъ отъ сближенія съ русскими. Однако, союзники эти оказывались весьма ненадежными, хотя и влились въ вѣрности «по своему закону» (De adm. imp. гл. 8). Первое вторженіе печенѣговъ въ предѣлы Руси означено нашею лѣтописью подъ 915 г. Игорь заключилъ съ ними миръ, соблюдавшійся не далѣе 920 г., когда «воеваше на печенѣги», но скоро возобновленный. По словамъ императора Константина,— «россы стараются жить мирно и въ союзѣ съ вѣроломными печенѣгами, опустошающими русскія земли; печенѣги владѣютъ всею территоріею до Руси, до Босфора, до Херсонеса и до Серета, и до Прута. Печенѣгія простиралась отъ устьевъ Дуная до Саркеда. Яковъ, сынъ Моисея изъ Тамани (+ 958 г.) начерталъ,

¹⁾ Ср. Хвольсона: Изв. Ибнъ-Дасты. По Абульѣеду (гл. VII) Belendier—хозарская столица. Слѣдуя Массуди, Іасу—авторъ арабской христоматіи помѣщаетъ этотъ городъ на сѣверѣ отъ Кавказскихъ горъ. Другой хозарскій городъ—Саксия, куда около 1225 г. направилсь татары, разбитые булгарами (Ибнъ-Алатиръ, въ перев. М. Defrémercy, стр. 183).

²⁾ Перечисляя народы, нападавшіе на римскія подунайскія владѣнія, отъ границъ Иллиріи до Галліи, Ю. Капитолинъ упоминаетъ о роксоланахъ рядомъ съ бастарнами, аланами и певкинами (печенѣгами).

на библии, что она «кончена имъ *въ Судианъ, подъ владычествомъ печенъговъ, покорившихъ казареевъ*», т. е. хазаръ (Д. Хвольсонъ: Евр. надгробн. надп. стр. 67), которые тамъ жили и отъ которыхъ Кириллъ философъ во время пребыванія въ Херсонесѣ научился хазарскому языку (см. Кирил. легенду у Добровскаго и Шафарика). Такъ какъ печенъги участвовали въ походѣ Игоря 944 г. и по его повелѣнію опустошали Болгарію, то интересно указаніе Константина на то, что при существованіи между императоромъ ромеевъ и печенъгами союза россы не дерзаютъ приближаться къ Византіи ни съ военною, ни съ торговою цѣлю, и требуютъ за соблюденіе мира чрезмѣрныхъ вознагражденій и уступокъ (De adm. imp. гл. 2, 4, 5). Вотъ почему въ договорѣ 945 г., по настоянію грековъ, помѣщено условіе, чтобы русскіе посылали имъ вспомогательныя войска «елико хотять» и почему союзу грековъ съ русскими придается въ немъ угрожающее для третьихъ странъ значеніе: «... увѣдать ины страны каку любовь имѣють грци съ русью».

Въ моемъ краткомъ очеркѣ промелькнули важнѣйшіе историческіе факты, подготовившіе почву дипломатическихъ сношеній Россіи съ Греціей въ X вѣкѣ и приведшіе къ договору Олега съ греками въ 907 г., когда еще не завершилось политическое сліяніе Кіево-Черниговской области съ Приазовскою, признавшею верховенство кіевского великаго князя по крайней мѣрѣ при Игорѣ, господство коего простиралось на весь Босфоръ Киммерійскій, гдѣ послѣ неудачнаго похода на грековъ онъ искалъ убѣжища (Левъ Діаконъ). Несмотря на настойчивыя и кропотливыя изысканія ученыхъ, съ Эверсомъ во главѣ, попытки развязать узелъ взаимоотношеній договоровъ X в. оказывались донинѣ (А. Димитріу: Визант. Врем. II, 534) мало успѣшными. Недостаточно ясное пониманіе договорной терминологіи и практики внушило ученымъ злополучную мысль, побуждавшую большинство ихъ низводить договоръ 907 г. лишь къ *устному* соглашенію. За немногими исключеніями, напр. Пахманъ (О судебн. доказат. 22, 23, прим. 1) и Сокольскій (Лекціи о догов. русск. съ грек., Кіевск. унив. Изв. 1870 г., 3), основательно признающіе договоръ 907 г. вполне самостоятельнымъ, чего, кажется, не отвергалъ и Погодинъ, хотя древнѣйшимъ сохранившимся считалъ договоръ 912 г. (О догов. Олега, Игоря и Святослава съ греками, въ I т. Исслѣдов.), полагаютъ, что онъ санкционированъ *письменно* нѣсколько лѣтъ спустя. Хотя лѣтописецъ, подъ 907 г., при разсказѣ о принятіи обѣими сторонами присяги и обѣ утверженіи ими мира («утвердиша миръ») послѣ предварительныхъ переговоровъ о мироположеніи («Олегъ нача миръ творити»), и умалчиваетъ о *написаніи* мирныхъ условій, но уже самое утвержденіе мира клятвой Олега съ его мужами и греческихъ императоровъ—неразлучно съ начертаніемъ договора на хартіяхъ и обмѣномъ грамотъ. По заключеніи мира съ греками

Олегу продолжалъ княжить въ Кіевѣ болѣе четырехъ лѣтъ, «миръ имѣя ко всѣмъ странамъ». Также точно и Игорь, «утвердивъ миръ со греки», княжилъ въ Кіевѣ, «миръ имѣя ко всѣмъ странамъ». Это стереотипное выраженіе взято, вѣроятно, изъ *припыла* героической пѣсни въ честь отважныхъ русскихъ князей по поводу отдаленныхъ и опасныхъ походовъ. Различіе обстоятельствъ, непосредственно предшествовавшихъ мирнымъ договорамъ и ихъ сопровождавшихъ, должно было повліять и на порядокъ ихъ составленія, изображеннаго лѣтописцемъ согласно документамъ, находившимся въ его распоряженіи.

Въ 907 г. Олегъ стоялъ подъ стѣнами Царьграда, который греки затворили, замкнувъ, «Съсудъ» Στένοϛ, Saevidar-sund (Heimskringla), «глаголемый узмень» (Прилож. къ 1 изд. Лавр. л., 245), цѣпью, протянутою отъ Галаты до Влахерны (Тв. лѣтоп.)¹⁾. Греки очутились въ такомъ же критическомъ положеніи, въ какое (по византійскимъ лѣтописямъ) поставилъ ихъ въ 813 г. болгарскій царь Крумъ. Когда греки вели переговоры съ послѣднимъ, причемъ онъ требовалъ отъ нихъ ежегодной дани, множества паволокъ, выдачи красивѣйшихъ дѣвицъ царьградскихъ и разрѣшенія вонзить свое копье въ Золотыя ворота, — на жизнь Крума, по тайному приказу императора Льва, было сдѣлано измѣнническое покушеніе, но Крумъ спасся, отдѣлвшись раной. По разсказу нашего лѣтописца, греки пытались умертвить и Олега, только не оружіемъ, а отравой. У грековъ свѣжа была въ памяти жестокая расправа Крума, велѣвшаго разрушить до основанія всѣ церкви, монастыри, дворцы и другія сооруженія, расположенныя около св. Мамы, гдѣ сосредоточилось болгарское войско, и опустошить окрестности Царьграда — Силимврию, Даону, Родостъ, Апру и пр. И вотъ греки, чрезъ пословъ своихъ, умоляли Олега не губить городъ, посуливъ дань, какую онъ назначитъ. Предварительные переговоры открываются предложеніемъ грековъ. На него Олегъ отвѣчалъ *заповѣдью*, опредѣливъ

¹⁾ Въ 941 г. руссы до нанесеннаго имъ греками пораженія успѣли выжечь Золотой Рогъ (Theoph. Cont.). И по нашей лѣтописи, русскіе «Судъ весь пожгоша». По словамъ Льва Діакона, Іоаннъ Цимисхій, пройдя изъ Влахернскаго храма во дворецъ, оттуда любовался огненными кораблями, стоявшими въ *заливѣ* Босфора, гдѣ *пристань тлѣнется изибомъ*, до моста и впадающей рѣки. Въ 1204 г. *орязъ... пришедше въ Судъ*, закипъ желѣзныя разбѣшиа, приступили къ городу и начали жечь храмы... «святѣй Соѡви притворъ погорѣ, идѣ же вси патріарси написани, подруміе и до моря (Мраморнаго или Бѣлаго), а сѣмо (съ противоположной стороны) по царевъ дворъ и до *Суда* погорѣ» (Воскрес. т. VII, 109 и др.). Еще Вилкевъ замѣтилъ, что подъ Στένοϛомъ византійцы разумѣли не только Босфоръ (Sund), но также берегъ гавани Chrysokeras (Золотой Рогъ) на сторонѣ Галаты (Ueber d. Verhältn. d. Russen zum Byzant. Reiche, стр. 85—86). Въ Золотой Рогъ вливался р. Варнисъ близъ Влахерны.

размѣръ дани¹⁾. Однако, данью греки могли лишь временно обезпечить Царьградъ отъ угрожавшаго ему разгрома. Имъ подобало надолго обезопасить всю Грецію отъ русскаго оружія, а потому они и стали домогаться мирнаго договора со включеніемъ въ него обязательства Олега, «дабы не воевалъ грецкия земля» (въ Лавр. спискѣ—«гражанъ по пристанищамъ»). Тогда Олегъ, немного отодвинувъ войска свои отъ Царьграда, приступаетъ, посредствомъ прибывшихъ въ городъ полномочныхъ пословъ своихъ Карла²⁾, Фарлава, Велемуда, Рулава и Стемида, къ заключенію мирнаго договора съ царями Львомъ и Александромъ. Содержаніе той заповѣди, которая предъявлена Олегомъ въ приступѣ къ соглашенію съ греками, вошло въ первую главу приведенныхъ условій мирнаго договора, судя по повторенію ея сущности, съ незначительнымъ лишь редакціоннымъ измѣненіемъ, вмѣсто 12 гривенъ «на человекъ» (въ нѣкот. сп. «на человекъ», т. е. людей,— по 40 (Тв лѣтоп. добавл. «бойцовъ»), въ каждомъ изъ 2000 кораблей,—12 гривенъ «на ключъ». По толкованію И. Срезневскаго, договорный ключъ означаетъ руль, но это едва ли вѣрно. Ключемъ назывался и багоръ, какъ въ Житіи Бориса и Глѣба: «... имше корабль ключи», т. е. баграми. Каждая лодья снабжена была баграми. Иначе нельзя было проходить пороги лодьями. Дѣйствуя баграми, руссы становились вокругъ лодьи—на носу, на корнѣ и посрединѣ (Конст. Порфир.). Дань въ 12 гривенъ потребована по количеству не людей, какъ думалъ Погодинъ, а воиновъ—«дати *воема* на 2000 кораблей». Въ 943 г. Игорь «вземъ у грекъ паволоки и злато и на *вся воля*» въ количествѣ большемъ, чѣмъ дано Олегу. Въ 971 г. греки обѣщали Святославу дань ему и на дружину его «по числу, на *юловы*», спрашивая: «сколько васъ»? Въ 1043 г. русскіе требовали отъ грековъ по три литры золота на каждого участвовавшаго въ походѣ соотечественника (Зонара). Норманны договаривались съ Ярославомъ I, чтобы онъ уплатилъ *каждому* изъ прибывшихъ 600 норманскихъ воиновъ

¹⁾ Лѣтописи приводятъ лишь сущность заповѣди Олега. О тонѣ заповѣдныхъ рѣчей при осадѣ городовъ даетъ нѣкоторое понятіе рѣчь посла угорскаго короля Бѣлы при осадѣ Галича въ 1229 г., быть можетъ въ пѣсенномъ пересказѣ, обличаемомъ *постороніемъ* одного и того же, свойственнымъ героическимъ пѣснямъ и выражающимся въ возвратныхъ стихахъ (Kehrgesihen), которое замѣчено мною уже подъ 882 г.: «*Похороми сомъ въ лодьяхъ,—похороми сомъ своя*».

²⁾ Форма «Карла» не допускаетъ принять, въ договорѣ 912 г., имя «Карлы» за нарицательное,—вопреки Арцыбышеву, Вилевскому, Эрбену. Въ Heimskringla-saga *Карль* явился посломъ Олафа въ Упландъ и Біармію съ вѣрительными грамотами (Ant. russca, I). Всѣ эти лица могли быть земскими *воводами*, какъ Вышата *Творимиричъ* (1043 г.). Въ XIII в. часто послами назначались *тыслѣки*, напр. Демьянъ при Даниилѣ Романовичѣ, избравшіеся народомъ, по крайней мѣрѣ въ Новгородѣ и, въ древнѣйшее время, въ другихъ русскихъ земляхъ (Ключевскій, Дитятинъ и мн. др.).

по унціи серебра, съ прибавкой каждому начальнику лодыи ¹⁾ полъ-унціи, а затѣмъ увеличили требованіе до унціи золота на каждою воина и до полу-гривны золота капитану (Эймундова сага).

По словамъ Конст. Порфир., называющаго русскія лодыи однопорубными, на 10 русскихъ корабляхъ, участвовавшихъ въ итальянскомъ походѣ 935 г., находилось 415 челов. (почти по 40), и хорватскія сагины, плававшія по морскимъ побережьямъ, вмѣщали въ себѣ по 40 человекъ (De adm. imp. гл. 31). Къ этому типу судовъ, сходныхъ съ *челнами* (Ипат. 578), подходятъ «комары», поднимавшія, по Страбону, 25–30 человекъ. Лѣудпрандъ свидѣтельствуетъ, что корабли руссовъ были малаго размѣра (Monum. Germ. Hist. III, 331). Такого же размѣра суда перевозили вспомогательные отряды руссовъ въ походѣ грековъ при Львѣ VI (De serget.)²⁾. Вторая приведенная глава договорной заповѣди—периодическая плата греками стипендіи («*stipendium, pensio*» въ акт. венец. и генуэзск.) или окладныхъ денежныхъ пошлинъ—«и потомъ даяти уклады»³⁾ (въ Тв. лѣтоп. выходы)—на русскіе города (гардарикъ или царство городовъ сканд. сагъ), въ коихъ имѣли резиденцію племенные князья, подвластные Олегу. Третья глава—о правѣ приходящихъ въ Византію русскихъ пословъ получать довольствіе, въ какомъ бы количествѣ ни захотѣли *прийти*: «да *приходячи* русь слобное емлють *елико хотячи*» (ср.

¹⁾ Въ Новгородской области капитаны морскихъ ватагъ назывались встарину *ватаманами* (Бѣлозерск. грам. и др.). Въ грамотѣ кн. Андрея Александровича 1294—1304 г. сказано: «Какъ естъ докончатъ съ Новымъ городомъ ходити тремъ ватагамъ мовимъ на моръ, а *ватаманъ*—Ондрей Критцкый» (А. А. Эк. I. № 1). Въ посланіи митрополита Іоны вятчанамъ, около 1452 г., на первомъ плывѣ ватаманы: «въ всѣхъ *ватаманамъ*...» (А. Пет. I. № 261). Терминъ ватаманъ заимствованъ, несомнѣнно, у норманновъ—*waterman*, какъ и слово гридь—*grithman*: «De potestate data regi Seociae capiendi homines vocatos *grithmen*» (Rumeri Act. Britan. т. II. подъ 1342 г). Ср. форму *grid, gridmadr*. Съ XV в. ватаманъ отождествляется съ тивуномъ: «*Villicus alius eucan seu vatman*». Онъ стоялъ во главѣ общины или громады (см. актъ 1456 г., привед. И. Параневичемъ: Рус. вѣстн. стосунк. Галие. Wschodn., 31, стр. 13).

²⁾ Русская Правда полагаетъ за кражу *заморской лодыи* три гривны продажи (Кар. сп. ст. 41). Заморскія лодыи, именуемыя *бусами* у многихъ славянскихъ народовъ, были приспособлены, по необходимости, для плаванія и по большимъ рѣкамъ: «Мстиславъ двухъ полоцкихъ княжичей «усажа у три лодыи (вѣроятно, на Зап. Двинѣ) и поточи Царюгороду» (Ипат. 218). Лодыи, на которыхъ прибыли къ Олегу деревянные послы, числомъ 20, по величинѣ, должны были равняться заморскимъ. Въ походѣ на припашійскія страны руссы употребляли корабли, вмѣщавшіе до 100 человекъ (арабск. писат.). Новгородцы плавали на большихъ и малыхъ *учанахъ*; первые поднимали около 50 человекъ. Для военныхъ цѣлей у нихъ приспособлялись иногда рыбацкія суда—*лодыи*, назыв. на югѣ *кубарами* (Ип. 341). По Волгѣ ходили «лодыи, учаны и струги» (Воскр. т. VIII, 14).

³⁾ Ср. напр.: «на Бога уклады» въ поуч. Влад. Мономаха.

догов. 945 г.: «да посылають ... корабли елико хотять... возмутъ съзи слабное»), и русскихъ гостей на полугодовое ежемѣсячное содержаніе разными жизненными припасами... Демаркаціонная черта между укладами, коимъ соотвѣтствуетъ въ правѣ Рипуарскомъ «*compositio fisco, ut rex perpetua stabilisque permaneant, quam fredum vocant*», и мѣсячнымъ, встрѣчающимся нерѣдко въ русскихъ и сербскихъ памятникахъ, какъ разновидности дани, отгвняется поясненіемъ, что уклады, какъ и въ латинскихъ грамотахъ, были постоянными, *юдовыми*¹⁾, а мѣсячное²⁾ давалось временно, на *полуодіе—шести мѣслцевъ*, причѣмъ соблюдалось старшинство между русскими городами, получившими привилегію на уклады: «первое на Кіевъ, таже на Черниговъ, Переяславъ, Полоцкъ, Ростовъ, Любечъ³⁾ и прочія грады» (ср. догов. 945), и повѣствованіемъ объ обратномъ, послѣ водруженія Олегомъ щита (въ нѣкот. сп. «щитовъ») на цареградскихъ воротахъ, триумфальномъ плаваніи его флотиліи на вышитыхъ («исшитыхъ») греками парусахъ, съ полученными дарами—золотомъ, паволоками и всякимъ узорочьемъ. Въ четвертую главу вошло право русскихъ пользоваться прѣсной, колодезной водой для омовенья: «да творять имъ мовь (въ лѣт. Пер.-Сузд. добавл. «въ банѣ»), елико хотять».. На привычку словенъ «творить мовенье собѣ» въ банѣ начальная лѣтопись обращаетъ особое вниманіе; разсказу о ней апостола Андрея въ Римѣ очень дивились. Въ запискѣ израильятина X в. Ибрагима ибнъ-Якуба банной избѣ посвящено нѣсколько любопытныхъ строкъ (Изв. Ал.-Бекря, 57). О посѣщеніи князьями бани неоднократно свидѣлствуютъ лѣтописи, напр.: въ 1205 г. угорскій король Андрей схватилъ князя Романа «въ бани мыющесе» (Ипат.). Слѣдуя закоренѣлому обычаю, и Ольга «велѣ деревлянамъ мовь сътворити» (Новг. I и др.). Въ гл. 89 соч. Констан. Порфир. «De ceremoniis» сказано, что для персидскаго посла и его спутниковъ въ Царь-

¹⁾ Ср.: «uklad» въ польскихъ статутахъ,—положеніе, гл. уложить, отложить. Въ Похвалѣ Владимиру мон. Іакова: «дань *положи*»; и т. под. Годовые уклады платили византийцы и др. народы, напр. по миру съ арабами. Правительница Ирина, около 782 г., обязалась посылать въ Багдадъ ежегодно 70.000 золотыхъ.

²⁾ Ср. «окупъ кунами *за мѣслце*» (Лавр. 77).

³⁾ Главный городъ участвовавшихъ въ походѣ 907 г. сѣверянъ, на Днѣпрѣ, вошедшій въ предѣлы Чернигов. княжества. Родна св. Антонія и резиденція Малка, дѣда Владимира св., по матери. (Ольгиной ключницы Малуши-Малериды (+1000 г.). Это женское имя замѣтливо у готовъ. Въ концѣ V в. Феодорихъ выдалъ за вандалскаго цари сестру свою *Амальфриду*. Въ догов. 907 г. русскіе города дѣлятся на два разряда: 1) Кіевъ, резиденція самого Олега, Черниговъ, Переяславъ, Любечъ, Полоцкъ, Ростовъ. и 2) прочіе грады, въ коихъ сидѣли князья, подчиненные Олегу. Можно полагать, что эти остальные города—деревлянъ, хорватовъ, дулѣбовъ, радимичей и вятичей, привлеченныхъ къ походу 907 г., гдѣ сидѣли частью туземные *славянскіе* князья (напр. Володиславъ), частью родственники Рюрика.

градѣ надлежало приготовить баню въ его домѣ или близости. Одинаковое съ русскими дозволеніе пользоваться прѣсною водою для мытья («lavacium») получили нѣкогда кутургуры, а позднѣе венеціане и генуэзцы по мирнымъ договорамъ съ греками. Хрисовулъ императора Еммануила 1148 г. разрѣшалъ венеціанамъ пользоваться водяными колодцами, которые находились въ участкѣ, имъ отведенномъ около «Vigla», въ окрестностяхъ монастырей св. Николая, Паракимоена и св. Марка (Font. rer. Austr. XII, 1, № 50 и др.). Генуэзцы также занимали, до уступки имъ Галаты¹⁾ Михайломъ Палеологомъ, опредѣленный договорный районъ. По обновленному договору съ Исаакомъ Ангеломъ 1192 г., генуэзцамъ разрѣшалось набирать воду изъ цистернъ, для домашняго употребленія, съ запрещеніемъ засаривать и загрязнять ихъ купаньемъ скота (Atti d. soc. Ligure, v. 28, стр. 426, 429).

Итакъ, мы не имѣемъ никакого ручательства въ томъ, чтобы занесенные въ лѣтопись пункты договорнаго совѣщанія и соглашенія 907 г по объему и порядку изложенія вполнѣ совпадали съ окончательной формой договора. Нѣкоторыя необходимыя принадлежности текста распространенной его редакціи не попали въ лѣтопись. Заповѣдь Олегава, письменная, предъявлена была посламъ греческимъ чрезъ пословъ русскихъ по наказной памяти, содержавшей притязанія Олега²⁾. Греческіе послы, послѣ препирательства съ русскими, приняли предложенныя условія — «яшася греци», противопоставивъ Олеговымъ требованіямъ письменво же изложенныя ограниченія въ правѣ русскихъ вѣзвать мѣсячное, если придуть не съ торговою цѣлью, въ свободѣ дѣйствія прибывающихъ руссовъ запрещеніемъ, исходящимъ отъ великаго князя («да запретитъ князь словомъ своимъ») творить какія либо пакости въ греческихъ селеніяхъ, и самое полученіе мѣсячнаго обусловили обитаніемъ русскихъ — «да витають»³⁾ — до глубокой осени на предмѣстьи у монастыря св. Мамы и предварительною переписью ихъ именъ органами греческаго правительства, съ соблюденіемъ того старшинства пословъ и гостей («первое отъ г. Кіева и паки изъ Чернигова и изъ Переяслава и прочихъ градовъ»), какое опредѣлено Олегомъ для укладовъ на города (Полоцкъ, Ростовъ, Любечъ не упомянуты) и предусмотрѣнныхъ греками предосторожностей посѣщенія

¹⁾ Здѣсь въ XIV в. погребены архимандритъ Митяй и митрополитъ Пименъ (Воскрес. лѣтоп. VIII, 31, 60).

²⁾ Подобною заповѣдью руководились русскіе послы въ 945 г.: «и отъ тѣхъ *заповѣдако* обновили ветхый миръ... (въ догов. 912 г. — «по повелѣнію»).

³⁾ «Витать» иногда значить привѣтствовать пожеланіемъ здоровья, напр. въ актѣ 1556 г. «привитавши» (Сб. кн. Оболенскаго — Дневн. Литовск. пословъ). Выраженіе: «да запретитъ князь словомъ своимъ» повторено въ догов. 945 и объяснено мною ниже.

русскими Царьграда: а) чрезъ одни ворота, б) партіями не болѣе 50 человекъ, в) безъ оружія ¹⁾ и г) въ сопровожденіи царева мужа ²⁾. Коль скоро миръ былъ заключенъ, цари Левъ и Александръ обвинялись съ Олегомъ клятвой и обѣтными грамотами, то отсутствіе въ лѣтописи особливо замѣчанія о согласіи русскихъ на предложенные греками ограничительные пункты само по себѣ не исключаетъ ихъ принятія, косвенно засвидѣтельствованнаго договоромъ 945 г. Точно также греки не отклонили ни одного изъ главныхъ пунктовъ Олеговой заповѣди, хотя договорный текстъ не содержитъ въ себѣ повторенія условій объ укладахъ. Недостатокъ полноты лѣтописнаго изложенія мирныхъ переговоровъ 907 г. ощущается въ значительной степени, но онъ не допускаетъ, вопреки ошибочному мнѣнію С. Соловьева и др., домысловъ о беспорядочныхъ «вставкахъ и сшивкахъ» (Ист. Рос. I, глава 5, примѣч.). Нельзя вѣдь допустить, чтобы по полученіи первой заповѣди Олега греки безпрекословно предоставили русскимъ, помимо его требованія, столь важную льготу, какъ, въ особой статьѣ, беспошлинный провозъ въ Грецію и куплю-продажу товаровъ: «да творять куплю яко же имъ надобе, не платячи мыта (въ Тверск. «вины», т. е. повинности) ни въ чемъ же» (ср. догов. Игоря). Такъ и по Смоленской торговой Правдѣ 1229 г., гости латинскіе и русскіе освобождены отъ платежа *мыта*, которое взималось греками по договорамъ съ нѣкоторыми народами, напр. съ персами («decimatum solutio») ³⁾. Подводя итогъ мирнымъ переговорамъ 907 г., завершившимся утвержденіемъ заключеннаго мира обоюдной клятвой царей греческихъ, Льва и Александра, съ цѣлованіемъ креста, а Олега и мужей его языческой ротой, и взаимнымъ обвиненіемъ обѣтныхъ грамотъ, лѣтописецъ съ особеннымъ удареніемъ разглагольствуетъ о дани—блестящемъ трофеѣ, добытомъ русскими и возвышавшемъ Русь въ глазахъ могущественныхъ ея сосѣдей. И чрезъ три столѣтія послѣ того платежъ дани имѣлъ чрезвычайно внушительное значеніе: «да увѣсть вся земля Лядская яко дань платили суть ятвязи королеви» Да-

¹⁾ Ср. договоры Рима съ Каролингомъ. Въ догов. Стефана Уроша съ Рагузыянами 1349 г. имъ предоставляется свобода торговли тѣмъ *оружіемъ да не мось*. (F. Miklosich. Monum. Serb. № 127),

²⁾ Еще ранѣе, по приказу греческаго императора, франки толпою не смѣли посѣщать городъ, но по 5 или 6 человекъ—«vel quinque vel sex...». Нѣкоторые ученые упоминаютъ о сохранившейся на старой стѣнѣ, южнѣе воротъ Ени-Мельеганс-Капу, надписи царей Льва и Александра о правѣ русскихъ входить и выходить изъ города чрезъ эти ворота, надъ которыми Олегъ водрузилъ свой щитъ (A. Dethier: Der Bosphor und Constantinopel, 1873 г., стр. 23).

³⁾ Подробныя постановленія о мытѣ изложены, м. проч., въ тамож. грамотѣ молдавск. господаря Александра для львовскихъ и подольскихъ купцовъ 1407 г. (Я. Головинскій: Памяти., № 28).

ншлу» (Ипат. 533). Мирные переговоры русскихъ съ греками должны были длиться нѣсколько мѣсяцевъ; слѣдовательно Олегъ имѣлъ возможность собрать и приготовить въ Кіевѣ необходимые матеріалы для договора. По смыслу лѣтописнаго разсказа, послы русскіе, получившіе отъ Олега порученіе вести съ греками переговоры въ Царьградѣ, находились въ рядахъ Олеговыхъ дружинъ при осадѣ, ибо уже по утверженіи мира и ознаменованіи побѣды «отойде отъ Царьграда».

Договоръ 907 г. впервые выдѣляетъ крупнѣйшіе городскіе центры Русскаго государства въ лѣтницѣ старшинства по полученію укладовъ, съ возвышеніемъ стольнаго Кіева надъ остальными, какъ повторено и въ договорѣ 945 г. Въ немного измѣненномъ іерархическомъ порядкѣ застаемъ мы южно-русскихъ пословъ въ Константинополѣ, когда царь Мануилъ въ 1164 г. разрѣшалъ спорные еретическіе вопросы:—«сущимъ ту у царя всѣмъ словъ — Киевскій соль... Переяславскій и Черниговскій» (Лавр. 334). Не касаясь исторіи городовъ вообще, остановлюсь на Переяславъ-русскомъ, слѣды котораго указываетъ одна изъ грамотъ XVI вѣка въ *Переяславскомъ городищѣ*, вмѣстѣ съ Краснымъ на Трубежѣ и Бѣлогородищемъ на Днѣпрѣ (Сб. Русск. Ист. Общ. т. 71, № 12). По лѣтописи, *Переяславль*, древнѣйшая метрополія русская (см. подъ 1089 г.), созданъ Владиміромъ св. въ память побѣды надъ печенѣгами, какъ это читается и въ похвальномъ Словѣ монаха Іакова: «Переяславль заложилъ». Изъ договоровъ X в. и выраженія кievской лѣтописи подъ 992 г. «вдѣ нынѣ Переяславль на Трубежѣ» заключаютъ, что *древнѣйшій Переяславль* стоялъ поблизости заложенаго Владиміромъ и вѣкогда уничтоженъ пожаромъ. По моему мнѣнію, *Переяславль* заложень Владиміромъ на мѣстѣ *старо Переяслава*, ранѣ существовавшаго, у впаденія р. Лтицы въ Трубежъ (Ипат. 266), вѣроятно, въ большемъ сравнительно со старымъ размѣрѣ. Поясненіе лѣтописца: «и нарече и (его) Переяславль (въ Никон. «Переяславъ»), зане *Переяславу* отрокъ отъ»¹⁾ (а не «перей славу», какъ обыкновенно читаютъ)²⁾, имѣетъ слѣдующій смыслъ: Поборовшій въ рукопашномъ поединкѣ³⁾ гиганта печенѣжина русскій силачъ, средняго роста, *младшій*

¹⁾ Ср.: «осквернися холмъ *отъ*» (подъ 980 г.). «Въ *отъ* часть утѣшюся о Бозѣ» (дух. Мономаха). «Въ *отъ* же день» (Лавр. 305). «Въ *отъ* годъ прибѣже». «Въ *отъ* же часть» (Ипат. 435, 525). Мѣстоимѣнію «отъ» противоположно «ось». Напр. «градокъ *ось*» (Лавр. об. Аскольдъ и Диръ, также стр. 358 и др.).

²⁾ Погодинъ по этому поводу заговорилъ о *славолюбіи* князей (Изслѣдов. т. I, 45).

³⁾ Судьба международнаго спора, по обычаю, упоминаемому и въ скандинавскихъ сагахъ, иногда рѣшалась единоборствомъ, которое, какъ извѣстно, Цимисхій предлагалъ Святославу.

сынъ *старою* мужа, былъ не *отрокомъ*, вопреки предположенію, но лицомъ, достигшимъ возмужалаго возраста—*мужемъ*, ибо «печенѣзи почаша звати: нѣ ли мужа, се нашъ dospѣлъ... выступи мужа Володимеръ» (котораго «отъ дѣтства» никому не удавалось побороть... Володимеръ же *великимъ мужемъ* (вельможей) створи *тою* (мужа) и отца его». Отрокомъ названъ новый, залеженный Владиміромъ городъ Переяславль по отношенію къ прежнему городу Переяславу, въ качествѣ его дѣтища или отродья, подобно тому, какъ Ниниѳоръ Фока градъ Антиоховъ Антихію назвалъ «*отроко-сницей*» матеря добродѣи градомъ (греческимъ) Царюграду» (Ник. т. IX, 129 п. 946 г.). Древнѣйшій городъ именовался *Переяславъ*, а воздвигнутый на его пепелищѣ—*Переяславль*» по отечеству (ср. въ догов. 945 г. форму «Святославль»), по непосредственному происхожденію или преемству послѣдняго отъ перваго. И дѣйствительно, лѣтописецъ Переяславля-Суздальскаго XIII в., подъ 907 г., и Ипатскій списокъ удержали первобытную форму «Переяславъ», буква же л въ Ипатск. списокѣ, подъ тѣмъ же годомъ, приписана другимъ почеркомъ между строкъ (прим. Арх. Ком. изд. 1871 г.). Новый городъ, обращенный въ исходѣ XI в. изъ деревяннаго въ каменный при Всеволодѣ Ярославичѣ, почти вездѣ называется позднѣе уже Переяславлемъ, за исключеніемъ Новгородской и Тверской лѣтописей. Въ 1089 г. «Всеволодъ Ярославичъ заложилъ градъ *Переяславъ* камень, а преже былъ древянь, а стоялъ 97 лѣтъ». Онъ пострадалъ во время усобицъ около 1151 г. и при нашествіи Батыя въ 1239 г., когда татары сокрушили и церковь св. Михаила. Такъ устраняется мною легкомысленный упрекъ, сдѣланный нѣкоторыми, напр. Д. Иловайскимъ (Разыск. о нач. Руси, изд. 2, стр. 49 прим.) и Лясковскимъ (Ист. Переясл. земли, 155—156) глубокомысленному и, конечно, болѣе ихъ свѣдущему въ дѣлѣ лѣтописцу, необратившему будто бы вниманія, при описаніи происхожденія Переяславля, что онъ уже упомянутъ въ договорахъ.

Миръ 912 г. оборудованъ, по верховному порученію Олега, съ участіемъ всѣхъ русскихъ пословъ—устроителей мира 907 г.; «Посла мужи свои Олегъ построи мира и положи рядъ межъ русью и греки». На заключеніе этого мира, о поводахъ коего умалчиваетъ лѣтопись, вліяли вѣдншія событія, особенно побѣды Симеона во Фракіи, Македоніи и подъ Царьградомъ. По крайней мѣрѣ въ 23 письмѣ патріарха Николая Мистика упоминается о подготовкѣ страшной коалиціи противъ болгаръ, изъ *русскихъ*, печенѣговъ, алланъ и угровъ, по договору о военной помощи¹⁾; а такое именно условіе и помѣщено въ договорѣ 912 г. Исполнивъ миссію, русскіе послы вернулись въ Кіевъ и рассказали Олегу о своихъ перего-

¹⁾ Migne: Patrologia Graeca. Письма Николая Мистика рассмотрѣны Ф. Успенскимъ: Визант. влад. на сѣв. берегу Черн. моря въ IX и X в.

ворахъ съ греческими царями, на какихъ условіяхъ заключили миръ и т. д. Русскихъ пословъ было 15, почти соразмѣрно числу подвластныхъ тогда Олегу и союзныхъ съ нимъ племенъ. Въ эту массу входили частью прикарпатскіе бѣлохорваты, дулѣбы волынскіе и еще въ 885 г. съ нимъ, враждовавшіе тиверцы. Такое совпаденіе считаю случайнымъ, основываясь на составѣ и характерѣ посольства 945 г. Самп же послы въ договорномъ актѣ 912 г. выдаютъ себя за уполномоченныхъ Олега, свѣтлыхъ князей, великихъ бояръ, пожелавшихъ заключенія мирнаго договора, и всего русскаго народа ¹⁾. Областные князья, «державшіе княженъе» у отдѣльныхъ племенъ еще до Рюрика (нач. лѣтоп.), во многихъ спискахъ, за исключеніемъ составленныхъ на основѣ Ипатскаго, названы *великими*. При обработкѣ своднаго текста договоровъ чтенію Ипатскаго «похотѣнъемъ нашихъ князь» издатель Лаврентьевской лѣтописи предпочли чтеніе «нашихъ *великихъ князь*», сходное напр. съ Радзивиц. спискомъ и оправдывающееся тѣмъ, что областные князья, сидѣвшіе въ качествѣ мѣстныхъ правителей и великокняжескихъ органовъ, въ главныхъ городахъ, занимавшіе *малые столы* (Давидъ Заточникъ) и называвшіеся иногда въ грамотахъ *служебными*, могли, какъ и впоследствии даже по договорнымъ текстамъ, пользоваться домашнимъ титуломъ великихъ князей. Великіе бояре—великіе мужи или вельможи (въ грамотѣ Святославовой просто *бояре*), выставляются въ лѣтописномъ разсказѣ о Рюрикѣ мужами *варяжскими* происхожденія назначенными имъ на постъ городскихъ посадниковъ. Элементъ народный, выдвинутый во вступительной части договора 912 г., («по повелѣнію отъ *всплх* иже суть подъ рукою его сущихъ русп»), проглядываетъ и въ требованіи русскими отъ грековъ сохраненія взаимной любви «ко князѣмъ свѣтлымъ рускимъ и ко *всплм*, иже суть подъ рукою свѣтлаго князя» ²⁾. Подобное выраженіе находится, напр. въ присяжной грамотѣ смоленскаго князя Ивана Александровича, составленной «по дѣда своею докончашю и по старымъ грамотамъ... по тому докончашю, какъ... Кедименъ докончалъ съ мѣстеремъ съ Ризьскимъ и съ пискупомъ... и со *всплми рижаны што подъ его рукою*» (Собр. Гос. Гр. и Дог. т. II, № 8). Представители русскіе общаются грекамъ, отъ имени своихъ вѣрителей, не допуская, насколько зависитъ отъ ихъ воли («елика наше изволеніе»),

¹⁾ Интересы всего населенія защищаются областными представителями такъ же, какъ, напр., въ XIV в. въ Галицко-Владимірской Руси. Грамота Юрія II отъ 1335 г., которою подтверждается мирный договоръ съ нѣмецкимъ орденомъ, исходила отъ князя, бояръ и вообще высшихъ чиновъ *земель*, принадлежавшихъ къ Галицко-Владимірскому княжеству. однако, Юрій II объявляетъ, что миръ утверждается имъ съ согласія и *всѣхъ людей* этихъ земель.

²⁾ Ср.: «Андрей Юрьевичъ добродѣтель имѣюще ко всемъ *сущимъ подъ нимъ*» (Ипат. 337).

со стороны подвластных Олегу князей никакого «соблазна» (обмана) или вины, т. е. виновности или повода къ нарушенію договора¹⁾.

Проектъ договорныхъ главъ въ 912 г. былъ обсужденъ и сочиненъ, безъ сомнѣнія, въ Кіевѣ, на съѣздѣ русскихъ князей при участіи областныхъ народныхъ представителей собственно отъ бо. ьшихъ городовъ, въ видѣ наказной памяти посламъ, какъ п. передъ заключеніемъ мира 907 г. Окончательная редакція договорныхъ статей была выработана въ Царьградѣ совокупными стараніями греческихъ и русскихъ уполномоченныхъ послѣ неизбежныхъ, весьма продолжительныхъ пререканій. Предисловіе и послѣсловіе договора были изложены примѣнительно къ обычнымъ у грековъ дипломатическимъ формуламъ, а потому носятъ на себѣ нѣкоторые слѣды буквального заимствованія. Если предисловіе и послѣсловіе приспособлены къ стилистическимъ приѣмамъ, практиковавшимся у грековъ, искушенныхъ въ гориллѣ международныхъ столкновеній и дипломатическомъ витійствѣ, то въ меньшей мѣрѣ должна была сказаться греческая сноровка въ начертаніи договорныхъ главъ, требовавшемъ большого запаса опыта и знаній въ правовой сферѣ, большой ловкости въ гармоническомъ сочетаніи взаимныхъ національныхъ интересовъ на почвѣ греческихъ и русскихъ обычаевъ и законовъ п. обстановки договорнаго церемоніала, безъ нарушенія въ чемъ либо должнаго уваженія къ противоположному религіозному культу. Коль скоро въ актѣ 912 г. вездѣ, за малыми изытціями, побѣдители русскіе изображаются ораторствующими, по выраженію Тобиена, — «*Russen Sieger sind als redend im Tractate ausgeführt*» (стр. 15), то это доказываетъ не перевѣсъ русскихъ интересовъ надъ греческими, а лишь то, что договорная грамота, занесенная въ лѣтопись по содержанію текста статейнаго списка, послѣ обсужденія послами обѣихъ державъ, подвергнута внѣшней переработкѣ русскими послами, снабжена переводомъ, переписана на хартію для сообщенія грекамъ и подписана въ сентябрѣ. Дата мирнаго акта, независимо отъ его содержанія, обличаетъ константинопольскую редакцію договора. Послы русскіе возвратились домой въ сопровожденіи греческихъ: «царь же Леонъ пристави къ нимъ мужи свои... и тако отпусти я въ свою землю съ честию великою». Описаніе возвращенія русскихъ пословъ къ Олегу и бесѣды его съ ними сходно съ описаніемъ возвращенія посольства русскаго къ Игорю. Вѣроятно ратификація Олегомъ мира осенью 912 г., незадолго до смерти его, на пятое лѣто по возвращеніи изъ похода на гре-

¹⁾ Ср.: Романъ послѣ враждебныхъ дѣйствій противъ тестя своего Рюрика («не хотя съ нимъ любви») и понесенныхъ неудачъ «посоль свой посла Рюрикови, покладывая на собѣ всю вину свою» (Ипат. 461 и 462), и примѣры въ Словарѣ др. русск. яз. И. Срезневскаго. Вина иногда значитъ — причина.

конь, съ клятвой в князя и мужей его надъ оружіемъ, совершилась соответственно церемоніалу 907 и 945 г. Какъ подвиги болгарскіе рясчитали Олегу походную тропу къ Царьграду, такъ, въ свою очередь, Олегъ растеребилъ для Симеона широкій путь подъ цареградскія стѣвы, геройски проложенный Крумомъ.

Миру 945 г. предшествовали два похода Игоря въ Византію. Злополучный походъ 941 г. рассказанъ обстоятельно въ лѣтописяхъ: Воскресенской (т. VII, 278), сообщающей, подъ 921 г., важный фактъ о снаряженіи Игоремъ еще тогда многочисленнаго флота, достигшаго въ 941 г., по Лидпренду, «mille et eo amplius navibus»,—въ Софійской, Тверской и нѣкоторыхъ другихъ, преимущественно по греческимъ хронографамъ, въдесятеро увеличивающимъ число русскихъ кораблей¹⁾. Онъ сопровождался трехтысячнымъ опустошеніемъ окрестностей Царьграда—съ іюня по сентябрь. «По трехъ лѣтѣхъ смиришася» (кіевск. лѣтоп. по восьмъ сп.). Пѣвныя русскіе съ воеводой Вышатою отпущены на свободу по договору 945 г. Инициатива переговоровъ для устроенія или обновленія прежняго («первого»), ветхаго мира принадлежала греческому правительству, заинтересованному въ примиреніи съ Русью, между прочимъ, потому, что Грецію въ то время продолжали тѣснить угры. Приступлено къ мирнымъ переговорамъ весною въ 944 г., когда Игорь приблизился къ Дунаю и греки предложили ему дань «юже ималъ Олегъ», но въ увеличенномъ размѣрѣ. Этотъ походъ хорошо извѣстенъ былъ арабскимъ писателямъ. Аль-Масуди замѣчаетъ, что первый или главный изъ славянскихъ царей, коему подвластны многіе народы и страны, Дира (Игорь) ведетъ съ русскимъ царемъ нерѣшительныя войны, а по словамъ Аль-Истархи (943—950 г.) и Аль-Бахли, «руссы столь могущественны и многочисленны, что *наложили дань* на пограничныя области Рума» (Гаркави, Сказ. мусульм. писат. 137, 193, 277). Переговоры продолжались въ Кіевѣ, при личномъ руководствѣ Игоря. Соглашеніе, по выработанному русскими и греками статейному списку, послѣдовало уже въ Царьградѣ, куда, по порученію Игоря, съѣхались для докончанія мирнаго договора русскіе уполномоченные. Мирная грамота въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ датирована 20 апрѣля 945 г. (6453 индикт. 4, въ 3-ю седмицу по пасхѣ) тогда какъ въ большинствѣ дата отсутствуетъ или выставленъ только годъ, и самымъ текстомъ своимъ доказываетъ окончательное изготавленіе договора въ Греціи: «Да запретить князь... *приходящимъ руси здѣ* да не творять безчинья. . *И отходящи руси отсюду*... *взимають отъ насъ*... «Елико хрестеянъ отъ власти нашея пѣвнена приведутъ русь *ту*» (сюда, въ Грецію), а представители русскаго *кунечества*

¹⁾ Разборъ греческихъ извѣстій—у Шлецера, Виллена и ин. др. авторовъ.

названы *юстями*. Въ договорной грамотѣ посланные Игоремъ его мужи— «посла Игорьъ мужъ своя»—изображаются представителями верховнаго князя—архонта¹⁾, какъ его титуловали греческіе императоры въ своихъ хрисовулахъ, старѣйшинъ или старцевъ («*majores natu*» по Маврикію), князей-бояръ и всѣхъ людей Русской земли, т. е. областей и народностей, сплотившихся съ русскимъ государствомъ, въ которомъ первенствующая роль, по лѣтописному извѣстію 944 г., принадлежала тогда полянамъ, словенамъ, кривичамъ и тиверцамъ, совокупно участвовавшимъ, подъ именемъ руси, въ походѣ на грековъ. Такое наименованіе примѣнили къ нимъ и корсуяне въ письмѣ къ царю Роману: «Се идутъ *русь*, бещисла корабль, покрыли суть море корабли, и наали суть къ себѣ печенѣги». Послы наши въ грамотѣ говорятъ: «Великій князь Игорьъ и бояре его и людье *еси рустіи* послаша ны». Уполномочіе представителямъ, по ихъ же признанію, исходитъ отъ всего русскаго народа, примыкавшаго къ городскимъ округамъ (Кіевъ, Черниговъ, Переяславъ и проч.): «Мы *отъ рода рускаго* слы и гостье» (то же въ договорѣ 912 г.). Клялись они за всѣхъ князей-бояръ и людей «отъ *страны Русскія*», въ 912 г.— «по закону *своею языка*, не преступати ни самимъ, ни иному отъ *страны своей*. Представительство пословъ и гостей *русскихъ* (ср. подъ 912 г.), имѣя двѣ точки отправленія— главы государства (Иворъ солъ Игоревъ) и обширный кругъ подданныхъ великаго князя, носитъ союзный, сосѣдній, мѣстный или смѣшанный характеръ, по единству территоріи и національныхъ интересовъ Русской земли, по цѣли водворенія мира, притомъ побочный по отношенію къ верховной власти и неодинаковый по происхожденію:—«*объчии слы*»²⁾. Дипломаты уже не различали, какъ въ 912 г., подручныхъ Игорю князей отъ бояръ, отряжавшихъ, купно съ великимъ княземъ, пословъ и торговцевъ; «А великій князь русскій и бояре его да посылають... корабли... Иже посылаеми бывають *отъ нихъ слы и гостье*. Отождествленіе бояръ съ князьями всего яснѣе въ слѣдующихъ выраженіяхъ Игоревой договорной грамоты: «И великій князь вашъ Игорьъ и

¹⁾ Архонтами называли греки и областныхъ правителей въ Руси, которыхъ при Ольгѣ было 22, ибо столько ихъ явилось съ нею въ Византію (Const. Porph: De ceremon.).

²⁾ Ср.: «*обчій судъ*», въ древнихъ грамотахъ, неправильно принимаемый нѣкоторыми, напр., И. Дитятиннымъ (Ист. мѣстн. управл.) за *общественный*. Въ юридич. памятн: «платити *вобчи*» (Русск. Правда), «ссылка съ суда на *обчю правду*—на 10 или 20 человекъ». Въ лѣтоп. замѣчательно выраженіе: «А Суздаль буди намъ *обечь*, кого восхотятъ, то имъ буди князь» (Ипат. 411—415). Въ 5 § Статута короля Владислава 1433 г. установлено, чтобы замки не давались въ державу никакому князичу и происходящему изъ княжескаго рода «*albo obseti*» чужеземцу никакому... (Jus Polon. Bandke. 224, 234; ср. A. Grod. III. 131 XII, 276. Въ червонорусск. и южнорусск. актахъ «*obczu*» (A. grod. III, 131, XII, 27) и *обчимъ* люди—сосѣди околичныя—въ актахъ копныхъ судовъ).

болгаре его и люде вси русїи послаша ны... хранити отъ Игоря и отъ всѣхъ болгаръ и отъ всѣхъ людей... Аще ли же кто отъ князь, или отъ людей русскихъ... преступитъ се... Послы набирались, для заключенія мира, «отъ всякаго князья и отъ всѣхъ людей». Название князей княземъ - не рѣдкость, особенно на словенорусскомъ сѣверѣ¹⁾. Къ нимъ могли принадлежать и присутствовавшіе на магдебургскихъ турпиряхъ Генриха Птицелова, въ 937 г., вмѣстѣ съ княземъ Ругіи Венцеславомъ, князья Руси Велимиръ и Радбота (о нихъ см. Погодина, Максимовича, Васильевскаго и др.). Пересмотръ прежнихъ мирныхъ договоровъ при участіи лучшихъ провинціальныхъ людей въ самой Руси, сопряженный съ нимъ дипломатическія сношенія (или «ссылки» позднѣйшихъ договоровъ) съ греческимъ дворомъ, съ соблюденіемъ рутиннаго церемоніала, и ратификація должны были поглощать очень много времени. Избраніе населеніемъ пословъ русскихъ земскихъ, совершавшееся въ большихъ городахъ, зависѣло отъ вольныхъ совѣщательныхъ собраній людскихъ на вѣчъ («изволиша вѣчъ» въ Лавр. п. 1262 г.) или коментъ (хубутовъ у Льва Діакона и Кедрина), о существованіи которыхъ у славянъ свидѣтельствуется Прокопій (VI в.) и наша лѣтопись. «Послаша деревляне лучшїе мужи... къ Ользѣ. Рѣша деревляне: «посла ны Дервьска земля»... (945 г.). У сѣверныхъ славянъ издревле рѣшались на «конахъ» или «континяхъ», между прочимъ, вопросы о войнѣ и мирѣ «*in animi consilio*», какъ у лютичей (Thietm, Chron. VI), — «*ex consilio communi, ex communi decreto*» (Eppo, Herbut). У насъ же вѣчевыя постановленія центральныхъ городовъ, какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ, «изначала» считались обязательными для пригородовъ (лѣтоп. подъ 1176 г.). Такъ, посланіе Болеслава III польскаго поморянамъ, около 1124 г., съ предложеніемъ принять христіанство, было прочтено предъ народнымъ собраніемъ, въ *континь* — «*quia ibi consiliabula et conventus suos haberi soliti erant*» (Herbut, II, 32). Въ Русской Правдѣ «коны» считаются, повидимому, также средоточіями народныхъ сходокъ, сборными пунктами сотенъ (*стая ю. з. Руси, южнославянскій станокъ*). Разсмотрѣніе внутреннихъ, домашнихъ пружинъ, двигавшихъ посольство русское отъ Кіевского, Черниговскаго, Переяславскаго и др. округовъ къ заключенію съ греками мирнаго союза, въ 945 г., также показываетъ, что онъ освященъ *народной волей*. При обыкновенныхъ же торговыхъ сношеніяхъ, установленныхъ договорнымъ соглашеніемъ, предупредительныя *трамоты* каждый разъ исходили отъ великаго князя, прикрывавшаго со-

¹⁾ «Послаша по ны митрополитъ и вся князья руская. Позвана полотскою князью и полоцкыи» (Новг. I, 1920). «Святославъ возвратился Кыеву со всею князью» (Лав. 379). «Тысячныи же съ бояры... воротышася оныи на подчяще и не обрѣгоша князью своєю» (Ипат. 214).

бою и княжье... «пишуче сяде, яко *послазъ* корабль селиво»... Кроме Искрусевы, посла Ольги, помѣщены въ договорѣ Ковицарь—посолъ Предславинъ и Сѣандръ—посолъ жены Улѣба. Изъ этого основательно выводятся широкія права женщинъ въ областномъ управленіи при Игорѣ, что подтверждается нерѣдкими случаями княженія женщинъ въ Руси самостоятельно, или въ качествѣ опекуншъ, или по причинѣ продолжительныхъ отлучекъ мужей ихъ изъ стольвыхъ городовъ. Въ пользу княгини, по договорамъ, взиmались постоянно нѣкоторыя повинности или «поклоны». Напримѣръ, посѣщавшимъ Смоленскъ нѣмецкимъ гостямъ вѣнялось въ обязанность подносить *княинь* «поставъ частины» (ст. 35 Смоленск. дог. 1229 г.). При поименномъ перечнѣ пословъ и гостей въ договорѣ Игоря, предъ именемъ Адуна¹⁾ поставлено слово «купецъ», а въ конъектурахъ— предъ именемъ Емига слово «купцы», (въ иныхъ спискахъ ошибочно «Куди»), дающія уважительный поводъ послѣдующіе 26 именъ относить, по крайней мѣрѣ частью, къ представителямъ лицъ торговаго состоянія, называвшихся: пребывавшія въ своемъ отечествѣ, въ своей землѣ, купчинами или купцами-торговцами, а въ чужихъ земляхъ—гостями²⁾, какъ и у южныхъ славянъ—торговцами и гостями. Юридическіе памятники различаютъ «куплю и гостьбу», «купецкое дѣло и гостебное» (ст. 45 Русск. Пр. Кар. сп., ст. 93 Псков. Судн. Гр.). Въ Новгородѣ купцы, занимавшіеся торговлей съ чужестранцами, ходившіе въ Бирку, Регенсбургъ, Любекъ, Брементъ, Трусо и т. д., слыли за купцовъ «заморскихъ», велась ли торговля съ Греціей, съ Готландомъ, съ Швеціей, или съ Даніей, о чемъ есть въ лѣтописи извѣстія подъ 1130 и 1134 г., либо съ другими странами, Сухо-

¹⁾ У лонгобардовъ б. король Audin, ум. около 566 г. (Павелъ Діаконъ). Поляки называли русскихъ въ насмѣшку лонгобардами: «поженемъ на великия бороды».. (Ипат. 534).

²⁾ См. Уставъ Всеволода. (Русск. Достоп. I 81), Русскую Правду, а также ст. 102 Закон. Стефана Душана, и употребленіе слова гость въ болѣе широкомъ смыслѣ, напр., ляхи и угры считались *гостями* Изяслава (Ип. 279, 287). Князь Всеволодъ Мстиславичъ новгородскій, около 1130 г., предоставилъ пошлины покамъ св. Ивана Предтечи на Опокахъ «съ *купецъ* въ Русь», которые называются далѣе *гостями*. Въ Русской Правдѣ: «иногорода *гость* или чужеземець». Въ Новг. IV лѣтоп.: «и кто *купецъ гостей*».. (т. IV, стр. 30). Купецъ ходилъ *гостьбою* въ чужую землю (Давр. 474). Въ Новгородѣ Антоній «обрѣте чловека греческіа страны гостьбу дѣюща, купецкій чинъ имуща» (Жит. Ант. Рилл. XII в.). Новгородцы и смоляне заходили въ Суздальскую землю *гостьбою* (лѣтоп. опис. липецкой битвы). «Суздальскому гостю *гостити* въ Новгородъ безъ рубежа» (Собр. Гос. Гр. и Дог. I, № 15, ср. лѣтоп. изв. подъ 1225 г. и др.). Къ Андрею Боголюбскому *гость* приходилъ изъ Царягорода и отъ иныхъ странъ изъ Руской земли (Ипат. 401). Въ Новгородѣ прибыли псковскіе послы, въ томъ числѣ староста *купецкой* и староста *гостебной* и докончаша перемирье на 11 лѣтъ съ 1509 г. за всю Юрьевскую державу» (Обол. и Давров. т. II, № 70).

путная торговля въ Руси производилась по издавна проложеннымъ трактамъ—«гостинницамъ» (Русск. Пр. ст. 88, Кар. сп. и др.), на которыхъ стояли гостинные приюты—*юстинницы*¹⁾. Приходскіе торговые пункты—*поюсты* были вмѣстѣ съ тѣмъ центрами околной или окружной общественной жизни. Различіе купцовъ *пошлыхъ*, принадлежавшихъ къ купеческимъ сотнямъ (Догов. Казимира съ Новгород., духовн. Климента) отъ *не пошлыхъ* въ вышеприведенномъ Уставѣ Всеволода, причисляющемъ несостоятельныхъ купцовъ къ изгоямъ, *правыхъ* отъ *неправыхъ* въ Мстиславовой грамотѣ, или *добрыхъ* и *простыхъ* въ поученіи Владиміра Мономаха, уясняется позднѣйшими актами, которые различаютъ купцовъ малыхъ, среднихъ и большихъ (витшихъ, нарочитыхъ²⁾), богатыхъ, какимъ былъ купецъ родомъ торопчаняинъ, постригшійся въ Печерскомъ монастырѣ (лѣтоп. подъ 1074 г.³⁾. Первые вели малую торговлю (*parva mercantia*), «что *розницю* зовутъ» (Догов. Полоцка съ Рягой 1407 г.). Царскій Судебникъ XVI в., въ ст. 26, отдѣляетъ купцовъ *большихъ* (купчинъ) отъ *среднихъ*. Купечія дѣти, *купчики* (Арх. Сб. I, 162), иногда упоминаются наряду съ дѣтьми боярскими (Новг. I, 98—100)—болярцами (подъ 1015 г.) или сынами боярскими, которыхъ нѣкогда, въ Луцкѣ, Болеславъ польскій препослалъ мечемъ (Ипат. 270). Подъ 1177 г. лѣтописецъ къ болярамъ и гридьбѣ присовокупяетъ «*пасынковъ*». Зажиточные купцы не только ссужали князей деньгами, но и пускали ихъ деньги въ торговые обороты (Русск. Пр. Кар. сп., ст. 69), пользуясь разными привилегіями и образуя товарищества, члены которыхъ назывались «складниками». Купцы, принимавшіе всегда дѣятельное участіе въ снабженіи войскъ матеріальными средствами, были освобождены отъ дикой вѣры и подводной повинности, за исключеніемъ военныхъ надобностей, и пользовались особыми судебными гарантіями: «А дворяномъ твоимъ у купецъ повозовъ не имати развѣ ратной вѣсти... Купчины въ силу не судити въ волости» (Собр. Гос. Гр. и Дог. I, № 7, ср. № 10—11³⁾). Отнятіе этихъ льготъ считалось важнымъ нарушеніемъ. Въ договорахъ русскихъ съ нѣмцами неприкосновенность личности «купчины» огражда-

¹⁾ «И въ гостинницы... видутъ невозбранно» (Русск. Достоп. I, 88—103). Уставъ Владиміра о церковн. судахъ знаетъ *монастырскія* гостинницы, и т. д.

²⁾ См. о законаніи и освобожденіи *нарочитыхъ* (именитыхъ) гостей нѣмецкихъ и цареградскихъ (Ник. т. X, 164).

³⁾ Въ Новг. I, на стр. 30, приведено распоряженіе, поразившее современниковъ своею несправедливостью: «Повелѣша по новгородцкихъ куны брати, *но купцелъ сирѣ дикую и повозы совити*». Уставн. грамота короля Александра Смоленской землѣ 1505 г. упрекаетъ урядничаго Николая Родавилла, что онъ бираетъ вѣвѣсти у гостей и купцовъ и что ихъ судитъ ловчій, тогда какъ судилъ ихъ издавна намѣстникъ смоленскій съ околничими на королевскомъ дворѣ (Сб. Муханова № 85).

лась наряду съ послами, хотя голову купца сравнительно съ головою посла цѣнили вдвое меньше (10 гривенъ серебра) Купцы издревле, занимая почетное мѣсто послѣ бояръ и огнищанъ, принимали участіе во внутреннихъ «порядахъ» по приглашенію русскихъ князей (подъ 1167 г. и др.) и продолжали раздѣлять съ послами труды въ дипломатическихъ сношеніяхъ на правахъ второразрядныхъ агентовъ. Въ свитѣ Ольги, при посѣщеніи ею Царьграда, было 44 купца (*negotiatores*), присутствовавшихъ на дворцовомъ церемоніалѣ съ апокрисиаріями (*De serem.*) и получившихъ подарки, нѣсколько менѣе цѣнные, нежели послы перваго ранга. Мирный договоръ Смоленска съ Ригой 1229 г. утвержденъ «всѣхъ купечъ печатью». Въ 1300 г. владыка Феоктистъ послалъ рижанамъ грамоту отъ себя, отъ посадниковъ, отъ тысяцкаго, отъ всего Новгорода и «отъ всѣхъ купецъ» (Изв. Ав. Н. X, 637). При заключеніи договоровъ съ Ганзой являлись представители какъ отъ русскаго купечества, такъ и отъ «*всѣхъ купецъ латинскаго языка*» (напр. Доп. Акт. Ист. I, № 8, Русск. Ист. Библ. т. XV, № 6 и мн. др.). Дипломатическая миссія коммерсантовъ сводилась главнѣйше къ защитѣ отечественныхъ торговыхъ интересовъ. Въ многочисленныхъ договорныхъ грамотахъ XIII—XVII в. включено двустороннее условіе объ охранѣ и безпрепятственномъ пропускѣ пословъ и гостей, а также о томъ, чтобы ихъ «не порубати», т. е. не сажать въ порубъ—погребъ или дыбу¹⁾. Въ 1495 г. вел. князь велѣлъ поимати въ Новгородѣ гостей нѣмецкихъ за чиненіе многихъ обидъ «великаго князя гостемъ» (Воскр. т. VIII). Отправляясь въ чужія страны, купцы запасались оружіемъ и, въ случаѣ необходимости, примыкали къ военнымъ дружинамъ (Генрихъ Латышъ). Русскіе купцы, торговавшіе съ Греціею, назывались *гrecниками*. Когда половцы, «шедше въ пороги вачаша пакостити гречникамъ, Мстиславъ Изяславичъ молвилъ братѣмъ, что половци пакостятъ «гречнику нашему» (Ипат. 360, 370). Греки привозили свои товары къ устьямъ Днѣпра: «Давидъ зая *греки* въ Олешьи и зая у нихъ имѣнье» (Ипат. 144). Долги по забору греческихъ и прочихъ иностранныхъ товаровъ въ кредитъ пользовались въ Руси преимущественнымъ удовлетвореніемъ (ст. 69 Русск. Пр. Кар. сп.). Двойственность терминовъ въ договорѣ 945 г. для означенія русскихъ торговцевъ: «Мы... *юстые*.. и обѣчип сля.. *купецъ*» обличаетъ туземную подкладку договора, оформленнаго въ Византіи, гдѣ русскіе купцы являлись уже гостями. Сравнительно съ перворазрядными, позднѣе «великими» послами, гости получали менѣе роскошные подарки и довольствіе, причѣмъ снабжались не золотыми, какъ первые, но серебряными печатями, въ доказательство самоличности и прибытія въ Грецію безъ задней мысли, миролюбиво, по желанію русскаго правительства. Печати пословъ

¹⁾ «*Порубу* не быти ни въ чемъ на обѣ сторонѣ... Хотя бы и былъ споръ объ отчинахъ, *посла и юстыя* въ томъ же *порубати*» (Обол. и Давил. т. II, № 69).

и гостей прилагались, въ оттискахъ, къ дипломатическимъ актамъ въ доказательство достовѣрности послѣднихъ и имѣли вполне официальный характеръ. Менаандръ, описывая заключеніе греками договора съ персами, свидѣтельствуешь, что грамоты были запечатаны *перстнями* посланниковъ. Печати въ видѣ перстней, которые «ношаху», должны были выдаваться изъ великокняжеской канцеляріи, ибо и греческіе послы получали печати отъ императорскаго двора. Извѣстно, напр., что греческій императоръ далъ херсонитамъ *золотые перстни* съ его изображеніемъ для приложенія ихъ оттисковъ къ бумагамъ на его имя и для предъявленія послами, коимъ поручалась доставка бумагъ ко двору, въ удостовѣреніе подлинности таковыхъ (De adm. imp. гл. 53). По договору грековъ съ дунайскими болгарами 715 г., негодантовъ въ обѣихъ странахъ надлежало снабжать поручительными предписаніями и печатями—«*per praescripta et signacula commendari*».. Въ силу торговаго договора, заключеннаго Владиміромъ св. съ волжскими болгарами 1006 г., русскимъ и болгарамъ предоставлено свободно торговать по Волгѣ и Окѣ, съ выдачею для сего тѣмъ и другимъ *печатей* (Татищевъ). Договоръ 945 г. устанавливаетъ строжайшій контроль надъ русскими торговцами со стороны греческихъ властей. Всѣхъ прибывавшихъ въ Грецію русскихъ греки обязывали, подѣ страхомъ задержанія, предъявлять грамоты о числѣ отправленныхъ судовъ въ доказательство того, что «съ миромъ приходятъ», по порученію вел. князя и бояръ—блюстителей общенароднаго блага. Снабженіе купцовъ подобными письменными свидѣтельствами вошло у насъ въ торговую практику, которой придерживались и литовскіе князья¹⁾. Русскіе купцы и поздиѣ часто отправлялись ко дворамъ иностранныхъ державъ въ качествѣ уполномоченныхъ. Въ 1001 г. «посла Володимеръ *юстей* своихъ аки *въ посльзъ* въ Римъ». Много вѣковъ спустя торговля сношенія продолжали регулироваться русскими князьями. Въ 1407 г. съ посломъ Михайломъ Плещеевымъ къ турецкому царю Баязету «о дружбѣ и любви... многихъ *юстей* изъ Москвы отпустили»... Въ 1550 г. вел. князь съ посломъ своимъ, назначеннымъ пропозать крымскаго посла,— «отпустилъ многихъ *юстей* московскихъ», и т. д. (Воскр. лѣтоп. т. VIII, 233, 238).

Итакъ, судя по договорамъ X в., въ промежутокъ около 32 лѣтъ по смерти Олега произошелъ во внутреннемъ государственномъ строѣ Руси, продолжавшемъ носить теократическій оттѣнокъ, если не рѣзкій переломъ, о чемъ не можетъ быть рѣчи, то значительный успѣхъ въ регистраціи международныхъ отношеній параллельно съ признаками ослабленія автономіи областныхъ подручныхъ князей—«князья», постепенно умягчающейся,

¹⁾ Напр. грам. Кейстута: «А кто пойдетъ съ сею грамотою черезъ Дорогичинъ, черезъ Мелникъ и черезъ Берестіе до Лучьска, торговать изъ Торуня, изъ князь Кестутый, не веля ихъ зямати» (Ивв. А. Н., X, в. 7).

какъ и у южныхъ славянъ власть жупановъ съ половины X в. При Игорѣ явственнѣе обрисовывается элементъ демократическій, который въ договорѣ Олега 912 г. нѣсколько заслоняется князьями-боярами, хотя и въ немъ слы и гости—по повелѣнію отъ всѣхъ... отъ всего рода русскаго, государственнѣе пулъсъ котораго бился въ Кіевѣ. Договорная хартія 945 г. испещрена именами не только мѣстныхъ правителей, но и депутатовъ отъ купечества, съ примѣсью именъ славянскихъ къ племенамъ варяжскимъ, которыя принадлежали, вѣроятно, руководителямъ внѣшней торговли Руси. Въ сочиненіи заповѣди, по словамъ договорной грамоты, участвуютъ всѣ люди Русской земли: «и отъ тѣхъ заповѣдано обновити ветхый миръ навсегда съ царями, съ боярствомъ греческимъ и со всѣми людьми греческими». Какъ бы нибыло, но этотъ мирный договоръ оказался прочнѣе предыдущихъ, долго не подвергался радикальнымъ измѣненіямъ при подтвержденіи его, когда угасали вспышки раздоровъ между греками и русскими при Владимірѣ св. и Ярославѣ I-мъ, по лѣтописной поговоркѣ «миръ стоять до рати, а рать—до мира». 31 мая 946 г., т. е. вскорѣ по заключеніи Игоремъ мирнаго договора, при торжественномъ приѣмѣ царями Константиномъ и Романомъ пословъ эмира тарсійскаго стояли на дворцовомъ посту тѣлохранителей крещеные россы, вооруженные мечами и щитами, съ знаменами въ рукахъ. Въ 949—952 г., когда писалъ императоръ Константинъ соч. «De adm. imp. (гл. 29 и 43), миръ соблюдался и россы при двѣпровскіе, прибывая въ Византію, принимали участіе въ упоминаемыхъ греческими авторами походахъ грековъ на критянъ около 949, 961, а также въ известномъ и арабамъ сицилійскомъ походѣ грековъ 964 г. (Нувариръ), еще при жизни Ольги. Большая твердость мира 945 г. могла зависѣть и отъ наличности въ томъ договорѣ христіанскаго зерна, питавшаго самый языкъ его, болѣе стройный, чѣмъ въ договорѣ 912 г., по по систематизаціи матеріала договоръ 945 г. значительно уступаетъ договору 912 г. Желаніе вдовы Игоря Ольги (+ 969 г.) укрѣпить любовь русскихъ къ грекамъ, совпадавшее, по свидѣтельству кіевской лѣтописи и монаха Іакова, съ ея намѣреніемъ принять крещеніе, вызвало, осенью 957 г., какъ полагаетъ большинство нашихъ историковъ¹⁾, поѣздку ея, въ сопровожденіи сильной флотиліи, съ блестящей и многолюдной посольской свитой, въ Царьградъ, гдѣ,—разсказываетъ лѣтописецъ (Ипат. и Радз. сп.)—императоръ Константинъ Порфирородный, сынъ Льва Премудраго, по просьбѣ Ольги, лично воспринялъ ее отъ купели, а по разсказу греческаго вѣнценосца, была устроена двукратно (9 сентября и 18 октября) торжественная

¹⁾ Ср. Krug: Chronol. d. Byzant. 280; Wilken: Über. d. Verhältn. d. Russen zum Byzant. Reiche 109, и др.

встрѣча во дворцѣ вел. княгинѣ, ея родственницамъ, посламъ русскаго князя, русскимъ гостямъ, переводчикамъ, ея духовному отцу—пресвитеру Григорію и слугамъ (De segetonіis aulae byzantinae). Ольга, палучивъ драгоценныя подношенія—«царь дастъ ей дары многи, злато и сребро, паволоки и съсуды разноличныя»,—въ томъ числѣ великое блюдо, пожертвованное ею св. Софіи царьградской (Путеш. Антоніа архіеп. Новг.), «иде съ миромъ въ свою землю». Такъ и въ текстѣ договора: «оже съ миромъ приходятъ», а въ 1239 г. татары изъ Чернигова пришли въ Кіевъ «съ миромъ, смирившимся со Мстиславомъ, и съ Володиміромъ, и съ Даниломъ» (Соф. лѣтоп.). Едва-ли договоръ 945 г. не получилъ официального подтвержденія во дни посѣщенія Ольгою Царьграда. На такую мысль наводитъ продолжительность пребывания ея въ Царьградѣ, самый составъ ея свиты и извлеченное лѣтописью, повидимому, изъ протоколовъ посольскихъ переговоровъ (по Никон., чрезъ посла Косомѣра) обѣщаніе ея царю, на основаніи условія Игорева договора (о военномъ пособіи), «прислать воя многа въ помощь», которое она будто-бы упрямилась исполнить, доволъ кумъ ея не постоитъ у нея въ Почайнѣ, какъ она постоила у него «въ Суду». Тѣмъ не менѣе, арабскій поэтъ Аль-Мутанаби, писавшій около 955 г., сложилъ стихъ, упоминающій о нападеніи соединенныхъ отрядовъ Рума (грековъ) и Руса на крѣпость Хадать (А. Гаркави: Сказ. мусульм., пис., XV). Итакъ Ольга ѣздила въ Царьградъ не изъ простаго любопытства, какъ полагаетъ Голубинскій, отвергающій принятіе ею *тогда* крещенія, (Ист. русск. цер. I, 1, 67), а для обновленія мира при непосредственномъ сближеніи съ греческимъ дворомъ, и, можетъ быть, съ религіозною цѣлью.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Въ договорѣ 945 г. есть самостоятельная статья о Корсунской странѣ и черныхъ болгаряхъ. Греки обѣщаютъ русскому князю оказывать военную помощь, какая понадобится въ случаѣ предпріятія имъ военныхъ дѣйствій въ земляхъ, сопредѣльныхъ Корсунской странѣ: А что касается Корсунской страны, то сколько есть городовъ на той части, да не имѣютъ или не имѣете (на нихъ) права («волости») князя русскіе. (Когда) воюете на тѣхъ странахъ,—я та страна не покоряется вамъ,—тогда, если попросить воиновъ у насъ князь русскій, съ тѣмъ чтобы воевать,—дадимъ ему, сколько ему будетъ потребно. Русскіе взаимно обязываются посылать грекамъ, по письменному требованію ихъ правительства, вспомогательныя войска въ достаточномъ количествѣ противъ враговъ Греціи и не допускать черныхъ болгаръ ко вторженію въ ея владѣнія. Запрещеніе «князьямъ русскимъ» (Ипат., Радз. и др., въ Лавр. «князю») воевать Корсунскую страну («велимъ») нѣкоторые исторпки, подобно Н. Ламбину, приводятъ

въ связь съ обособленностью Приазовской Руси, усматривая въ такомъ запретѣ слѣдъ какого-то очень стараго договора грековъ съ окрестными русскими князьями (О Тмутор Руси), съ чѣмъ нельзя не согласиться, ибо Корсунская страна подпала нѣкогда подъ власть тавроскифовъ и освобождена отъ нихъ полководцемъ Митридатомъ и Еяпаторомъ Диафантомъ (Херсонск. надпись, въ XII т. Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др.). Трудно разсвѣять мракъ, окутывающій древнѣйшую судьбу разноплеменнаго Тмутороканскаго княжества, слышавшагося въ половинѣ XI в. настолько съ Кіевомъ, что по смерти Ростислава тмутороканскіе граждане, чрезъ епископа Никона, умоляли вел. кн. Святослава отпустить къ нимъ на княженіе сына своего Гляба (Житіе Феодосія). Изъ лѣтописнаго сообщенія подъ 1066 г. мы узнаемъ, что сидѣвшіе тамъ русскіе князья обнаруживали неуклонное стремленіе подчинить себѣ сосѣднія земли не только восточныя, но и западныя, на которыя Византія простирала свое владычество, поза наконецъ и Тмутороканская область и Корсунъ не сдѣлались добычей половцевъ въ 1096 г. при Всеволодѣ Ярославичѣ (Тверск. лѣт.), что подтверждается лѣтописнымъ повѣствованіемъ—о походѣ половцевъ на грековъ «съ Девгенъевичемъ» въ 1095 г. Когда князь Ростиславъ Владиміровичъ подворился въ Тмуторокани, собирая дань у побѣжденныхъ Святославомъ Игоревичемъ касоговъ и у *иныхъ странъ*, то греки измѣннически подослали къ нему корсунскаго правителя—«к тепана»¹⁾, которымъ русскій князь и былъ отравленъ въ разгарѣ пиршества. За Ростислава отомстили мятежныя корсунцы, побивъ камнями ненавистнаго имъ правителя. Очевидно, пріязненное зближеніе руссовъ съ херсонитами возникло задолго до половины X в. Херсониты часто возмущались противъ греческихъ императоровъ и испытывали на себѣ жестокое ихъ мщеніе, какъ напр., свергнутаго съ престола Юстиніана Ринотмета. По словамъ Константина Порфир., въ случаѣ возстанія херсонитовъ противъ греческой власти, имъ угрожало прекращеніе доступа къ нимъ изъ окраинъ Понта кораблей съ хлѣбомъ, виномъ и иными припасами (De adm, imp. гл. 53). Херсониты посѣщали русскія земли, откуда возвращались, переправляясь чрезъ Днѣпръ около мѣста, назыв. Крарійскимъ перевозомъ (Ib. гл. 9). Наши договоры X в. предусматриваютъ безпрестанныя стычки херсонитовъ съ русскими рыболовами близъ днѣпровскихъ устьевъ²⁾, по сосѣдству съ Олешьемъ, (нынѣ Алешки), на итальянскихъ картахъ Висконти и Барбаро «Ellehe, Elice», древняя Илея, однимъ изъ главныхъ пунктовъ хлѣбной торговли, которую вели съ сосѣ-

¹⁾ Ср. «capitanatus», въ грам. XII в. «catepanitium» у Taf, и Thom.: Font. rer. Austr. XII, 262.

²⁾ «Черное море богато рыбой, въ безчисленномъ множествѣ плывущей оттуда въ Византію» (Таццатъ: Annal. lib. XII, § 65).

дями жители Приднѣпровья--борисфениты еще во времена Геродота, гдѣ были захвачены «греки» Давидомъ Игоревичемъ и откуда, въ 1164 г., возвратился посолъ княжескій Гурята, отряженный Ростиславомъ къ греческому царю по поводу поставленія Климъ митрополитомъ, а въ 1213 г., на лодьяхъ, къ нижнему Днѣстру привозили рыбы и вино (Ипат. 144, 346, 491). Добываніе херсонитами соли у Некропильскаго залива (De adm. imp. гл. 42) свидѣтельствуетъ, что Перекопъ былъ однимъ изъ крайнихъ пунктовъ *соляною пути*, по которому русскіе купцы отправлялись за солью въ Крымъ (Рубруквисъ) къ Генуэзскимъ озерамъ, гдѣ нѣкогда херсониты добывали соль (Конст. Порфир.), и одно развѣтвленіе котораго доходило до Хаджибея (нынѣ Одесса), судя по позднѣйшимъ договорнымъ актамъ о разрѣшеніи русскимъ беспрепятственно «до Качибей по соль ѣздити и брать»¹⁾. Усиленная забота грековъ объ охранѣ корсунскихъ владѣній вызывалась тѣмъ, что имъ грозила опасность не только отъ руси, но и отъ черныхъ болгаръ.

Вопросъ о *черныхъ болгарахъ* и ихъ вторженіяхъ въ Корсунскую страну представляется запутаннымъ по причинѣ разночтеній летописныхъ сводовъ и отсутствія вполне точныхъ указаній на географическое положеніе Черной Болгаріи, извѣстной лишь изъ упомянутаго договора и соч. «De administrando imperio»²⁾. «А о сихъ оже то приходятъ чернии болгаре, воюють въ странѣ Корсуньскѣй, и велимъ князю рускому да ихъ не поусчаеъ павост(итъ) странѣ той» (Лавр.). Предпочитая это изложеніе Ипатскому тексту, значительно испорченному, мы устраняемъ и всякія сомнѣнія относительно довольно яснаго смысла статьи. Черная Болгарія—восточная часть древней Болгаріи, населенная преимущественно гунно-болгарскими племенами котраговъ или кутургуровъ³⁾ и прилегающая къ низовьямъ Волги и къ р. Кубани (Куфисъ), съ IX вѣка въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ руссами (Людпрандъ) и Тмутороканскою областью, обни-

¹⁾ «А которые соленики приходятъ по соль до Качибіева» (Обол. и Данилов: Кн. посольск. в кн. Литов. I, № 19 и 40). Ссылки на этотъ актъ нѣтъ у А. Маркевича: Городъ Качибей или Гаджибей, предшеств. гор. Одессы По договору 1540 г. Сигизмунда I съ ханомъ С. Гиреємъ... «Купцы коруны Польской и в. княж: Литовскаго мають добровольно въ Качибіевѣ соль брати и мыта подлугъ давнаго обычая заплатити, до Києва и до Луцка и до иныхъ городовъ соль привозити. Купцамъ панства нашего... вольно пріѣти и торговать до Перекопа и до Кафы» (А. З. Рос. II, № 220). Изъ Качибей въ 1415 г. король Ягайо послалъ хлѣбъ греческому императору (Длугошъ, гл. XI).

²⁾ Статья, касающаяся корсунскихъ интересовъ, весьма подробно изслѣдована Н. Ламбинимъ, но не такъ-то удачно восстановлена (о Тмуторок. Руси).

³⁾ Не менѣ сильная вѣтвь болгаръ—утургуръ въ VI в. разрушили Фанаторію и захватили Таврическій полуостровъ отъ Босфора до Херсонеса (Прокопій) и въ лицѣ князя своего Гордаса, принявшаго крещеніе, заключили договоръ съ Юстиніаномъ I и обязавшись защищать сопредѣльными греческія владѣнія (Феофанъ, Анастасій, Кедринъ).

навшею обширную территорию въ видѣ *особою государства* (Абульфеда, гл. VII, по Рено), и Хозаріей, населеніе коей дѣлилось на хозаръ черныхъ и бѣлыхъ. Черная Болгарія, по выраженію Константина Порфиророднаго (около 952 г.), *могла воевать* послѣднюю и съ нею имѣли частыя сношенія днѣпровскіе руссы, проникая туда морскимъ путемъ (De adm. imp. гл. 12 и 43). Такъ какъ узы *могли воевать* хозаръ, потому что *граничили съ ними* (Ib. гл. 10), то и Черная Болгарія граничила съ Хозаріей. Черною называлась древняя Болгарія, вѣроятно, по своей зависимости отъ наложившихъ никогда на нее дань хозаръ (Феофанъ, ср. Прокопія). Быть можетъ, убійство Аскольдова сына болгарями (Никонов.), имѣетъ связь съ давней попыткой руссовъ подчинить себѣ восточную Болгарію, какъ справедливо полагалъ Ключевскій (Боярск. Дума древн. Руси). До 945 г. Черная Болгарія, очевидно, примкнула тѣсно къ Руси и состояла подъ властью русскаго в. князя; иначе нельзя понимать рѣзкое договорное *вельміе* ему преградить доступъ къ Корсунской странѣ чернымъ болгарамъ, приходившимъ туда съ враждебными цѣлями. Нѣкоторые арабскіе писатели знаютъ черныхъ болгаръ подъ именемъ бургаръ; другіе, какъ Ибнъ-Даста, называютъ ихъ также булгарами, получавшими товары отъ руссовъ, и помѣщаютъ въ низовьяхъ *Черной рѣки*—Волги, она жь Итиль, (съ которой Ядрия сближаетъ названіе Черной Куманіи), по сосѣдству съ руссами, хозарами и буртасами (бартами), на югъ отъ *серебряныхъ* болгаръ нашей лѣтописи, упоминаемыхъ и въ Похвалѣ Владимиру монаха Якова. О бургаряхъ мусульманскіе авторы сообщаютъ то же, что Игоревъ договоръ и императоръ Константинъ о черныхъ болгаряхъ. Въ бургаряхъ нельзя не узнать черныхъ болгаръ, ибо, имѣя прямыя торговыя сношенія съ руссами, жившими въ хозарской странѣ и около нея, бургары нападали на византійскія владѣнія и вели войну съ хозарами (Массуди, Казвинъ, Ал. Бекри). Самое переселеніе болгаръ на Дунай, гдѣ арабы помѣщаютъ Великую Булгарію, наша лѣтопись ведетъ «отъ страны козаръ». Тяготѣніе черныхъ болгаръ къ руссамъ началось не позже 943 года, времени второго похода руссовъ на Прикаспійскую область, гораздо болѣе удачнаго, чѣмъ походъ на нее 913—914 г. (Якутъ, Абульфеда и др.), когда бургары, воспользовавшись пораженіемъ руссовъ, истребили остатки ихъ дружинъ. При Святославѣ уже все юговосточное Приволжье сливалось съ Русскимъ государствомъ. Очень возможно, что черные болгаре вошли въ пеструю массу тѣхъ инородцевъ, въ томъ числѣ переяславскихъ торковъ, которую лѣтопись знаетъ подъ именемъ *черныхъ* влобуковъ¹⁾. Между ними были и *турпли*, упоми-

¹⁾ Нѣкоторые производятъ это названіе отъ избраннаго Абассидами чернаго цвѣта одежды и чалмы, въ которыя облекались волжскіе болгаре по принятіи магометанской вѣры (П. Кеппель: О волжскихъ болгаряхъ). Прикаспійскихъ и волжскихъ болгаръ лѣтописецъ дѣлитъ на двѣ отрасли: *халлисовъ* и собственно *болгаръ*, производя всѣхъ ихъ отъ дочери Лота (Лавр. 226).

наемые летописью подъ 1150 г., вѣроятно Страбоновы *Tarpeles*, въ окрестностях Меотин, берега которой, по его показанію, населяли земледѣльцы, распадавшіеся на разные роды. Роль черныхъ болгаръ въ XII в. играли переяславскіе торки, участвовавшіе въ походѣ руссовъ въ концѣ того вѣка на корсунцевъ за ограбленіе русскихъ кораблей, побѣдѣ надъ ними и заключеніи съ ними мира (Татищевъ, т. II, 211).

Придерживаясь намѣченной мною программы — начертанія внѣшней исторіи договоровъ русскихъ съ греками X в. и анализа ихъ состава по содержанію и лексическимъ особенностямъ, предварительно подробнаго разбора чисто юридическаго ихъ существа — договорной Правды, сдѣлаю бѣглый обзоръ звѣнцевъ той цѣпи, которая соединяетъ договоры, и разовью свой взглядъ на процедуру созданія каждаго договора въ отдѣльности. По содержанію своему договоры 907 и 945 г., какъ мною было замѣчено, весьма сходны. Однѣ положенія уставленныхъ главъ мира и любви перваго повторены почти буквально послѣднимъ, другія — съ варіаціями и дополненіями, соображенными съ договоромъ 912 г. О путевой субсидіи, объ оснащеніи людей при возвращеніи русскихъ изъ Греціи повторено въ 945 г. со ссылкой на прежнія установленія: «яко же уставлено есть первое»¹⁾. Выговоренное договоромъ 907 г. право приходящихъ въ Грецію русскихъ пользоваться вдоволь баней — «да творятъ имъ мовь (въ иныхъ спискахъ — «мовницы») елико хотятъ» не затрогивается договоромъ 945 г. (о немъ умалчиваетъ и договоръ 912 г.) но, очевидно, проживая за стѣнами Царьграда, русскіе безъ цистернъ для мытья никогда обойтись не могли. — Если при оцѣнкѣ договоровъ исходить изъ средневѣкового международнаго обихода, то ихъ пробѣлы или недочеты не позволяютъ заключать о крутыхъ переворотахъ въ договорныхъ условіяхъ. Отдѣльныя постановленія договоровъ, съ теченіемъ времени повидимому исчезнувшія, воскресаютъ въ преобразованномъ видѣ, иногда съ приращеніями, иногда съ урѣзками и передѣлками. Недомолвки въ повторныхъ изліяніяхъ международной любви далеко не исключали продолженія дѣйствія давнихъ дружественныхъ обязательствъ, скрѣпленныхъ клятвеннымъ увѣреніемъ вѣчнаго мира, хотя бы въ новомъ договорѣ о нихъ умалчивалось, говорилось глухо или мелькомъ, и въ этомъ отношеніи возраженія, сдѣланныя Эверсу изслѣдователями, полагавшими, какъ Сокольскій, что статьи 912 г. и ихъ подробности, не вошедшія въ договоръ 945 г., были отмѣнены (О дог. русск. съ грек., стр. 5), оказываются слишкомъ поспѣшными. Прежнія льготы, въ новый договоръ невключенныя, попадали, впрочемъ, неизбежно въ зависимость отъ произвола предоставившей ихъ державы, несмотря на

¹⁾ Ср. въ латинскихъ грамотахъ: «erat antiquitus institutum».

объщаніе соблюденія «елико по силѣ» постояннаго мира. Тяжеловатый, топорный и въ высшей степени лаконоческій слогъ нѣкоторыхъ главъ договорныхъ, мѣстами косвенно отражающихъ въ себѣ, въ разнообразной окраскѣ, давнія условія дружбы, иногда затрудняетъ уловить ихъ аналогію. Приведу нѣсколько наглядныхъ примѣровъ. Договоръ 945 г. намекаетъ на мѣсячное довольствіе будто на что-то ранѣе извѣстное и совершенно безспорное: «возмутъ мѣсячное *свое*». Подраздѣленіе полагавшихся въ мѣсячное довольствіе припасовъ—«хлѣбъ, вино, мясо, рыбы, овощъ» и продолжительность его срока—шесть мѣсяцевъ въ году—опредѣлены договоромъ 907 г. Полугодичный срокъ довольствія удержанъ договоромъ Игоря, согласуясь съ запретомъ для русскихъ *зимовать* у св. Мамы по догов. 907 г., а также, по догов. 945 г., и въ устьѣ Днѣпра Бѣлоберезья, «ни» у св. Елѣерья,—не названный по имени Страбоновъ *островъ съ портомъ* противъ устья Борисѣена, «*insula*» в. *Aetheri*» по Констант. Порфирор., гдѣ недавно выкопано множество древнегреческихъ сосудовъ: «егда придетъ *осень*, да идутъ въ дома своя въ Русь». Бѣлоберезье правильно принимаютъ за островъ Березань, особливо, мнѣ кажется, потому, что въ Имп. т. скомъ спискѣ Бѣлоберезье—*Бѣлоберезань* ¹⁾. Насколько важна была упомянутая льгота, видно изъ того, что въ 941 г. руссы вынуждены были возвратиться изъ Греціи за недостаткомъ продовольствія (Theophil cont. и др.).—Сравнивая договоръ 945 г. съ предшедшими договорами, многіе недонесиваются въ нихъ указанія на право вел. князя и его бояръ посылать въ Грецію «корабли елико хотять, съ послы своими и съ гостями», относя добавленную къ этому ссылку «якоже имъ *устанолено* есть» къ какому либо недошедшему до насъ договору, тогда какъ, въ дѣйствительности, (см. II гл.) и договоръ 907 г. указываетъ на неограниченное право русскаго правительства отряжать въ Грецію пословъ и гостей: «да *приходичи*

¹⁾ По словамъ импер. Константина, отъ острова св. Георгія—Хортицы, гдѣ 300 лѣтъ спустя собирались на лодьяхъ, русскіе князья противъ татаръ, до остр. св. Елѣерія—Березани путешествіе руссовъ было продолжительно. Достигнувъ *тою* острова (Хортицы), руссы отдыхаютъ тамъ два или три дня, совершая жертвоприношенія, оснащая свои однодеревки парусами, мачтами... Оттуда (отъ Хортицы) они далѣе плывутъ по р. Днѣпру (*Δαυκρ(ν)*) и, добравшись благополучно (до о. Березани), тамъ опять отдыхаютъ. При благопріятной же погодѣ они, выйдя на берегъ, шли къ т. наз. *Бѣлой рѣкѣ*... (ср. Балава у Массуди) и направлялись къ Селинѣ, рукаву Дуная. Рѣка Вѣлая, по моему убѣжденію, — *Бѣлозрудовское* гяро Днѣпра. Морское побережье между Днѣпромъ и Днѣстромъ у Константина—*Золотой берегъ*, названіе донинѣ удержавшееся близъ Одессы, у Большефонтанскаго мыса. Въ XVI в. Бѣлоберезьемъ называлось и среднее теченіе Днѣпра около устьевъ Сулы (См. документальныя ссылки, сдѣланныя Грушевскимъ въ Очеркѣ ист. Киевской земли, стр. 33, прим. 6).

русь слѣбное» («хлѣбное» нѣкот. сп.) емлютъ «елико *зотячи*», независимо отъ числа направляемыхъ въ Грецію русскихъ кораблей. *Установленіемъ*, заимствованнымъ изъ ранѣе заключеннаго договора—«яко же *установлено есть прежде*», оказывается и положеніе 945 г. о цѣнѣ въ двѣ паволоки за бѣжавшаго челядина русскаго (см. IV главу). Платежъ паволоками соображенъ съ спеціальнымъ тарифомъ подлежащихъ вывозу греческихъ паволокъ, отъсчитательному для всѣхъ посѣщавшихъ Грецію иностранцевъ (болгарскій догов. 715 г. и свидѣт. Лидуранда). Паволоки—«румокій дыбаджъ» у Ибнъ-Фадлана (920—930 г.)—разрѣшалось, по договору 945 г., каждому русскому покупать лишь на 50 золотыхъ—«да не имѣють волости купити паволокъ лише по 50 золотникъ», съ тѣмъ чтобы на купленные предметы налагались клейма царевымъ мужемъ: «и отъ тѣхъ паволокъ аще кто крываетъ¹⁾, да показываетъ цареву мужу; и (онъ) тѣе (вар. «то») запечатаетъ и дастъ имъ»²⁾. Подобное торговое ограниченіе, по отпуску продаваемого товара, мнѣ удалось найти въ договорѣ грековъ съ венеціанами 1147 г.: «habet veneticus medium metrum et rubum apud se, et cum ipso vendat usque ad *quinguenta libras*». (Taf. и Thom. Font. rer. Austr. XII, № 49).

Приступаю ко второй группѣ ссылокъ, свойственныхъ каждому отдѣльному мирному договору русскихъ съ греками и объединяющихъ предварительные переговоры о мирѣ съ ихъ непосредственнымъ матеріальнымъ послѣдствіемъ, коль скоро они вѣнчались успѣхомъ. Группа эта сводится къ типичному выраженію въ началѣ каждой мирной грамоты: «Равно другаго *свельщамия*», послужившему однимъ изъ поводовъ вмѣненія составителямъ русскаго текста мирныхъ грамотъ слѣпой подражательности греческимъ образцамъ при изложеніи договорныхъ формулъ, въ конхъ наши лингвисты, историки и правовѣды усматриваютъ буквальный переводъ, очень неискусный и даже невѣжественный, съ греческаго. Большинство ученыхъ, напр., Пахманъ въ диссертациі «О судебныхъ доказательствахъ» (стр. 22 прим.), Тобиенъ (Die ältesten Tractate Russland's, стр. 23—26) и Погодинъ (Измѣд. т. I, 126), приведенное выраженіе неправильно переводятъ: «по примѣру *прежняго* договора». У Лавровскаго же оно имѣетъ слѣдующій смыслъ: «*списокъ* съ другой *договорной грамоты*» (О виз. элем.

¹⁾ Примѣры употребленія этого глагола, приведенные въ Словарѣ др.-русскаго яз. И. Срезневскаго, дополню выраженіемъ «взяти изъ бусы *черезъ край* въ лодью» (Обол. и Далил. т. II, № 69).

²⁾ Издатели Лавр. лѣтоп. едвали правильно дѣлятъ тѣе на тѣ е; ср.: «да возвратитъ е (его, т. е. челядина) опять»... «да наслѣдитъ е». Такая усѣченная форма употребляется вмѣсто его, иногда же вмѣсто глагола «есть».

яз. догов. русск. съ гр., стр. 52, 59, 121). Авторъ придаетъ свѣщаницю узкое значеніе изготовленной грамоты и усиливается опровергнуть возрѣніе Карамзина, Эверса, Соловьева и нѣкот. другихъ на вступительную фразу, какъ на *предварительное соглашеніе*, прибавлю, преданное письму. Взглядъ Лавровскаго, подкрѣпленный неосторожно истолкованными имъ выдержками изъ Кормчей, страдаетъ большими недостатками. Въ дѣйствительности мирное совѣщаніе имѣетъ широкій смыслъ. Оно отъ корня своего—переговоры переносится въ договорный текстъ, а затѣмъ въ грамоты, подлежащія обмѣну между сторонами, воплощаясь въ принятыхъ условіяхъ: «И такое *написаніе* дахомъ на утверженіе обою пребывати *таковому свѣщаницю*. . . на утверженіе и на извѣщеніе межѣ нами бывающаго мира» (912 г.). «Мы же *свѣщанице* все (въ Лавр. и Соф. «свѣщаницемъ») *написахомъ на двою харатью*... на роту идутъ хранити истину, яко мы *свѣщацихомъ, написахомъ* на харатью» (945 г.)—«Игорь *славола* съ ними (греческими послами) о мирѣ . . . «велѣша *славолати, писати* обоихъ рѣчи на харатью». Святославъ клялся Цамискію на договорныхъ хартіяхъ соблюдать все то, въ чемъ поклялись русскіе послы: «и утвержаю на *свѣщаниць* семь роту свою»,—да схранитъ «*правая свѣщаниця*». Это нисколько не помѣшало Лавровскому отвергнуть, безъ надлежащей справки съ историческими фактами и средневѣковыми дипломатическими обрядами, всякую связь «свѣщаній» внѣ тѣхъ рамокъ, въ которыя онъ вставляетъ двѣ равнаго содержанія грамоты—греческую и русскую. Плодомъ увлеченія Лавровскаго явился такой неточный, хотя заманчивый для многихъ (м. проч. Владим. Буданова) переводъ заголовка знаменитаго Святославова мирнаго акта «Равно другаго свѣщанья» и т. д.: *списокъ съ другой договорной грамоты, находящейся и у Святослава, и у Свѣнелда, и у Иоанна*. Съ помощью классическихъ руководствъ, *бывшее свѣщаніе* обращается ученымъ авторомъ въ *находящийся (у обѣихъ сторонъ) списокъ* (стр. 53—60, 95). При обмѣнѣ договорныхъ грамотъ, въ которыхъ каждая держава излагала содержаніе договора, съ одностороннимъ своимъ вступленіемъ и послѣсловіемъ, такія грамоты не могли быть вполне равны между собою. Равны были въ нихъ лишь принятыя, по соглашенію, мирныя условія. Лавровскій игнорпровалъ и уравниеніе съ *происходившимъ* въ 912 г. совѣщаніемъ («равно свѣщанія *бывшаю*»)... Подлинный смыслъ весьма важнаго въ древнерусскомъ дипломатическомъ языкѣ термина «свѣщаніе» наилучше раскрывается сличеніемъ аналогичныхъ терминовъ въ отечественныхъ и иностранныхъ памятникахъ съ отдаленнѣйшихъ временъ¹⁾.

¹⁾ Въ лѣтописномъ разказѣ: «Свѣщаша русь, идоша вооружившеса на греки» (941 г.), послѣ обхода ее 40 тысячнымъ греческимъ войскомъ съ македонскими и фригійскими полками.—«Умыкаху жены себѣ, съ нею же кто *свѣщашеся*».—«Ярославъ съ епископы своими русскими *свѣщаше*» (о поставленіи Иларіона митрополитомъ). По словамъ

Соглашеніе или сговоръ, уговоръ пос. овъ исходитъ какъ-бы отъ самихъ договаривающихся державъ, въ западно-русскихъ актахъ «сгода, умова, смола, у римлянъ *sponsio*¹⁾. Въ актахъ XVI в. замѣчается склонность къ замѣнѣ съвѣщанія сговоромъ: «Въ обычаѣ мѣжи добрыхъ государей послы ѣздятъ и дѣла межъ ихъ дѣлаютъ по *сговору* на обѣ стороны. Отъ прародителей нашихъ... отъ королей польскихъ послы ѣздили и дѣла великія дѣлавались на обѣ стороны, *уговоря*. Да какъ придутъ на добрый конецъ.. и они дѣло сдѣлавъ, безъ зацѣпки прочь пойдутъ, а которые дѣла не придутъ на *доброе согласіе*, и они, не сдѣлавъ дѣла, прочь пойдутъ» (Соловьевъ: Ист. Рос. т. V, гл. 3, перегов. съ Герберштейномъ). Въ письмѣ императора Максимилиана I-го къ в. кн. Василю Іоанновичу отъ 1509 г. упоминается извѣщеніе г. Любека и иныхъ 72 союзныхъ городовъ ганзейскихъ, что жильцы и купцы этихъ городовъ «отъ древняго нѣкоего обычая и *спасася* въ старину межъ предковъ вашихъ и тѣхъ обществъ учиненнаго и знаменіемъ крестнымъ утвержденаго, свободнѣ имѣли товары и благаа своя въ градахъ или въ подвластіе Новгородское возити и туто и индѣ по государству вашему торговли межъ собою творити» (Собр. Гос. Гр. и Дог. ч. V, № 56). Приведу еще типичную грамоту изъ переписки Іоанна Грознаго съ Сигизмундомъ Августомъ 1556 г., редакци-

самого Иларіона, князь «съ епископы снимаяся часто *сошцашася*, како... законъ уставити». — «Се есть совѣтъ волю. иже *сошцаются* на кровопролитъ». — «Не ими, княже, вѣры братья наю, суть ся *сошцали* (съ) черниговскими князи» (Давр. 13, 465, 980; Никон. т. IX, 83). — «Игорь *сѣлча* съ Давромъ бѣжати». — Володимеръ пришеде *сошчася* съ Олговичи. «*Сошчася* перельстити князя своего». Въ 1159 г. «съвѣтъ волю *сошцаши* на князя своего полочане». — «*Сошцаю* есть, яко убьену ти быти» (Ипат. 231, 438, 508). Въ 1097 г. «Святополкъ *свѣлчи* створи съ ляхы, общіяя помощь на Давида» (Давр. 259). То же на юридическомъ языкѣ, напр. — «*сошцати* цѣву» (Русск. Достоп. II. 164, Догов. Новг. съ Казиміромъ ст. 10). Въ Кормчей: «По волю и *сошцанію* (обоюдному соглашенію) развѣшати бракъ». Договоръ купли-продажи характеризуется въ ней двумя моментами — *сошцаніемъ* и *комчаніемъ*, т. е. предварительнымъ соглашеніемъ и окончательнымъ заключеніемъ, завершеніемъ договора. Однакожъ понятіе соединяютъ съ совѣщаніемъ южнославянскіе памятники; напр. въ Законѣ царя Юстиніана о записаніи, по списку у Р. Губе, ст. 18: «Аще два земледѣлателя между собою *сошцашася* замѣнати нивіе... (О знач. римск. и римск.-визант. алем. у южн. слав., прилож.) Въ Воскрес. гѣтоп. ставится на видъ нарушеніе совѣщанія епископомъ Варсоноіемъ: «Преступи свое *сошцаніе*» (т. VIII, 258). Договоры, какъ между народами, такъ и между князьями всегда олираются на предварительное взаимное соглашеніе, напр. при заключеніи мира переовъ съ греками были утверждены условія, на которыя *сошцасились* послы персидскіе и греческіе (Менандръ). Въ договорѣ 1389 г. «яко же уставлено и *спасашо* бысть се промежи насъ» (А. Ист. I, № 252).

¹⁾ Наука строго различаетъ *sponsiones* — взаимныя соглашенія дипломатическихъ агентовъ, отъ *foedera, pactiones* (Laurent: Hist. du droit des gens. II. 194—196).

рованную подъ вліаніемъ лѣтописи и содержащую въ себѣ, подобно многимъ грамотамъ, воспоминаніе о Рюригѣ,—«иже былъ господиномъ у Великомъ Новеградѣ,... Владимірѣ Святославичѣ, иже крести Рускую землю и тытулъ царскаго именованья на себя положилъ,... о внукаѣ его Владимірѣ Всеволодовичѣ Мономахѣ, иже тытуломъ царскаго именованья вѣнчанъ бысть *съ прошеніемъ мира* греческаго цара Костянтина Манамаха»¹⁾). Въ обращеніи къ Сигизмунду Грозный между прочимъ писалъ: «А што еси, братъ нашъ, приказывалъ намъ своими послы, што хочеть зъ нами *советъ* учинити... и намъ бы съ тобою... *добрую смолеу и миръ вѣчный* учинити... Учинилъ бы еси съ нами *советъ*... и похочешъ ли... и нынѣ съ нами *любозънаго согласія и миру вѣчнаю*» (Обол. и Данилов.: Кн. посольск. в. княж. Литов. т. I № 78). Въ дневникѣ литовскихъ пословъ того же года сказано, что рускіе бояре сообщили имъ о согласіи царя заключить перемиріе на шесть лѣтъ и «*змовившися* съ нами, велѣли грамоты перемирныя писати» (Сб. вн. Оболенск. 1838 г., № 5). Въ 1667 г., предъ утвержденіемъ Андрусовскаго договора одинъ изъ пословъ потребовалъ, до присяги, дополнительнаго *совѣщанія* по нѣкоторымъ неяснымъ статьямъ договора. Церемоніалъ совершался тогда болѣе или менѣе по правиламъ греческаго двора. Врученныя королю пергаментныя вѣрительныя грамоты были «по греческому обычаю» свернуты въ трубку. Въ подробномъ разсказѣ о путешествіи польскихъ пословъ въ Московію упомянуто, что, въ довершеніе всѣхъ церемоній, посламъ поднесли кубки «по древнегреческому обычаю» (М. Бутурлинъ: Бумаги Флорент. центр. арх.).—При большемъ разнообразіи дипломатической терминологіи, порядокъ дипломатическихъ переговоровъ о заключеніи мира Россіи съ иными державами въ XVI—XVIII в. въ существенныхъ чертахъ оставался тотъ же, что и въ X вѣкѣ при заключеніи мирныхъ договоровъ съ греками. Вступительная часть и конецъ договорной грамоты 912 г. въ достаточной мѣрѣ обнаруживаютъ отсутствіе внѣшней связи посольскаго совѣщанія—«равно другаго съвѣ-

¹⁾ Грамота Алексія Комнена, при которой будто бы онъ прислалъ Владимиру Мономаху царскія регалии, признаваемая большинствомъ историковъ подложною, а Болтинымъ подлинною, приводится обыкновенно, напр. въ Никонов. лѣтоп. Толстовск. еп. подъ 1114 г., въ крайне сжатомъ, отрывочномъ видѣ, а въ древней лѣтописи, жившей у Болтина и, кажется, погребшей, она почти цѣликомъ изложена: «Алексій Комненъ, милостию Божіей царь и самодержецъ греческій» и т. д. (Примѣч. къ Ист. Рос. Деккера, т. I, стр. 250). Если тою и нѣкоторыми сходными лѣтописями приписывается Владимиру *отказъ* отъ предложенной ему чести—«Володимеръ царскаго титула не восхотѣлъ воспріяти», то непонятно,—къ чему служило бы измышленіе самой грамоты, по редакціи очень выдержанной. Возможно, что гдѣ-либо отысканъ греческій экземпляръ грамоты уже послѣ окончанія лѣтописнаго свода Сильвестромъ.

щания, бывшаго при тѣхъ же царяхъ—Лва и Александра»—(Лавр., Ипат., въ Радз. Львъ и Александръ) съ *давнимъ* миромъ и тождество совѣщанія съ *предварительнымъ*, *изложеннымъ на письмъ соглашеніемъ*, достигнутымъ взаимнымъ обсужденіемъ державами, чрезъ своихъ пословъ, условій *того же* договора, въ коемъ дѣлается ссылка на совѣщаніе. Выраженіе «при царѣхъ Лва и Александра», обнаруживающее само по себѣ истинный смыслъ другого совѣщанія, какъ и выраженіе догов. 945 г.: «Равно другаго совѣщанія, бывшаго при цари Романѣ и Костянтинѣ и Стефанѣ», доказываетъ *присутствіе* царей Льва и Александра на совѣщаніи, въ лицѣ своихъ представителей—пословъ. Предлогъ «при», употребляемый, по И. Срезневскому, въ *шести* разныхъ значеніяхъ, допускаетъ въ данномъ случаѣ выборъ лишь одного изъ двухъ значеній: а, *во время*, какъ это обыкновенно принимаютъ, и б, *въ присутствіи, при бытности или при участіи*¹⁾, какъ это принимается мною по соображеніи съ актомъ Святослава 971 г. Тамъ тексту утвердит. грамоты вел. князя, писаной *при Феофилѣ синкель*, предшествуетъ ссылка на совѣщаніе, «бывшее *при Святославѣ и при Свѣнелдѣ*, которая, очевидно, разумѣетъ не періодъ времени, но *участіе* Святослава и Свѣнелда, хотя бы въ разные моменты, въ совѣщательныхъ переговорахъ о мирѣ, перваго не только чрезъ пословъ, но и лично съ Цимисхіемъ.

Ходъ мирныхъ сношеній и достиженіе конечной ихъ цѣли—соглашенія сторонъ—«concordia» или «symphonia» (Taf. и Thom. XII № 40), на почвѣ мирныхъ условій обозначается въ латинскихъ грамотахъ различными вспомогательными терминами: «colloquutio (въ догов. 803 г. у Bernard'a—Rec. d. traités.), consilium (971 г.²⁾, colloquium, conferentia. «Conventio seu compositio facto», convenientia или conniventia, tractatio³⁾). У творца науки международного права Гуго Гроція: «pactum seu pactio est *conventio duorum vel plurium in idem placitum*» Lib. II, cap. XI, с. 1—4).

¹⁾ См. въ поуч. Владимира Мономаха: «Миръ есмь створиъ съ половецкыми князи безъ одного 20, и *при отцѣ и кромѣ отца*... (Лавр.) и оговорку заболѣвшаго князя Владимира Васильковича къ завѣщанію его въ пользу Мстислава о передачѣ послѣднему всей своей земли и городовъ: «а се ти даю *при царихъ и при его рядичахъ*», т. е. въ бытность царей (Телебуги съ подручникомъ Алгуемъ) и въ присутствіи рядцевъ Телебуги (Ипат. 591).

²⁾ Отсюда «consiliabula».—«pase consillata» или «consiliati pacis» (Акты венец. и генуэзск.).

³⁾ Tractare conventionem», «tractare et conventare»,—«conventio a nuntiis facta... ad tractatum pacis specialiter deputatis... tractarunt et concordaverunt»,—«cum eis *collatum* fuit» (Акты генуэзск.). «In colloquium convenire» (Kod. dipl. kat. Krakow. № 13, подъ 1224 г.).—«Capitula pertractata», иногда «conditionibus compositis»..

Въ договорѣ персовъ съ греками терминомъ «конвенція» обозначается обоюдное соглашеніе сторонъ. По словамъ хроника Ebbо (III, 13), уполномоченные Болеслава III Кривоустаго и ломорскаго князя Вратислава — «tractare sererunt» объ условіяхъ мира. На третій день, при посредничествѣ Оттона Бамбергскаго «reconsiliati pacis oscula libant»... Иностранные термины договорной практики — не рѣдкость въ русскихъ актахъ уже XV—XVI в.: «Если бы в. князь московскій о пріязнь съ королемъ шведскимъ *трактовати* хотелъ».. (Обол. и Данилов.: Кн. пос. в. княж. Литов. т. II). Трактатъ въ смыслѣ переговоровъ объ условіяхъ мира близко подходитъ къ «свѣщанію», однако, сличеніе занесенныхъ въ Кормчую юридическихъ нормъ съ источниками — Эклогой Льва Исаврянина и Константина Копронима 739—741 г. и Прохирономъ Василя Македонянина 870—878 г., въ переводѣ на славянскій языкъ, убѣждаетъ меня, что свѣщанію, какъ достигнутому соглашенію, статейный текстъ коего переносился цѣликомъ въ договорный протоколъ, наиболее отвѣчаетъ конвенція—*conventio* или *pacis*, подлежащая всецѣло утвержденію присягой, а глаголъ «свѣщатися» латинскому «*convenire*»: «Аще будетъ совѣщаніе—«*si convenit*». Мѣсто заключенія мира между Болеславомъ II польскимъ и княземъ Изяславомъ въ 1070 г.—«*locus conventionis*». (Мартинъ Галль). Въ мирной грамотѣ Исаака Ангела съ венецианами 1189 г. сказано: «*Quippe et nuntii ad nostram clementiam missi sunt (такіе-то) conventionem suam, quam imperio nostro et Romanie fuerunt iuramento corroboratam equidem offerentes et que ipsis promissa sunt per chrysobulum exigentes*»... (Taf. и Thom.: Font. reg. Austr. XII, № 84, 207). Въ 1199 г. послы венецианскіе, опираясь на письменное порученіе своего князя, говорили: *convenimus et pacis sumus et quod concessit et commisit nobis nobil. dux Venetie et nos super animam suam iuremus, quod et ipse ea que a nobis pacta sunt et conventa, iurabit et homines Venetie iurare faciet*» (Ib. I, № 85).—«Равно» въ дипломатическихъ актахъ всегда значитъ—*одинаково*, напр., въ актѣ 1488 г.: «Хотѣли смотрѣти, если мое писмо *равно* царевѣ грамотѣ» (Пам. диплом. снош. древн. Рос. съ держ. иностр. I, 5). То же въ частныхъ договорахъ: «А се памяти взяты у насъ по себе *равно*», т. е. по содержанію своему одинаковые (Мейчикъ: Грам. XIV—XV в., 60). Подъ *друими* свѣщаніемъ надо разумѣть предварительное соглашеніе по тому же предмету, происходившее и состоявшееся («бывшее») и занесенное въ особый протоколъ или актъ. Для повѣрки моего вывода вступительную фразу договорныхъ грамотъ не мѣшаетъ сопоставить съ рассказомъ Длугоша о примиреніи Болеслава Храбраго съ Владиміромъ святымъ, которое Нарушевичъ (Hist. par. Pol., т. I) отнесъ къ 992—993 г.: «Boleslaus amicitiam ruthenicam intelligens rei publicae plurimum *convenire*, foedus Wladimiro duci Russiae concessit et *sub aequis conditionibus* secum jure jurando firma-

vit). Этими договоромъ подтверждался миръ, заключенный, по Татищеву, Владиміромъ съ отцомъ Болеслава Мешкомъ.

Принятіе сторонами условій мира сводится къ уряду, какъ успѣшному результату *ряда* или *порядка*. Въ 912 г. «посла мужи свои Олегъ построити мира и положити *рядъ* (въ Ипат. «ряды») межю русью и греки»... «А о головахъ *урядимся* сице» — «*Урядъ* положиша межю Грекою землею и Рускою». «Възметъ *уряженое* его¹⁾. Договоръ 945 г. во вступительной части своей содержитъ доказательство изготовленія мирныхъ статей на совѣщательномъ собраніи пословъ: «Суть... яко понеже *мы ся имали* (т. е. соималися).. главы таковы». Въ договоръ 1609 г. шведскіе послы говорятъ: «Мы съ русскими послы *соединилися* и утвердилися» (А. Ист. III, № 159). Мирныя условія для улаженія и внутреннихъ безпорядковъ обсуж-

¹⁾ Ср. «уряженъ» въ Уст. Владим. о церк. судахъ. Въ 1096 г. Святополкъ и Владиміръ Мономахъ звали Олега въ Кіевъ на «совѣтъ» съ цѣлю «порядъ» положити о Русьстѣй земли. Въ 1169 г. половцы предлагали Глѣбу Георгіевичу *порядъ* съ ними положити о всемъ и утвердятся межю собою рстой: «внидемъ въ роту въ тобѣ, а ты къ намъ» (Давр. 339, 340). Въ томъ же году Мстиславъ, прииди въ Кіевъ, «вземъ *рядъ* съ братьемъ, съ дружиною и кіяны» (Воскрес.). «Атъ *рядъ* учинимъ предъ мужи отецъ нашихъ» (подъ 1096 г.). Владиміръ Мономахъ писалъ Олегу: «Пославъ согы своей или попа и грамоты напиши съ правдою, а о се *ся ряди*... съ братомъ твоимъ *рядилися* есее... а не поможеть, *урядимся* безъ тебе». Въ 1139 г. «посла Вячеславъ и Явяславъ... послы свои ят Всеволоду, съ рѣчьми *рядимися*» (Ипат. 290). «Давидъ и Рюрикъ *ряды* всея уконча въ Руской земли» (Ib. 459). Подъ 1203 г. въ Треполѣ «князья восхотѣша *рядъ* положити межю собою» (Никон.). Въ 1217 г.: «снемшимъ имъ (князьимъ) *вземъ* на *порядъ*» (Давр. 418). Въ 1224 г. «князья *рядъ* положиша» (Тав.). Въ 1231 г., «Мирославъ створи миръ съ королемъ... *рядомъ* же дасть Бельзъ и Червень Олександрю». Въ 1262 г. на снемѣ въ Тернавѣ русскіе князья и лядскіе «положиша *рядъ* межю собою о землю Рускую и Лядскую, утвердившеся крестомъ честнымъ» (Ипат. 510, 567). «Ярославъ *уряди* смны свои быти въ любви». Въ 1229 г. смольняне съ нѣмцами «*оурядили* пакъ миръ». Въ 16 ст. Смоленской Правды: «промежи собою *оурядятся*». Въ догов. Мих. Ярославича съ Новгородомъ 1305 г.: «А *рядю* въ Новгородской волости тобѣ, княже, и твоимъ судимъ не усужати» (Собр. Г. Гр. и Дог. № 6). Въ Судебникѣ 1468 г.: «Казиміръ съ посольствомъ согадавши, *урядили* есмо такъ». О *рядахъ* см. также Соловьева Ист. Рос. т. 2, гл. 1, Сергѣевича, Юридич. Древн. и др.—Въ Псковской судной грамотѣ актъ, содержащій письменныя условія, — *рядница* или *порядня* (ст. 15, 32, 39, 101), какъ и въ Псковской лѣтописи: «рукописавъ и *рядницы* посужать» (стр. 209). Во многихъ лѣтописныхъ спискахъ подъ 1175 г.: весь *порядъ* положиша у св. Богородицы». Глаголъ *рядити* имѣеть часто значеніе распоряженія: Въ Словѣ о полку Игоревѣ: «грады *рядиме*». Въ догов. Новгорода съ княземъ Тверскимъ Яросл. Ярославичемъ 1265 г.: «ти Новгорода не *рядити*, ни волости ти не раздавати» (Собр. Гос. Гр. и Дог. № 2).

дались на сеймѣ, сонмѣ, онемѣ или съѣздѣ¹⁾. На сеймахъ обыкновенно послѣ совѣщанія происходилъ обмѣнъ договорныхъ списковъ («записми розмѣнялися» въ догов. 1609 г.), а иногда и возвращались сторонами старыя грамоты. Такъ въ догов. Ольгерда и братіи съ Казиміромъ, около 1366 г., сказано: «а грамоты давныя *воротыты* межи собою, а отъ того быти порожнымъ, а коли дастъ Богъ будетъ *слъма*, тогда новыя грамоты дамы межи собою» (Кн. пос. метр. в. вв. Лит. изд. Оболенск. и Данил.). Сообщеніями о договорныхъ сеймахъ по сношеніямъ русскихъ князей съ польскими, мазовецкими, литовскими князьями, угорскими королями и т. д., до конца XIII в., особенно богата Ипатская лѣтопись. Естественно, что вопросы, подлежащія вѣдѣнію сеймовыхъ совѣщательныхъ собраній, вызывали весьма продолжительныя препирательства. Въ 913 г. заключенъ миръ Симеономъ болгарскимъ съ греками. . «*multis verbis mutatis*».—*Post concuivium pacis conditionibus compositis*.. (Stritter: *Memor. popul.* т. II, ч. I, 983 г.). Въ древнихъ гевуэскихъ договорныхъ грамотахъ удостоверяется достиженіе соглашения послами, назначавшимися «*ad tractatum pacis*», «*post nullam tractationem*» (*Atti d. soc. Liguria*, vol 28, стр. 428). Въ актахъ конца XV в. встрѣчаются такія же поясненія: «*quia sunt nulla inter nos, reges, tractanda et concludenda; post multos cum sua maiestate tractatus*; ... «*tractarunt et concordaverunt*» (Hurmuzaki: *Docum. pr. la stor. Românilor*, v. II, № 106, 356, 358²⁾). Подтвердительный торговый договоръ англійскаго короля Филиппа и королевы Маріи съ Іоанномъ Грознымъ 1557 г. состоялся «*doppo molti ragionamenti et conferentie*». (Собр. Гос. Гр. и Дог. ч. V, № 114). И въ позднѣйшихъ дипломатическихъ сношеніяхъ нарѣчіе «многажды» или «многажда», для означенія продолжительности переговоровъ, затяжки сношеній, повторяется иногда вѣскольکو разъ въ одномъ и томъ же актѣ, какъ напр. въ извѣщеніи, отправленномъ новгородскимъ воеводой Мих. Скопинымъ-Шуйскимъ въ 1608 г. ругодивскому (нарвскому) державцу Шейдингу отъ имени царя Василя Іоанновича (Собр. русск. пам. арх. гр. Делгарди). Вотъ почему «многажды» въ Олеговомъ договорѣ 912 г. нельзя прилетать къ «*бышей любви*», какъ это сдѣлано въ 3-мъ изданіи Лаврентьевской лѣтописи. «Многажды», несомнѣнно, относится къ послѣдующему (ср. Радзивил.), указывая на *многократное обсужденіе* мирныхъ условій. «Многажды право судихомъ». . Позднѣе послы

¹⁾ *Слѣмаса* Любечи на устроенье мира. «Дюрдіи. . поиде на *слѣма* Каневу»... «*Слѣмаса* въ Лутавѣ.. уладився» (подъ 1159 г.). Въ 1160 г. *слѣмаса* Ростиславъ съ Святославомъ Олговичемъ... «Бѣ же *слѣда* его на великую любовь» (Ипат. 345 г.). «Учнниша *слѣма*... и взяша миръ межи собою» (Лавр. 462). Въ Новгородскихъ лѣтописяхъ — «*соитмь* въ любовь», («*Beliebung*» въ догов. Новгор. съ Ганзою).

²⁾ Ср. Dogiel: *Cod. dipl. regn. Polon. I*, *Monum Polon. Hist.* и др. сб.

употребляли подобное же выражение: «разсудили юраздо» (Обол. и Данил., I. № 53¹⁾). Разсужденіе признается русскими послами чистосердечнымъ, откровеннымъ и *правдивымъ*, истекающимъ изъ требованій справедливости. Въ договорныхъ грамотахъ правдивость или искренность пріязни противопологаемая «сблазну—обману или хитрости²⁾», всегда выставляется залогомъ прочности мира. Отсюда «*правая любовь, правая съвѣщанья*», какъ въ лѣтописномъ разсказѣ: «посоль не изнеслъ слова права намъ», — «наю слово право будетъ къ вама», рядъ *правый* (Ипат. 371, 460, 553). Посадники новгородскіе, схваченные *на миру* въ 1331 г., дали слово *правое* Наримунту Гедиминовичу и дѣтямъ его въ отнину и въ дѣдину» (Ник. X, 204), и въ позднѣйшихъ грамотахъ, напр. отъ 1388 г., «вѣрность *правая* и неизрушистая *любилн*» (Arch. Sangtischk. т. I, № 18).

Реальнымъ продуктомъ мирнаго соглашенія сторонъ являлось слово. Взаимныя договорныя обязательства выражались въ словѣ, изложенномъ на письмѣ и утвержденномъ присягой: «не точію *просто словесе*, нъ и *тисаніемъ* и влѣтвою твердою.. любовь утвердити и извѣстити.. (см. разночтенія въ этомъ мѣстѣ догов. гр. 912 г.: «словесемъ, словесенъ» и пр.). Простота здѣсь противопоставляется также обману или хитрости, какъ напр. въ выраженіи: «не бѣ въ немъ *лсти*, но *протв* мужъ умомъ» (Лавр. 196). Въ древнихъ договорахъ грековъ съ Венеціей, Генуэй и другими державами совокупность условій успѣшныхъ мирныхъ переговоровъ носятъ техническое названіе—«*verbum*» или «*sermo*», а харатейная докончальная грамота—«*chrisovulum-verbum*» или «*chrisovulum-sermo*»—«грамота-слово», или «слово-грамота». Совпадая, по своему содержанію, «слово» и «слово-грамота» допускаютъ лишь внѣшнее, теоретическое между ними различіе, зависящее отъ различія моментовъ—до или послѣ изложенія въ видѣ *извѣстительной* грамоты, а потому подъ договорнымъ словомъ разумѣется въ актахъ слово-грамота. Таково «слово» князя полоцкаго Изяслава литовскому князю Войшелку (К. Наперскій: Русск. Лив. акт. стр. 13), и т. под. Въ 1542 г., по прочтеніи грамоты «князь великій велѣлъ грамоты сложити вѣстѣ, королево *слово-грамоту* подъ исподъ, а свое слово наверхъ, да велѣлъ ихъ положить на блюдо, да на *грамотахъ* велѣлъ положить крестъ»... Другіе примѣры, кромѣ приведенныхъ во II главѣ: «А се *грамота* королево *слово*.. «И *грамоту* королево *слово* подали царю».—«Да велѣлъ царь и великій князь *грамоту*, свое *слово* чести дѣяву», и т. д.³⁾

¹⁾ Здѣсь «разсужденіе» примыкаетъ, по своему лексич. значенію, къ «думѣ»: «*думаша* Кіане... яко же на *думу* сходятся» и т. под. Въ догов. подъ 1402 г.: «взять любовь *ю думъ*» (Собр. Гос. Гр. и Дог. ч. V, № 36).

²⁾ «Безъ *сблазна* люди управливати» (Ипат. 607).

³⁾ Сб. Русск. Ист. Общ. т. 59, № 9 и 11, стр. 167, № 19 и 28—V, 32—VI. Обол. и Данилов. Кн. пос. в. княж. Литов. т. I, № 40 и 78.

«Слово», имѣвшее нѣсколько значеній, между прочимъ, значеніе *приказа*, употребляется лѣтописью и актовыми, въ томъ числѣ дипломатическими памятниками, большею частью въ смыслѣ договорнаго *условія* или *обязательства*, независимо степени его *сложности* ¹⁾ по входившимъ въ него предметамъ. Юридическіе акты новгородскіе, псковскіе и тверскіе видоизмѣняютъ «слово» въ «поговорку» (Псков. судн. гр. ст. 47 и др. Собр. Гр. I, № 28). Александръ тверской 1327 г. выѣхалъ изъ Пскова «*пословно съ псковичи*» (Псковск. лѣтоп.). Иногда «слово» замѣняется «говоркой» (А. Юр. № 409). «Срѣченное слово» сокращается въ «*срѣчку*», напр. ст. 10 догов. Новгорода съ Казиміромъ польскимъ. «Король яко *срѣкы* годъ како поити» (Ипат. 308). Заявленіе пословъ русскихъ о желаніи ихъ свѣтлыхъ князей поддержать и возвѣстити бывшую между русскими и греками любовь не только просто *словомъ*, но и писаніемъ, нѣсколько далѣе— «*испольданіемъ* и написаніемъ» ²⁾, для возвѣщенія греческому царю, въ существѣ своемъ аналогично съ выраженіемъ въ договорѣ 912 г. «извѣсти и (онъ) дастъ *нашимъ слѣдомъ*», т. е. по нашему условію, послѣ того какъ мирная грамота была вручена греческому правительству русскими послами: «И такое написаніе *дахомъ* царства вашего... на утвержденіе и извѣщеніе» (ср. «возвѣстити князю вашему»). Изъ этого, однако, нельзя заключать, чтобы въ двукратно повторенномъ договорами (907 г. и 945 г.) выраженіи: «да запретить князь *словомъ* своимъ (и)приходящимъ руси здѣ, да не творять па-

¹⁾ «Изяславъ двонча (с)ступилъ *слова* своего» (Ипат. 298).—«Ни по думѣ, ни по *слову* съ нимъ;—«клятвою кленшимися аще не премѣнить *слова* своего» (Воскр. т. VII, Ипат. 537). «Аже будетъ промежу вами *слово*» (Новг. IV, 101).—«Хотячи *слово* свое полнати абы было панство ведлугъ першого звычайу и *слова* заховано.—«Можъ ваяъ крѣпкая правда и *слово* было.—«*Слово* доброе межъ ваяъ было.—«*Слово* то стояти промежъ Ченгысовыхъ царевыхъ дѣтей.—«Устоятъ въ своемъ *словѣ*.—«Только въ своемъ *словѣ* неустоймъ». (Собр. Гос. Гр. и Дог. ч. V, № 6, 10, 14, 86).—«Олгердъ по сорченному *словеси* и *уроку* совокупи литвы много и варяги и поиде на помощь къ Мамю царю» (Русск. Ист. Сб. III. 32, 33). «Ольгердъ 1372 г.—«*по слову*.. съ княземъ.. хотя ить ратью къ Москвѣ» (Новг. IV).—«А на тѣхъ, господине, на всѣхъ строкахъ цѣловалъ еси... крестъ... молвя такое свое крѣпкое *слово*, чтобы тому было неподвижно, по любви, въ правду, безо всякіе хитрости» (А. Ист. I, № 40). «У меня было съ тобою *слово*... о той торговли; «коли бы ты по *слову* учинилъ; по *слову* нашему такъ не учинилъ, какъ у меня съ тобою *слово* было объ соли, соли мнѣ не отдалъ по *слову* нашему» (Русск. Ист. Библ. т. XV, № 128, 129). Въ грамотѣ в. кн. Василія Іоанновича датскому королю Іоанну 1507 г. сказано: «ad nos venit nuntius... cum vestris credentialibus litteris et *verbis*» о братской дружбѣ и союзѣ (Собр. Гос. Гр. и Дог. ч. V, № 111). Въ заголовкахъ шертныхъ грамотъ крымскихъ хановъ XV—XVII в. нерѣдко стоитъ: «... слово наше». (Изв. Тавр. Арх. Ком., № 9—11).

²⁾ Въ договорѣ Барломанъ 803 г. съ Никифоромъ: «non solum in litteris, sed etiam in *verbis*». (Bernard: Rec. des traités).

ности (или безчинья). въ селѣх¹⁾... слово княжеское относилось къ общему содержанию договорныхъ главъ: Князю вмѣнялось въ обязанность запретить своимъ приказомъ привѣжимъ русскимъ производить безчинства въ Греціи въ случаѣ отправки имъ туда торговаго флота. Когда послы, по прибытіи изъ Царьграда въ Кіевъ, «повѣдаша» (возвѣстили) вся рѣчи царя Романа великому князю русскому, греческіе послы говорили Игорю: «твой сли водили суть царѣ наши ротѣ, и насъ (цари) послаша ротѣ водить тебе и мужъ твоихъ». По принятіи присяги Игоремъ и мужами его присяжный дипломъ его, слово-грамота, былъ возвѣщенъ²⁾ послами царю Роману: «повѣдаша вся рѣчи Игоревы и любовь яже къ грекомъ». Договорныя главы 912 г. направлены къ укрѣпленію «бывшей любви между греками и русскими отъ мношавъ лѣтъ» и къ продолженію ея въ послѣдующія лѣта и всегда—«на съхраненіе прочихъ и всегда лѣтъ». Подобно сему лѣтопись Галицко-Волынская ссылается на прежнее любовное единеніе угорскаго короля Андрея съ Романомъ: «Король Андрей не забы любви своея первая иже имѣаше къ Романови, и Мстислава съ королемъ польскимъ въ отвѣтъ Мстислава Данилу, убѣждавшему его пойти на Лешка: «сыну, за первую любовь не могу на нь востати» (Ипат. 486, 489). Здѣсь, очевидно, разумѣется старый, самостоятельный мирный договоръ. Потому «первое слово» въ договорной грамотѣ (912 г.) нельзя разсматривать отдѣльно отъ бывшей мною лѣтъ назадъ между греками и русью любви (таже грамота), какъ первую статью договора—*in primis*, или же какъ взаимное соглашеніе на предварительномъ совѣщаніи, которое подготовило вошедшія въ договоръ главы при совѣстномъ обсужденіи послами: «Суть яко понеже мы ся имали с Божьи вѣрѣ и о любви главы таковыа (въ

¹⁾ Ср. напр.: «аще бы человекъномъ Богъ рекъ на небо столбъ двати, то повелѣлъ бы самъ Богъ словомъ...» (Лавр. подъ 986 г.). «Юрьи же не поиде по отиѣ словъ... — Мстиславъ приа Конрада... подъ свою руку по братяю слову по Володимѣрову», говоря: «а что мя велишь, а азъ... тебя слушаю» (Ипат. 587 и 597). Въ Русской Правдѣ «княже слово» — княжье приказаніе. Душевные грамоты строго запрещаютъ нарушать слово завѣщателя. Въ Ипат. и Погодинск. спискахъ догов. 907 г. стоитъ *людель* своимъ, по Лавр. въ догов. 945 г. *словъ* своимъ (ср. «по устау»). И. Срезанскій неправильно прочелъ *словомъ* въ смыслѣ *посламъ* своимъ, буквально придерживаясь нѣкоторыхъ списковъ, гдѣ стоитъ *посломъ* (ср. посолникъ, посоль въ Ипат. 245, 553, а также «Симевонъ», «Древветеръ»).

²⁾ Ср. напр. *извѣстимся* (Ипат. 244), «*извѣствоваше*» (т. VIII Воскр., 101). «Пріеста *извѣщеніе*» (Ник. т. X, 37). Въ грам. 1562 г.: «съ умиленнымъ посланіемъ *извѣстити* послали есмь» (Сб. Р. Ист. Об. т. 71, № 5). Грамотой 1449 г. в. кн. Василій Васильевичъ съ своею молодшею братьею «чинятъ знаменито (извѣщаютъ)... дали запись королю Казимиру... што взяли съ нимъ братство и любовь и вѣчное докончанье». (А. З. Рос. I, № 60). «Докончаніе... всл. кн. Василій Васильевичъ... *извѣстиво*» (А. Ист. I, № 40).

Ипат. «таковья»). По первому (прежнему) убо слову да умирися». Въ 912 г. восстанавлился миръ *первыи* — прежній (ср. подъ 945 г.: «построити мира *перваю*). Одна статья договорной Правды 912 г. излагается по *уряду*, хотя состоявшемуся, но какъ бы и *имьющему* состояться (окончательно): «А о головахъ *урядимся* сиде...», въ чемъ отражается признакъ редактированія ея на предварительномъ посольскомъ совѣщаніи о договорѣ. Иное толкованіе «перваго слова» шло бы къ разрѣзъ съ истиннымъ смысломъ «слова» въ началѣ и въ концѣ грамоты, относящагося ко всему ея договорному содержанию.

Обращаясь къ истолкованію Святослава акта 971 г., неточно именуемаго изслѣдователями и нѣкоторыми лѣтописцами мирнымъ *договоромъ*, считаю необходимымъ сперва разоблачить заблужденіе принимающихъ Переяславецъ дунайскій за средю Русской земли. Около 967 г. Святославъ Игоревичъ началъ княжить въ Переяславцѣ на Дунаѣ, по взятіи 80 болгарскихъ городовъ: «сѣде, княжа *ту*, въ Переяславци, емя дань на грѣцѣхъ», что согласно съ показаніемъ Ибнъ-Хаукаля о походѣ руссовъ на Румъ—восточную Римскую имперію,—отнесенномъ къ 967 г. Вѣроятно, лѣтопись разумѣетъ укрѣпленія, воздвигнутыя на Дунаѣ Юстиніаномъ въ VI вѣкѣ (Прокопій). Судьба этихъ городовъ была превратна. Русское владычество надъ ними восстановилъ Владиміръ Мономахъ въ 1116 г. Тяготѣніе упомянутыхъ болгарскихъ городовъ къ Руси со времени заложения Кіевца, быть можетъ, и внушило Васильку Ростиславичу смѣлый замыселъ: «перяити болгары дунайскіе и поселити ихъ у себя» (лѣтоп. подъ 1097 г.). Около той же поры княженія Святослава взята была изъ какого-то монастыря черница-грекыня, отданная за Ярополка «красоты ради лица ея» (лѣтоп. подъ 977 г.). Изрѣченіе Святослава: «не любо ми есть въ *Кіевѣ* быти, хочу жити въ *Переяславци* на Дунаи,—яко *тѣ* есть *середа* ¹⁾ земли моея, яко *тѣ* вся благая сходятся», наши историки понимаютъ превратно, ошибочно относя «то» къ Переяславцу,—подставляя Переяславецъ на мѣсто Кіева, по системѣ нѣкоего волхва, пророчившаго, что Русская земля ста-

¹⁾ Въ Силезіи одинъ городъ назывался по славянски также Середою: «Михалъ въ 1238 г. приде ко мѣсту немѣцкому именемъ *Середа*» (Szroda, Sroda).—«Jus tentonicum novi fori, quod *sredskie* vulgariter nominatur» (см. цит. у Реппеля: *Geschichte Polens* т. I, 577). Въ Польшѣ древній г. Середя—Серадзь. «Идоша на *Середѣ* земли Лядское» (Ип. 227). Въ Болгаріи—Средецъ: «Проявися етеру роусину въ градѣ Средѣчьегѣви», сказано въ *Минологіи* Константина Мошскаго IX в. (И. Срезневскій. Свѣд. и зам. о малонзв. пам.), — «Сардикія, еже есть *Средецъ* яко ереда обохъ земель—гречск. и римск.» (Низ. т. IX, 45). Иерусалимъ всегда считался *средю* земли (Голубиная книга). С. Соловьевъ пришелъ къ курьезному выводу, что Святославъ считалъ *своею* землею только *одну Болгарію* (Ист. Рос., т. I, гл. VI).

нетъ на мѣстѣ Греческой и наоборотъ, тогда какъ средой Русской земли остался Кіевъ, а блага матеріальныя сходились тутъ—въ Переяславцѣ, (ср.: «сѣде княжа ту, въ Переяславци»), ибо сюда изъ Руси доставлялись медъ, воскъ и челядь, да и самъ Святославъ, сознавая превосходство непріятельскаго войска и стѣсненное свое положеніе подъ Доростоломъ, молвилъ дружинѣ: «Русская земля далече, . . . поиду въ Русь, приведу больше дружины. . . изнова изъ Руси, совокупивши вой множайша, поидемъ Царюгороду», кіевляне же такъ упрекали его: «ты, княже, чюжюя земли ищещи и блюдеши, а своя ся охабивъ». Какимъ чудомъ Переяславецъ могъ сдѣлаться средою Русской земли, если самъ Святославъ и кіевляне признавали этотъ городъ лежащимъ за предѣлами коренной территоріи Русскаго государства и если пѣвецъ Слова о полку Игоревѣ стоны отъ туги кіевлянъ и черниговцевъ уподобилъ жирной печали, протекавшей *среди* земли Русской?—Грамотѣ Святослава предшествуетъ лѣтописное повѣствованіе, нисколько не противорѣчащее свидѣтельству Льва Діакона, а кое-гдѣ (напр., воззваніе Святослава къ войску—«да не посраимъ земли Русскія, поляжемъ костію ту»¹⁾, и т. д.), вполне съ нимъ тождественное, о *двукратныхъ* переговорахъ русскихъ пословъ съ императоромъ Цимисхіемъ предъ самымъ заключеніемъ мира послѣ понесенныхъ неудачъ. «И посла слы ко цареви въ Деревьстръ (Durostolum—Силистрію), бѣ бо ту царь, рѣка сиче: хочю имѣти миръ съ тобою твердъ и любовь». Это переговоры прелиминарные. Послы—лѣтшіе мужи были отправлены Святославомъ и его дружиною («послаша лѣтшіи мужи къ цареви») отъ имени вел. князя и вручили царю грамоту, съ выраженіемъ такого желанія: «хочю имѣти любовь съ царемъ греческимъ свершеную прочая вся лѣта». Въ утвердительной грамотѣ 971 г. воспроизведены, съ добавленіемъ, *рѣчи Святослава*, сообщенныя его послами Цимисхію при передачѣ княжеской грамоты. Вѣроятно, Святославовы послы присягнули, за великаго князя и всю Русь, въ Доростолѣ, а при докончаніи мира, по личномъ свиданіи его съ Цимисхіемъ, клятва, по обряду ратификаціи мира, была повторена Святославомъ, назвавшимъ себя въ текстѣ утвердительной грамоты, изъ скромности и по обычаю, не великимъ, какъ въ заголовкѣ, означающемъ титулъ *великаю* князя сообразно съ титуломъ *великаю* царя, а просто княземъ русскимъ: «Азъ, Святославъ, князь Руский.. и утвер-

¹⁾ Оно повторено воеводой Вышатой въ 1043 г. и повторялось русскими князьями предъ вступленіемъ въ бой; напр., Мстиславъ и Всеволодъ начали «укрѣпляти новгородци и смолянны: «братія.. станемъ вѣрнко, не озиралися назадъ, побѣгше не уйти»... (1216 г., Троица. сп. и др.).

²⁾ Начало дипломатическихъ сношеній А. Чертковъ относитъ ко времени занятія русскими Македоніи (Опис. войны Святослава. стр. 221).

жаю роту на свѣщанъ семь». Затѣмъ грамота вручена Цимисхію, чрезъ пословъ, въ обмѣнъ на его хрисовуль. Лѣтописцу, хорошо знавшему опустошенные Святославомъ города («яже стоять пусты до днешняго дне»), знакомы были и выдающіеся эпизоды мирныхъ переговоровъ между Святославомъ и Цимисхіемъ, изъ источниковъ преимущественно устныхъ, былевыхъ разсказовъ и славной пѣсни о Святославѣ Храбромъ, сочиненной подъ впечатлѣніемъ быстро достигнутыхъ Святославомъ успѣховъ, удостовѣренныхъ лѣтописцемъ: «за маломъ бо бѣ не дошелъ Царяграда». Пѣсенный складъ отразился на лѣтописномъ изложеніи, напр., въ собственныхъ припѣвамъ повтореніяхъ: «и бысть слыча велика, одолѣваху болгаре... и бысть слыча велика и одолѣ Святославъ» (подъ 971 г.). Выговоривъ дань въ пользу русскихъ и получивъ цѣнные дары отъ грековъ, Святославъ возвратился въ Переяславецъ «св похвалою великою». Подобно способу описанія походовъ Олега и Игоря поэтической складъ кое-гдѣ прорывается въ лѣтописномъ разсказѣ о переговорахъ Святослава съ Цимисхіемъ при повтореніи одного и того же: «И созва царь боляре своя въ полату», а нѣсколько далѣе: «Они же придоша къ царю и созва царь боляры, рѣша же послании». (Лавр. 69). Славная пѣснь въ честь храбраго Святослава, памятная Бояну (Слово о полку Игоревѣ), обаятельно вліяла и на пресвитера, потомъ митрополита, Иларіона, восторгавшагося тѣмъ, что подвиги Святослава, какъ и стараго Игоря, прославыли во многихъ странахъ и продолжаютъ поминаться и слыть.., и на Данила Заточника¹⁾; и на лѣтописцевъ (Ипат. 545 и 548). Характеренъ традиціонный приступъ къ мирнымъ переговорамъ. Послѣ объявленія грекамъ: «хочу на вы ити и взяти градъ вашъ», греки предложили Святославу дань, дабы не ходилъ къ Царюгороду, куда онъ направилъ свои стяги:—«пойде Святославъ ко Царюгороду, воюя и грады разбивая»... Возвратившись въ Переяславецъ съ торжествомъ, Святославъ взялъ окупъ («имашеть же и, т. е. она) за убитыхъ русичей въ вознагражденіе «рода», т. е. народа—«яко родъ его (окупъ) возметъ», и получилъ дары. О требованіи Святославомъ при первой отправкѣ къ нему пословъ греческимъ императоромъ огромнаго выкупа за взятые имъ города и плѣнныхъ упоминаетъ и Левъ Діаконъ. Едва ли окупъ назначался, вопреки мнѣнію нашихъ историковъ и юристовъ, исключительно для родственниковъ павшихъ въ битвахъ Святослава съ греками русскихъ воиновъ. Убитыхъ было множество и разысканіе ихъ родичей на обширномъ пространствѣ русскихъ областей не-

¹⁾ Онъ приводитъ отрывокъ рѣчи Святослава предъ дружинами: «вамъ ли отъ града погибнути, или граду отъ насъ плѣнену быти»... Слова эти повторилъ Пековскій лѣтописецъ подъ 1474 г.: «Яко же рече князь Святославъ Игоревичъ, идый въ 10000 на греки: «не вѣдомо ны есть, — или возметъ, или главы своя положимъ» (т. IV, 248).

рѣдко встрѣчало бы непреодолимых затрудненій. Вспомнимъ, что и у норманновъ за убитыхъ «*regium est exsolutum*», а впоследствии, исковичи брали въ видѣ контрибуціи серебро на нѣмцахъ «*за золоты убиенныхъ*».. (Лѣтоп. т. IV, 191). Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ положеніе Святослава стало критическимъ. Потерявъ въ битвахъ подъ Аркадіополемъ, на пути къ Переяславцу и подъ Доростоломъ цвѣтъ своихъ полковъ, уменьшившихся на $\frac{2}{3}$, возстановивъ противъ себя болгаръ жестокой расправой съ плѣнными, узнавъ о враждебномъ настроеніи противъ него печенѣговъ, страдающая отъ полученной раны и запертый со всѣхъ сторонъ греками, Святославъ подумалъ съ дружиной и убѣждалъ ее въ неотложной необходимости заключенія мира для избѣжанія угрожавшей имъ гибели¹⁾, ибо въ теченіе зимы 970 г. Цимисхій успѣлъ собрать многочисленную конницу и разослать по Дунаю корабли съ убійственнымъ греческимъ огнемъ (Левъ Діаконъ, Кедринъ). Черезъ пословъ своихъ Святославъ повелъ съ Цимисхіемъ рѣчь объ условіяхъ мира. Византійскіе источники, обстоятельно описывая переговоры русскихъ съ греками по прекращеніи военныхъ дѣйствій, сообщаютъ объ отправкѣ Святославомъ, въ исходѣ іюля 971 г., когда истощились и силы русскихъ, и запасы продовольствія, пословъ къ Цимисхію съ предложеніемъ принять его, Святослава, въ кругъ своихъ друзей и союзниковъ и съ обѣщаніемъ уступить грекамъ Доростоль, освободить плѣнныхъ и возвратиться изъ Мизіи въ свое отечество, при взаимной со стороны грековъ гарантіи безопаснаго выхода русскихъ судовъ, безпрепятственнаго привоза русскими въ предѣлы имперіи хлѣба и прочихъ товаровъ и пріязненнаго, попржежнему, пріема въ Византіи русскихъ купцовъ. Всѣ эти статейные пункты императоръ одобрилъ и приказалъ, по взаимному уговору, снабдить продовольствіемъ по двѣ мѣры на каждого изъ 22000 русскихъ воиновъ, оставшихся въ живыхъ изъ 60000, хотя, по разсказу лѣтописи нашей, остатокъ былъ вдвое преувеличенъ русскими. По принятіи греками мирныхъ условій, Святославъ просилъ допустить его къ «*colloquium'u*» съ императоромъ и, лично побесѣдовавъ съ нимъ о мирѣ, причемъ не выѣзжалъ изъ лодки, удалился, въ исполненіе договора отдалъ плѣнныхъ грековъ, очистилъ Доростоль и поспѣшилъ съ остатками своихъ дружинъ въ обратный путь. Цимисхій предупредилъ будто-бы печенѣговъ, чтобы они не переправлялись черезъ Дунай для опустошенія Болгаріи и не мѣшали возвращенію русскихъ въ отечество. По нашей лѣтописи, переяславцы уведомили печенѣговъ, что Святославъ возвращается въ Русь,—«*вземъ .. полонъ бесчисленъ*». Надо полагать, что плѣнные эти были *болгаре*, ибо, по Кедрину, русскіе плѣнили 20000 союзныхъ грекамъ

¹⁾ «Створимъ миръ съ царемъ, се бо вы ся по дань яли и то буде довольно намъ»

войновъ. Мирными переговорами руководили и главное участие при написаніи грамотъ принимали: съ русской стороны Свѣнелдъ, а съ греческой, — по тексту обязательственнаго акта и по византійскимъ источникамъ, синкель Феофилъ: «... писано при Фефелъ синкелъ». . «Obiit eam legationem Euchaitarum summus pontifex Theofilus». . (Stritter—Memor. popul. т. II, ч. 2, стр. 1007). Съ приведенными событіями связываютъ—загадочную записку готскаго топарха о *разрывѣ* греками *мира* съ варварами, подвластными царствовавшему *на сѣверѣ отъ Дуная* ¹⁾, о войнѣ, сопровождавшей прекращеніе греками дружескихъ съ нимъ отношеній, и о предложеніи *новой мира* варварами послѣ опустошенія ими болѣе 10 городовъ и 500 селеній, о присоединеніи къ тому властителю *сосѣдей*, обитавшихъ на Истрѣ и имѣвшихъ *сходные съ варварами обычаи*. Топархъ, повидимому, изъ Корсунскихъ климатъ, спѣшилъ съ военнымъ отрядомъ «къ *Монкастру*» (нынѣ Аккерманъ), который оказался разрушеннымъ. По заключеніи мира, судя по разсказу топарха, грекамъ возвращены Климаты, именно тѣ сѣверныя части Корсунской страны, въ которыя вторгались союзныя дружины Святослава (около 967 г.), обязавшагося, по договору съ греками, не воевать страну Корсунскую и не наводить на нее «иного языка». Варварскій народъ характеризуется въ запискѣ топарха тѣми же чертами, какъ и русскій у Фотія и Льва Діакона. Походъ былъ вызванъ дипломатическими сношеніями Святослава съ предшественникомъ Іоанна Цимисхія, воцарившимся 963 г. полководцемъ Никифоромъ. Черезъ патріарха Калокира Никифоръ поручилъ раздать русскимъ 1500 фунтовъ золота, съ уговоромъ не простирать притязаній на Мизію (древнюю часть Македоніи), принадлежащую римлянамъ, а ограничиться походомъ на вступившихъ въ союзъ съ уграми болгаръ и помочь ему, Никифору, упрочиться на престолѣ. Этимъ воспользовался Святославъ для подчиненія своей власти, при помощи угровъ, значительной части Болгаріи вмѣсто возвращенія ея грекамъ по настоянію Никифора. Почти одновременно Никифоръ отрядилъ посольство къ мизянамъ, во главѣ съ Еротиномъ и тѣмъ же *Феофиломъ*. Въ 968 г., по завладѣніи Святославомъ Мизіей и занятіи г. Филиппополя, Никифоръ заключилъ съ царемъ болгарскимъ Петромъ мирный союзъ, обѣщая вытѣснить русскихъ изъ Болгаріи. 30 янв. 969 г. умеръ Петръ; русскіе временно очистили

¹⁾ Присоединяясь къ мизію Всильевскаго (Ж. М. Н. Пр. 1876 г., ч. 185), нахожу соображенія Успенскаго въ статьѣ «О византійскихъ владѣніяхъ на берегу Чернаго моря IX и X в.», побудившія послѣдняго приурочить описанныя топархомъ событія къ 904 г., недостаточно убѣдительными.

Болгарію и ушли спасать Кіевъ отъ печенѣговъ. На болгарскій престолъ возведенъ сынъ Петра Борисъ; Святославъ возвратился и продолжалъ войну. Инициатива возобновленія мирныхъ переговоровъ съ русскими исходила отъ Іоанна Цимисхія, вступившаго на престолъ въ декабрь 969 г., когда былъ убитъ Никифоръ ¹⁾. Чрезвычайно важенъ разсказъ Льва Діакона о *вторичной* послылкѣ Цимисхіемъ пословъ къ великому князю и о содержаніи врученной имъ вѣрительной грамоты, послѣ вторичнаго занятія Святославомъ Преславы и угрозы его взять Царьградъ, съ началомъ наступательныхъ дѣйствій, которымъ предшествовало объявленіе Святославомъ войны. «Упова на провидѣніе, управляющее вселенною, и повинуюсь божественнымъ законамъ, мы не должны произвольно разрывать *мира непоколебимо до насъ дошедшаго отъ предковъ нашихъ*, въ которомъ самъ Всевышній былъ посредникомъ». Советуя русскимъ покинуть непринадлежащую имъ по праву землю, Іоаннъ укорялъ ихъ въ нарушеніи мира: «Вы сдѣлались виновниками *разрыва нашего союза*», причемъ угрожалъ изгнаніемъ изъ занятой страны и напоминалъ пораженіе, понесенное отцомъ Святослава Игоремъ: «Полагаю,—ты не забылъ еще злополучія отца твоего, Игоря, который, презрѣвъ договорную вѣрность, съ великимъ ополченіемъ, на 10000 судовъ, подступилъ къ Царьграду, но едва съ 10 людьми успѣлъ убѣжать въ Босфоръ Киммерійскій»... Дипломатическія сношенія Святослава съ Цимисхіемъ ознаменовались символическимъ обрядомъ *поцѣлуй*. По разсказу нашего лѣтописца, когда греческіе послы принесли «мечъ и иво оружье» Святославу въ знакъ покорности ²⁾, то князь, принявъ подарки, «нача хвалити и любити я целовати царя» (Лавр. 69, въ Радз. добавл. «яко самого царя»). Поцѣлуй—*osculum quod racis vocant* (Дюканжъ), обычный встарину между врагами, прекращавшими кровавую распрю, служилъ удостовѣреніемъ искренности любовнаго примиренія. Мы знаемъ, что около 1070 г. Болеславъ Высокій далъ въ знакъ взаимнаго улаженія поцѣлуй мира русскому князю Изяславу—*racis osculum satis preciosum*, взявъ его за бороду (Мартынъ Галль и Кадлубекъ). «Вячеславъ рече мужеву своему: «поѣди къ брату Гюргени, брата отъ мене *цѣлуй*» (Ипат. 297). Когда вражда прекращалась между князьями, то они любезно *цѣловались* (Ib. 241), и, вообще, открытый поцѣлуй считался знакомъ ихъ дружбы, напр. въ 1111 г. Владиміръ съ Святополкомъ «цѣло-

¹⁾ Надпись на гробницѣ Никифора Фоки вызвана успѣхами Святослава: «Возстань, царь... на насъ устремляются русскіе во всеоружіи; скискій народъ въ бѣшенномъ порывѣ расточаетъ убійства и разоряетъ твой городъ».. (Ф. Успенскій: Русь и Византія въ X в.).

²⁾ Въ половинѣ XIII в. «Герьбортъ присла Данилови мечъ и покореніе свое» (Ипат. 548).

настася». Условія мира между княземъ полскимъ Болеславомъ III Кривоустымъ (1102—1139) и княземъ Вратиславомъ поморскимъ скрѣплены были, въ присутствіи вождей и сановниковъ, «*взаимнымъ поцѣлуемъ любви*». Далѣе въ хроникѣ занесено, что послы штетинцевъ приняли отъ Вратислава «*поцѣлуй мира*» (Eubo, III, 1323 г.). Генрихъ Латышъ, описывая, подъ 1209 г., мирные переговоры рижскаго епископа Альберта съ русскимъ княземъ Всеволодомъ (rex de Gersike) послѣ сожженія Герсике (на З. Двинѣ) и плѣненія его жены, сообщаетъ, что епископъ *обнялъ* (облобызалъ) просившаго мира князя, предложивъ ему, между прочимъ, принести свое княжество въ даръ церкви св. Маріи, съ тѣмъ чтобы оно было ему возвращено. Князь склонился на условія и обѣщавъ впредь полную преданность церкви св. Маріи. Въривъ свое княжество церкви, онъ получилъ его обратно въ ленъ при торжественномъ врученіи ему трехъ знаменъ, вмѣстѣ съ супругой своей и со всеми русскими плѣнниками¹⁾. Обычай цѣлованія при заключеніи мира соблюдался и впоследствии. Петръ Великій и курфюрстъ Бранденбургскій, поздѣе король Прусскій, вступая между собою въ оборонительный и наступательный союзъ, «подали другъ другу руки, *цѣловались* и клятвами утвердили договоръ» (Сб. Моск. Гос. Арх. М. И. Д., вып. I, 85). Заключеніе мира выражалось, кромѣ того, свойственными каждой національности символами. У болгаръ былъ обычай дарить въ знакъ примиренія по парѣ рабовъ, соколовъ и собакъ (De adm. imp. гл. 32). Печенѣжскій князь въ знакъ примиренія съ киевлянами далъ воеводѣ ихъ Претичу коня, саблю и стрѣлы, и получилъ отъ Претича брони, щитъ и мечъ (Лѣтоп. подъ 968 г.).

Введеніе къ Святославовой грамотѣ 971 г. и ея форма свидѣлствуютъ, что она выдана Цимисхію въ силу договорнаго съ нимъ соглашения, будучи равна своимъ постатейнымъ содержаніемъ «свѣщанію», происходившему «при Святославѣ велицѣмъ князи русстѣмъ и при Свѣнальдѣ²⁾, при Феодѣ синкелѣ». Написана грамота въ Доростолѣ, въ іюль того года, греческіе же источники относятъ посольство Святослава

¹⁾ Грамота Альберта напечатана Доглемъ, Бунге (Urkundenbuch), Нарушевичемъ и др.

²⁾ Свѣнедъ — «отецъ Мстиславъ» (подъ 945 г.), т. е. молодого Мстислава, убитаго княземъ Олегомъ Святославичемъ, занимавшій постъ воеводы еще при Игорѣ, участвовавшій въ походѣ Ольги съ сыномъ на деревлянъ. Имя сына Свѣнедова не могло быть *Лютъ*. Подъ 975 г. слово *лютъ* приложено къ звѣриному лову, а не къ Свѣнедичу. Редакторы 3 изд. Лавр., лѣтоп. дѣльно замѣтили, что надлежало бы сказать «Люту», ошибочно усмотрѣвъ здѣсь опіску. Слѣдуетъ читать: «*Лова дѣюще Свѣнедичу, именемъ лута*». Когда Олегъ спросилъ—кто гонитъ звѣрей, ему отвѣтили: «Свѣнедичъ»..

къ Цимисхию съ предложеніемъ мира въ 25 іюля, т. е. ко дню непосредственно послѣдовавшему за неудачной для русскаго князя битвой съ греками подъ Доростоломъ, въ которой онъ былъ раненъ, и посѣвъ убійства одного изъ передовыхъ богатырей Святославовыхъ Икмора. Наша лѣтопись, рассказавъ о прибытіи посольства в. князя въ Доростоль, когда состоялось вѣчевое рѣшеніе заключить миръ, не приводитъ текста самаго договора, но выраженіе «и повѣдаша цареви» (лѣтшіе мужи), кажется, разумѣеть сообщеніе царю *мирныхъ условий*¹⁾. Сохранилась въ итальянскихъ архивахъ весьма полезная для сравненія харатейная грамота венеціанская (*promissionis carta*), написанная полатыни въ томъ же 971 году, того же мѣсяца и индикта, и отправленная къ греческимъ царямъ, съ такимъ вступленіемъ: «Во имя Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа, въ царствованіе господина Іоанна, великаго императора, во 2-й годъ царствованія его, мѣсяца іюля, индикта 14-го». Въ ней говорится, что къ венеціанамъ приходили послы отъ императоровъ *Іоанна, Василія и Константина* для объясненій по поводу помощи республике сарацинамъ кораблями и оружіемъ, сопровождавшихся страшными угрозами императорскимъ словомъ. Венеціане, по совѣщаніи, на которомъ присутствовалъ многочисленный народъ—большіе, средніе и меньшіе, и представители высшаго духовенства, единодушно обязывались, за себя и своихъ наслѣдниковъ, предъ своимъ княземъ Петромъ и его преемниками, не оказывать поддержки сарацинамъ, ни оружіемъ, ни чѣмъ либо инымъ, подъ страхомъ или наложенія пени во сто либръ золота, или, при неуплатѣ, смертной казни виновныхъ (*Tafel и Thomas: Font. rer. Austr. XII, № 14*). Рассматриваемая, вошедшая въ наши лѣтописи оригинальная грамота Святослава, адресованная къ Іоанну Цимисхию, но обращенная также и къ сыновьямъ императора Романа II Василію и Константину, какъ и венеціанская грамота, есть не списокъ самаго договора, но актъ, называвшійся у иностранцевъ «*promissio, promissionis carta, confirmationis litteras, chrivolum-verbum*», у русскихъ—обѣтомъ, обѣтнымъ словомъ, утвердительною или докончательною грамотою-словомъ. Святославъ отъ своего лица и отъ всѣхъ своихъ подданныхъ выражалъ желаніе состоять до конца жизни въ

¹⁾ Страннымъ представляется рассказъ лѣтописца, что «царь повелѣ писцю писати вся рѣчи Святославѣ» по глаголу посла. Если это и такъ происходило, то, вопреки рассказу, не при написаніи утвердительною грамоты Святослава, которое не допускало вмешательства царя.—Подъ 945 г. лѣтописецъ говоритъ, предъ изложеніемъ утвердительною грамоты Игоря: «Приведоша руския слы и велѣша глаголати и писати *обоимъ рѣчи на харатѣ*».

мирѣ и совершенной любви «со всякимъ (вар. «всякомъ») — великимъ царемъ греческимъ, съ Василиемъ и Костянтиномъ, и съ богодохновенными цари и со всеми людьми греческими». Великій царь — Іоаннъ Цимисхій. Сынъ Романъ II Василій (13 л.) и Константинъ (10 л.), царствовавшие въ Царьградѣ въ 971 г. и по удостовѣренію Воскресенской лѣтописи (т. VII, 289), отодвигаются на второй планъ по ихъ малолѣтству. Значеніе обѣтныхъ грамотъ достаточно ясно опредѣляется нижеприводимыми мною данными. Таможенная грамота 1134 г. «кнѣзя отъ стола Галичскаго Иванка Ростиславича Берладскаго» о льготахъ купцамъ месемврійскимъ (приморскаго города Месемврія) по платежу мыта заканчивается словами: «а на томъ *обѣтъ*». Она дана въ исполненіе какого-то договора торговаго и обращена къ месемврійскому купечеству — «свѣдѣціу купцемъ да не платѣтъ мыта»... (Текстъ возстановленъ Петрушевичемъ). Изъ мирныхъ сношеній въ XI в. русскихъ князей съ уграми укажу на обѣщаніе русскими вѣрности королю Владиславу въ 1093 г., вторгнувшемуся въ ихъ предѣлы изъ мести за подстрекательство половцевъ къ вторженію въ его владѣнія: «*Rutheni... promiserunt regi fidelitatem*» (Turocz). Въ 1189 г. угорскій король говорилъ Святославу Всеволодовичу: «чимъ ти ся есмь *обѣщамъ*, то-ти исполню, яко-ти естъ крестъ цѣловаль» (Ипат. 446). Въ 1252 г. король угорскій Бела IV соперничалъ съ Оттоваромъ чешскимъ изъ-за Рагузии и Штирія и, подъ предлогомъ передачи ихъ сыну короля русскаго Данила Роману, устроилъ бракъ племянницы убитаго въ 1246 г. Фридриха II бабенбергскаго, дочери старшаго брата его, герцога Гейнриха (*dux Medicensis*) Гертруды съ Романомъ, заключивъ съ нимъ договоръ. «И створи тѣ *обѣты*, его же за множество весь не списахомъ», извиняется лѣтописецъ... «Створи король *обѣты великы* и не исправи его въ Романови... *обѣщався* ему и не помогашеть ему... бѣ бо *клятвою* клялся о Бозѣ великою къ Романови и княгинѣ его, яко добывшу ему землѣ нѣмецкая дати ему всю Романови»... Герцогъ Гейнрихъ отклонялъ Романа отъ союза съ Бѣлою: «Остави короля угорскаго, яко ужива ми еси и своякъ, земля Нѣмецкая раздѣлена будетъ съ тобою»¹⁾. Приэтомъ приводится ссылка на договорное обязательство: «Правдою *обѣщався* отцю си королеви угорскому, грѣхъ не исполнѣти обѣта»... «Княгиня *посла* бо ко королеви угорскому *вся словеса*,

¹⁾ Слова «ужика ми и своякъ» (Ипат. 554), ранѣе приведенныя съ ничтожнымъ измѣненіемъ (стр. 545) — «ужика ми и свать еси», исходили изъ устъ угорскаго короля. Герцогъ повторяетъ то, что сказалъ Бела, точно такъ же какъ Гертруда повторила его слова, обращенныя къ *я отцу*: «Княгини же уразумѣвши лєсть его, и рече — «яко сына ми (Романа) поими *ко дщери*», — а нынѣ городовъ нашихъ *хочеть*»..

ими же *объщевашеться ему герцюкъ*.. (Ипат. 544, 554, 555¹⁾). Подобное обѣщаніе далъ жители г. Люблина Данилу и Васильбу Романовичамъ соотвѣтственно *завѣту* послѣднихъ не помогать князю своему: «Они же *объщашася* то створити». Когда въ 1255 г. папа предлагалъ Данилу, чрезъ легата Опизу, принять вѣнецъ королевства, князь уклончиво отвѣтилъ: «како могу пріяти вѣнѣць б съ помощи твое»? Опиза же приде вѣнѣць нося, *объщевался*, яко помощь имѣти ти отъ папы» (Ib. 548). Разбитые Даниломъ ятвяги «послаша послы своя и дѣти своя и дань даша и *объщевашуся* работѣ быти ему» (Ib. 529 и 553). Въ 1287 г. Мстиславъ «*объщися* принять князя мазовецкаго Коврада подѣ свою руку», написалъ обѣтную грамоту, *объщая* ему помогать на ляховъ (Ib. 597 и 598). Мироположеніе съ нѣмцами новгородскаго князя Ярослава Владиміровича, въ исходѣ XII в., есть ничто иное, какъ утвердительная грамота. Въ ней онъ заявляетъ, что сгадавъ съ посадникомъ, тысяцкимъ и всѣми новгородцами, *утвердили* старый миръ съ нѣмцами—«*утвердихомъ* мира старого». Утвержденъ былъ договоръ, подготовленный посольскими сношеніями, сообразно съ условіями *стараяо* мира²⁾ (см. въ догов. «старыя куны, старыя гривны») предшественниковъ князя Ярослава Владиміровича съ нѣмцами—«кого Богъ поставитъ князя а съ тѣмъ мира потвердити»,—притомъ письменнаго, а не устнаго, вопреки М. Бережкову (Торговля Руси съ Ганзой, 79—80), принимающему, вмѣстѣ съ И. Срезневскимъ, грамоту за *проектъ*.

¹⁾ Подробности этихъ сношеній и комментарий къ нимъ см. у Шарановича: Die Hungaris «Chronik als Quellen-Beitrag zur österreichische Geschichte». Почтенный профессоръ ошибся, полагая, что Оттокаръ отговаривалъ Романа отъ союза съ Белой, не угладавъ о какомъ герцогѣ говорится въ лѣтописи. Очевидно, герцогъ Гейнрихъ былъ непосредственно заинтересованъ въ наследствѣ.

²⁾ Предъидущія дипломатическія сношенія съ нѣмцами упоминаются въ Новг. 1-й лѣтоп. подѣ 1180 г.: «ни съла въдаша варягомъ, въ пустиша я *безъ* мира». Подѣ 1201 г. сказано: «На осень придоша варязи (готландцы) горою на миръ и *даша* имъ *миръ* на всей воли своей». Возстановленіе стараго мира новгородцевъ съ нѣмцами составляетъ предметъ многихъ грамотъ, напр. въ 1262 и 1263 г. «миръ докончахомъ на сей правдѣ... на *старый* миръ.—А се старая наша правда на чемъ цѣловали отци ваши и наши крестъ, — а гдѣ ся тяжа родить, ту ю кончати» (Изв. А. Н. VI, 166). Другіе договоры новгородцевъ съ нѣмцами и Готландомъ XIII в., хранящіеся въ сводномъ спискѣ Любекскаго архива, изданные Дрейеромъ, Лербергомъ, Тобиеномъ, Наперскимъ, Андреевскимъ (переводъ Карамзина, т. III, прим. 203), оставляютъ неприкосновенными права, коими издавна пользовались ганзейскіе гости у новгородцевъ и наоборотъ, и подтверждаютъ древнюю Правду. Таковы же мирные договоры полочанъ и витеблянъ съ нѣмцами, напр. грамота 1264 г. кн. Герденія, убитаго псковичанами въ 1267 г.: «А *старому* миру стояти князя Герденя князь тыихъ, кто по немъ будетъ»; или кн. Ияслава полоцкаго 1265 г.: «Любовь имѣти какъ было при *перемъ* князьихъ полоцкихъ» (К. Наперскій: Русск. Лив. акты).

Таково же значеніе докончальныхъ или утвердительныхъ грамотъ ¹⁾ и отношеніе ихъ къ договорамъ въ позднѣйшей дипломатической перепискѣ. Напр. въ 1509 г. по заключеніи мира в. князя Василя Ивановича съ польскимъ королемъ Сягизмундомъ.. «*грамоты докончальныя написаша*»... Сягизмундъ предъ послами крестъ цѣловалъ къ вел. князю на докончальныхъ грамотахъ... «*да и грамоту докончальную къ вел. князю отъ короля привезоша за его печатью*» (Воскр. т. VIII, 250).—15 апр. 1609 г. Михайль Шуйскій вручилъ уполномоченнымъ шведскаго короля «утвержденную грамоту», въ подтвержденіе договора 1595 г., «*на томъ, что договорилися*. А вел. государю Василю Ивановичу.. тотъ договоръ (по коему записями розиѣнялися), что договорились, всѣ тѣ статьи, что въ записи писаны, держати крѣпко и ничѣмъ не нарушивать и стояти въ томъ навѣкъ *неподвижно*. А я... даю имъ на тотъ договоръ сю *утвержденную грамоту* Новгородскаго государства за печатью и за своею приписью. А вел. государю Василю Ивановичу... Карла короля воеводамъ или инымъ королевнымъ полномочнымъ, какъ придуть, дать своя царская грамота, за своею царскою печатью» (А. Ист. II, № 159). Обѣтныя грамоты у иностранцевъ неменѣе явственно выдѣляются, по формѣ своей, изъ договоровъ. Таковы, напр., *promissio* норманна Богемунда 1108 г., *promissio* пизанцевъ, сопровождавшіяся выдачею греческими императорами золотой буллы,—для Пизы въ 1111 г., согласно съ рассказомъ Анны Комненъ. *Amicus de Murta*, договорившись, по уполномочію генуэзцевъ, о мирѣ съ Мануиломъ Комненомъ, послалъ сходный по редакціи съ Святославовымъ дипломъ греческому императору, а генуэзцы получили отъ него въ обмѣнъ хрисовуль, перечисляющій предоставленныя имъ торговыя привиллегіи, и т. д. (*Atti di soc. Ligure*, v. 28, стр. 349—351). Константинъ Порфиръ сообщаетъ, что куропалатъ ивировъ,—сосѣднихъ съ прикавказской Фазіаной,—въ подтвержденіе притязаній своихъ на Фазіану (у р. Аракса), прислалъ ему, Константину, копію золотой буллы императора Романа о подчиненіи куропалата, какъ влѣтвенно онъ удостовѣрилъ свое собственноручною подписью, «съ обязательствомъ пребывать въ вѣрности нашему величеству и бороться съ нашими врагами, а друзей охранять».. (*De adm. imp.* гл. 45). Обмѣнъ утвердительныхъ грамотъ, по заключеніи договора, составляетъ у всѣхъ государствъ неизбѣжный, вѣками освященный обрядъ провозглашенія международной пріязни. Для образца кстати отиѣчу изъ дипломатической практики XIII в. южнославянскую грамоту 1238 г.: «*обетованіе* и писаніе къ между ни (нами) есть... право и верно сьмо деръжали» (*Miklosich: Monum. Serb.* № 25), и на обмѣнъ въ 1277 г. хартій между

¹⁾ Къ нимъ П. Голубовскій причисляетъ м. пр. грамоты смоленскихъ князей Федора Ростислав. 1284 г. и Ивана Александровича полов. XIV в. (*Ист. Смол. земли*, 126).

Рудольфомъ и Оттокаръ ¹⁾. Особеннаго вниманія нашего заслуживаетъ Пражскій договоръ, состоявшійся въ июль 1271 г. между чехами и уграми, такъ какъ въ него вступили, въ качества сторонниковъ угорскаго короля Стефана V, сына Бела IV, западнорусскіе князья — зять Стефана, женатый на сестрѣ его Констанція, Левъ Даниловичъ, братъ послѣдняго Мстиславъ, братъ Данила Романовича Василько и сынъ Василька Владиміръ ²⁾. Изъ актовъ сношеній русскихъ съ тевтонскимъ орденомъ въ XIII в. интересно *обязательство* его отъ 1254 г., въ силу договора, оказывать военную помощь Данилу Романовичу (Rzycz. et Mucz. Cod. dipl. Pol., t. III, p. 63—64). Въ грам. 1326 г. магистру тевтонскаго ордена западнорусскій князь Юрій II говоритъ: «*Obligatur in his omnibus secundum quod est pertractatum*» (Voigt: Cor. dipl. Prus. № 118). Въ грамотѣ 1334 г. Юрій II желаетъ и *объясаетъ* («*promittimus*») навсегда нерушимо сохранить миръ и любовь съ магистромъ Людеромъ. — Пятью грамотами, данными 26 июня

¹⁾ Pertz. Mon. IV. Borzek: Cod. dipl. Morav. IV. Jirecek: Cod. jur. Bohem. № 67.

²⁾ «Leo—gener Stephani regis—ruthenorum dux, Mitislaus—frater ejusdem».. Далѣе: «Wasul, filius Wasulae duois rutenorum, alique fideles». Обыкновенно читали «et Wasul—filius Wasulae» (Нарушевичъ, Иречекъ и др), подозревая ошибку въ имени *Владимира* Васильковича или приписывая ему, какъ И. Шараневичъ, еще другое имя—*Василия* (Die Nyrathios Chronik, 89). Едвали, однако, не ошибаются сами комментаторы. Wasul—несомнѣнно Василько Романовичъ, умершій въ концѣ того же 1271 г.; filius Wasulae—Владиміръ-Юванъ (ср. надпись на Румянцовск. номокавонѣ № 3, л. 530: «Списанъ бысть княземъ Владиміромъ, сыномъ Васильковымъ...»); другого сына у Василька не было, вслѣдствіе чего, вѣроятно, редакторы и не выставили его имя. Вообще въ латинскихъ грамотахъ не рѣдкость подобныя именныя недомолвки, напр. въ договорѣ герцога Самбора померанскаго съ нѣмцами 1263 г. упоминаются походы въ Ленчицкую землю, предпринятые лясскими князьями «*ac per filium Danielis regis Rusie*»... (Voigt. Cod. dipl. Prus. т. I, № 145). Хранищійся въ Ватиканскомъ архивѣ списокъ договорнаго акта 1271 г. исходитъ отъ Оттокара и оглашается соответственно «възвѣщенію» нашихъ договоровъ X. в. Съ цѣлью обновленія мира, прерваннаго продолжительными войнами, и на поправленіе врага человеческого рода (ср. въ догов. 915 г. — «враждолюбца дьявола разорити»), Оттокаръ далъ посламу полномочіе (мандатъ), чтобы, собравшись на совѣщаніе («*convenientes*») съ прелатами и баронами угорскими, уполномоченными угорскаго короля, могли обсудить, установить и докончить все возможное къ обновленію мира: — «что мы сами, приличномъ съ королемъ соглашеніи, могли бы установить и докончить». Затѣмъ излагаются условія, принятыя послами на совѣстномъ засѣданіи («*considentes*») касательно обѣихъ хартій, выдачи обезпечительныхъ грамотъ дружественнымъ государствамъ, а также статьи частнаго и публичнаго международнаго права. Включенъ и такой пунктъ, въ силу котораго, для вѣчныхъ единенія и любви, Оттокаръ и Стефанъ, по изволенію («*juxta placitum*») и клятвенному установленію пословъ сторонъ, отрѣшаются отъ общенія и дружбы съ нѣкоторыми правительствами (Н. Jirecek: Cod. jur. Bohem. № 62). Приязненныя отношенія Льва Даниловича къ чехамъ, съ которыми воевалъ отецъ его Данилъ, продолжались до исхода XIII в. Въ 1291 г. «Левъ ѣха въ чехы на снемъ ко королеви, *зале любовь* держаше къ нимъ велику, и докончавъ съ нимъ миръ до своего живота» (Ипат.).

1315 г. въ Краковѣ, король Владиславъ Локотокъ *обязуется* быть вѣрнымъ союзникомъ королей датскаго, норвержскаго и шведскаго и князей руянскаго, мекленбургскаго и вендскаго противъ маркграфа бранденбургскаго, принимая это обязательство и за своихъ внуковъ, *князей русскихъ* (Опис. рукоп. Рум. музея, 81). Обѣтныя грамоты князя Юрія II хранятся въ Кенигсбергскомъ городскомъ архивѣ, гдѣ онѣ обозрѣвались мною вмѣстѣ съ проф. И. Линниченко. Весьма видное мѣсто въ ряду договорныхъ обязательствъ занимаютъ грамоты литовскорусскихъ князей, напр. грамота второй полов. XIV в. вел. князя Дмитрія-Ольгерда (Arch. Sang. т. I, № 1): Нѣкій «dominus Lochka, dux ruthenorum», въ 1338 г. выдалъ, въ Вышеградѣ, обѣтную грамоту Карлу венгерскому (Турочъ). Такова же грамота 1386 г. смоленскаго князя Юрія Святославича, данная Владиславу Ягайлѣ съ обязательствами, принятыми на себя первымъ и по отношенію къ Скиргайлѣ (Arch. Sang. I, № 4), присяжная грамота гольшанскаго князя Іоанна Ольгимунтовича 1400 (А. З. Рос. I, 28) и мн. др. Въ 1412 г. Сигизмундъ венгерскій *обѣщала* Владиславу польскому и Александру-Витольду, в. кн. литовскому, пребывать съ ними во взаимной любви и братствѣ, какъ это *обѣщали* Владиславъ и Витольдъ ¹⁾. Обѣтныя окончательныя грамоты обыкновенно опираются на взаимную любовь и вѣчное докончаніе (Пам. динг. свощ. I, 38, 39). По церковнымъ дѣламъ онѣ исходили нерѣдко отъ духовенства. Такъ митрополитъ Кипріянь и архіепископъ ростовскій Феодоръ грамотою 1389 г. *обѣщиваются*... даютъ *обѣты* согласно съ тѣмъ, какъ установлено и съглашено бысть промежи ихъ, ближнему царя греч. нотарію Діерминеѣту» (А. Ист. I, № 252).

Поясненіе лѣтописца — «*Створиъ же миръ* Святославъ съ греки, поиде и греческіе источники (Левъ Діаконъ, Кедринъ, Зонара) подтверждаютъ, что письменное удостовѣреніе Святослава Игоревича въ Доростолѣ было вспомогательнымъ актомъ, обѣтною грамотою, которая подлежала сообщенію Царискію чрезъ посольское «повѣданіе», какъ царю Роману — грамота Игоря, и условія которой болѣе или менѣе подробно излагаетъ Левъ Діаконъ. Соотвѣтственно предварительному соглашенію о возстановленіи *прежнихъ* дружескихъ сношеній, договоромъ Святослава съ греками возобновлялся въ главныхъ чертахъ договоръ 945 г., несмотря на крайне неблагоприятно сложившіяся для русскаго князя обстоятельства, едва ли позволявшія ему твердо опереться на весь народъ свой въ лицѣ принявшихъ присягу за всю русь, ибо сообщеніе съ Кіевомъ было затруднено. Совер-

¹⁾ Въ грамотѣ, между прочимъ, приводится соглашеніе объ уступленной Владиславу части земель русскою, по раздѣлу Буковины и Молдавіи. Берладъ и Килія отходили къ Сигизмунду, Ясскій Торгъ и Фейерваръ или Бѣлгородъ (нынѣ Аккерманъ) къ Владиславу (Cod. dipl. regn. Pol. et m. duc. Litw.).

шеніе такого мирнаго договора разумѣть и наша лѣтопись, не приведи его неотысканнаго, вѣроятно, текста, но ограничившись, «по нужѣ», сообщеніемъ уцѣлѣвшаго односторонняго обязательства Святослава вѣчно и неизмѣнно пребывать въ мирѣ и любви съ греческими царями, не поднимать оружія на Грецію и подвластныя ей владѣнія, — «ни на власть Корсуньскую», а также на Болгарію, и воздерживаться отъ подстрекательства другихъ народовъ къ походу на Грецію: «ни языка *иною приведе* на страву вашу»¹⁾. Клятва Святослава двукратно упоминается въ его утвердительной грамотѣ, — предварительная, какъ событіе прошедшее, и окончательная: «яко же *клясся и утвержаю* на свѣщанъ семь *роту свою*... яко же *клясся* къ царемъ гречскимъ и со мною бояре и русь вся, да схранимъ правая свѣщанья»... Святославъ подтвердилъ клятву, учиненную за него и всю русь послами исполнять ту конвенцію, на которую дѣлается ссылка въ заголовкѣ грамоты и припискѣ къ ней: «Равно другого свѣщанья, бывшаго при в. князѣ Святославѣ»... и т. д. — «Се же имѣйте *воистину якоже створихомъ*», — т. е. въ удостовѣреніе *заключеннаю нами мира*, — «нынь къ вамъ *написахомъ*»²⁾ на харатъи сей, своими печатями запечатахомъ». Последняя приписка исходитъ *отъ пословъ*, препроводившихъ Цимисхію обязательство Святослава, согласованное съ мирнымъ договоромъ. Въ выраженіи. «Се же имѣйте (въ нѣкот. списк. «имѣете») во истину, якоже сотворихомъ», истина, несомнѣнно, обнимаетъ мирныя условія, какъ и въ договорѣ Игоря: «и ти», — т. е. Игорь и люди его, — «принимающе харатію, на роту идуть хранити *истину*»³⁾ яко мы *свѣщахомъ*, написахомъ на харатію сю, на ней же суть имена наша написана». Выраженіе «хранити *правая свѣщанья*» тѣсно связано съ выраженіемъ «хранити *истину* яко мы *свѣщахомъ*». Обѣтъ Святослава покоптея на нелицемѣрномъ свѣщаньи, предшествовавшемъ мирному докончанью и въ него перенесенному («равно другого свѣщанья»). Постатейное существо этого именно мирнаго свѣщанья, перенесенное въ докончальную грамоту, — скрѣпляется Святославомъ: «и утвержаю на *свѣщанъ семь роту* свою: хочю имѣти миръ и

¹⁾ Подобное обязательство — въ первомъ договорѣ римлянъ съ кароагенянами. Ср. сказанное Изаславомъ въ 1159 г.: «язъ *сожю* угры и всѣ земли (на тѣхъ) кто ми во-рогъ» (Ипат. 285). Цѣмъ и Русь, *иноязычники* и лихи... (Ів. 558). При вторженіи Святослава въ Болгарію ему помогали угры и печенѣги.

²⁾ Неправильно читають: «яко же створихомъ нынь къ вамъ».. Такъ безграмотно не писали бы дипломаты въ X в.

³⁾ Стоять въ хрестьномъ цѣлованьи со всею правдою *истинною*. Правда же *истина* съ нимъ ходяще, «справдою ободченъ, *истинною обитъ*» (Ипат. 605—607).

свершену любовь»..¹⁾ Рота—клятвенная формула, какъ и въ сербскихъ актахъ—«ротисмо се и присегаемо;—ротихъ се на светомъ евангелию хрестову» (F. Miklosich: Monum. Serb. 256, 307). Мирный договоръ расчленяется надвое въ обѣтной грамотѣ («правая свѣщанья») для устранения сомнѣнія въ томъ, что подтвержденіе клятвы обнимаетъ оба момента совершенія мирнаго договора—я предварительный, и окончательный. Ссылка въ словахъ: «Аще ли отъ тѣхъ самѣхъ *прежсереченыхъ* не съхранимъ».. относится не къ совокупности лицъ, долженствовавшихъ блюсти договоръ, (въ актѣ 945 г.: «хранити отъ... всѣхъ боляръ и отъ всѣхъ людей»), но къ приведеннымъ въ грамотѣ договорнымъ условіямъ. Такъ напр. и въ грамотѣ императора римскаго Максимилиана къ Иоанну III Васильевичу 1491 г.: «А на тѣхъ на всѣхъ на *прежрльченныхъ* рѣчахъ крѣпости... изъ истинны и сердечныя любви хочю свою правду свершити и всѣ прежписанные рѣчи докончати по сей грамотѣ, на которой есмь крестъ цѣловали» (Собр. Гос. Грам. и Дог. ч. V, № 14). Переговоры, непосредственно предшествовавшіе изготовленію утвердительной грамоты Святослава, въ лѣтописной передачѣ не вполне иллюстрируютъ ея текстъ, вслѣдствіе чего необходимо допустить поэтическую скомканность лѣтописнаго разсказа²⁾, добросовѣстнаго и правдиваго, но венашедшаго себѣ достаточно плодотворной почвы въ архивномъ матеріалѣ. Быть можетъ, лѣтописецъ располагалъ только черновымъ, привезеннымъ Свѣнелдомъ въ Кіевъ эскизомъ русскаго текста грамоты, въ томъ видѣ какъ онъ составленъ въ Доростоля, при печальной обстановкѣ, живо изображенной въ лѣтописи. Договоръ представлялся весьма невыгоднымъ для Руси и оскорблялъ ея національную гордость. Съ отчаянья Святославъ медлилъ возвращеніемъ въ Кіевъ. Не принявъ благоразумный совѣтъ Свѣнелда пробраться туда въ обходъ печенѣговъ сухопутьемъ, онъ избралъ опасный путь, на лодьяхъ, къ днѣпровскимъ порогамъ.

¹⁾ Ср. въ грам. 1560 г.: «Чтобы межъ государей *совершенная любовь утвердилася* и покою хрестьянскій навѣи» (Сб. Русск. Ист. Общ. т. 71, № 1). Въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ актахъ прямо говорится, что послы цѣлуютъ крестъ за великаго князя; напр. въ Памяти посламъ Юрью и Василью XV в.: «И какъ поцѣлуетъ крестъ король (Максимиліанъ) на той грамотѣ (докончальной), и Юрью и Василью въ нему крестъ цѣловати за вел. князя доколѣ князь вел. самъ цѣлуетъ крестъ къ королю предъ его послами» (Пам. дипл. снош. I, 41).

²⁾ Н. Костомаровъ сильно ошибался, говоря, что наши первые лѣтописцы, писавшіе о событіяхъ въ ихъ отечествѣ IX и X вѣковъ, за исключеніемъ письменныхъ *греческихъ* извѣстій, не имѣли другихъ источниковъ, кромѣ изустныхъ народныхъ преданій, которыя, по своему свойству, подвергались вымысламъ и измѣненіямъ (Русск. Ист. къ жизнеоп., т. I, стр. 1).

Договоры 907, 912 и 945 г. русские скрепили: первые два языческою, третій—частью языческою, частью христіанскою клятвою. Какою клятвою удостовѣренъ договоръ Цимисхія съ Святославомъ, возражавшимъ своей матери Ольгѣ на убѣжденіе креститься: «како азъ хочу ивъ законъ прияти единъ, а дружина сему смѣяться начнуть?» Коль скоро Святославъ не препятствовалъ подданнымъ своимъ принимать крещеніе, то освященіе того договора и христіанской ротой было бы вполне естественно. Судя по религиозно-назидательному, въ христіанскомъ духѣ, тону приѣма, оказаннаго въ 912 г. русскимъ посламъ въ Царьградѣ («царь Леонъ учаще я къ вѣрѣ своей»), они все были язычниками, и въ самой договорной грамотѣ того года противопоставляются христіанамъ грекамъ, хотя часть южно-руссовъ, несомнѣнно, была крещена во второй половинѣ IX вѣка. Въ 945 г. присяжная формула дробится: «Мы же, елико насъ хрестилися есмы», заявляютъ русскіе послы и гости въ текстѣ договорной грамоты, — «вляхомся церковью святаго Ильѣ въ сборнѣй церкви, подлежащимъ честнымъ крестомъ и харатьею сею»... О клятвѣ *некрещеныхъ пословъ и юстей въ Царьградѣ* не упоминаетъ грамота, но они должны были ее произнести тамъ, какъ въ 907 и въ 912 г. Послы и гости поклялись за себя и за всѣхъ русскихъ—крещеныхъ и некрещеныхъ («не преступати ни намъ, ни иному отъ страны нашей»). Е. Голубинскій, В. Сергѣевичъ, А. Димитріу и мн. др., по недоразумѣнію, переносятъ мѣсто клятвы русскихъ представителей въ *царьградскую* церковь св. Ильи. С. Гедеоновъ, Н. Барсовъ и др. хотя принимаютъ названную въ грамотѣ церковь св. Ильи за кievскую¹⁾, но утверждаютъ, что присяга въ ней-то и принималась послами и гостями. Оба мнѣнія противорѣчатъ тексту грамоты. Клялись русскіе представители *въ Царьградѣ*, по ихъ заявленію, не въ церкви св. Ильи, а *церковью св. Ильи, въ соборной великой церкви св. Софіи*, каковою царьградскій Софійскій храмъ, послужившій прототипомъ кievской Софіи, заложеной Ярославомъ, слылъ у грековъ и русскихъ. Такъ какъ въ немъ происходилъ вселенскій соборъ при патріархѣ Фотіѣ въ 879 г., то его и называли иногда соборною вселенскою церковью²⁾. Клятва *церковью св. Ильи*, предъ честнымъ крестомъ, предполагающая соблюденіе каноническаго закона, произнесена русскими христіанскими послами и гостями для того,

¹⁾ Стояла «надъ Ручаемъ» (Лавр.), «надъ Ручьемъ» (Ипат.).—«Въ 1105 г. погорѣша въ Кіевѣ хоромы отъ Ручія, мимо Славно, до святаго Ильи» (Новг., Тв.).

²⁾ Іоаннъ Цимисхій, возвратившійся въ Царьградъ послѣ войны съ Святославомъ, «принесъ моленіе въ великомъ храмѣ Премудрости Божіей» (Левъ Діаконъ). Взять благоговеніе отъ св. Софіи и патріарха значило «быть священу патріархомъ и великимъ соборомъ Костянтинограда» (Ипат. 345). Въ 1238 г. отъ нашествія татаръ Новгородъ «вступи св. Софіа соборная и апостольская церкви» (Троицк. лѣтоп. т. I, стр. 225). Въ грамотѣ Константинопольскаго патріарха Антонія 1393 г. читаемъ: «Собравшійся съ митрополитами на поставленіе, и господина Фотѣя въ *сборной вселенской* церкви Константинограда на превысочайшій престолъ руския митрополіи.. сами язвахомъ его» (А. Ист. т.

чтобы придать болѣе вѣса присягѣ ручательствомъ своею центральною національною святынею, первымъ православнымъ соборнымъ храмомъ кievскимъ, который возникъ въ пору разрушенія вапищъ или ропатей (Иларіонъ) и былъ свидѣтелемъ, если не самаго крещенія принявшихъ христіанство уполномоченныхъ русскихъ, то по крайней мѣрѣ присяги Игоря и людей его въ Кіевѣ по заключеніи мирнаго договора. По условію, «отходяче посломъ царства нашего, да допровадятъ къ вел. кн. русскому Игореву и къ людямъ его и ти, пріимающе харатью, на роту идуть». Дѣйствительно, вслѣдъ за возвращеніемъ русскихъ уполномоченныхъ въ Кіевъ, «хрестьяную русь водиша ротѣ въ церкви св. Ильѣ, се бо бѣ *сборная* церкви, мнози бо бѣша *варязи* хрестьяне». Слова пояснительныя буквально заимствованы изъ Рембертовой «Vita Ansgarii», гдѣ онѣ отнесены къ жителямъ Шлезвигу—«Multi namque ibi antea erant christiani» (Pertz. II, 709), а христіанство въ тѣхъ странахъ возникло, когда учреждено было, въ 834 г., утвержденное папой Григоріемъ IV архіепископство Гамбургское, къ которому принадлежали земли датчанъ, шведовъ, норвергцевъ, эстляндцевъ и иныхъ сѣверовосточныхъ народовъ. Отсюда обнаруживается, что между христіанами кievскими преобладали лица *варяжскаго* происхожденія¹⁾. Неудивительно, что и большинство уполномоченныхъ русскихъ въ 945 г. были варяги. Какъ въ Царьградѣ, такъ и въ Кіевѣ обрядъ присяги христіанской совершенъ въ главной—*соборной* церкви, съ подобающей важности самого договора торжественностью. Въ христіанскомъ религіозномъ культѣ русскихъ пророкъ Ильѣ, коего огненное восхожденіе на небо всегда, со введеніемъ христіанства, праздновалось 20 іюля (Лавр.

I, № 254). Митрополитъ кievскій Фотій въ окружномъ посланіи писалъ: «Сборная и апостольская церкви Константинограда... Кіевскія и всея Руси митрополю позначальнаго чина и пошлныи, строятъ пощеченіе и бреженіе и посылають единого митрополита Кіеву и всей Руси» (Ib. № 19). Въ 1438 г. вел. кн. Василій Васильевичъ писалъ греческому царю: «Владиміръ назвалъ св. Союю святою великою *сборною* и апостольскою церковью царствующаго града, Премудрости Божіа» (Сое. 2 лѣтоп. т. IV, 163). Въ 1448 г. онъ же писалъ царю Константину Палеологу: «Церковь наша русская, святѣйшія митрополю рускіа, святыя Божія *вселенскія* *сборныя* апостольскія церкви Премудрости Божія святыя Союя Царьградскія благословенія требуетъ и ищетъ» (А. Ист. т. I, ср. № 262). Въ предсловіи посланія 1437 г. Исидоръ, архіепископъ кievскій и всея Руси, говорятъ, что Русь подлежитъ «*сборной* церкви Константинопольстей» (Воскр. т. VIII, 106). Авторъ сказанія о взятіи Царьграда въ 1453 г. Махметомъ Амуратовымъ сыномъ называетъ св. Союю просто *великою* церковью Премудрости Божіей (Воскр. т. VIII, 125, 137). Подъ 1472 г. записано: «Князь венедейскій... хотя ити на турского царя, что въ Царьградѣ сидитъ, взявъ за собою хрестьянскій градъ и церковь *великую* Союю въ мизгитъ (мечеть) учини, и же созда Юстиніанъ великій царь» (Сое. II, т. VI, 196).

¹⁾ Одинъ изъ нихъ Олма поставилъ церковь св. Николая на Аскольдовой могилѣ. Служившій долго при Владимірѣ св. Олавѣ Тригвѣй получилъ имя Olium'a (См. саги о немъ въ Ant. rus. I, 409).

подъ 1217 г.), сталъ вытѣснять Перуна и Волоса. Объ этомъ поворотѣ, происшедшемъ несмотря на противоудѣйствіе приверженцевъ попа Богомила, даютъ ясное понятіе разные апокрифы вродѣ бесѣды св. Андрея съ Епифаніемъ. Переходная ступень отъ Перуна и Волоса къ св. Ильѣ отчасти раскрывается сѣвернымъ названіемъ славянскаго языческаго божества Юломъ. Въ сказаніи объ Оттонѣ Бамбергскомъ, сообщающемъ много интереснаго о прибалтійскихъ *рутенахъ*, приводится увѣщаніе епископомъ волинцевъ прекратить поклоненіе Юлу и его коню (хрон. Eppo). Надо полагать, что подъ Юломъ (Julius) кроется Волосъ¹⁾. Такимъ образомъ христіанская клятва, въ корнѣ, сходилась бы съ языческою — Волосомъ. Обращеніе къ главному отечественному храму, при произнесеніи, по разнымъ случаямъ, клятвы, практиковалось и позднѣе. Напр., въ 1219 г. новгородскій посадникъ «Твердославъ, позря на св. Софію, рече: аще буду виноватъ, да буду тѣ мертвъ, буду ли правъ, ты мя, Господи, оправя» (Тверск. т. XV. 328) Въ отличіе отъ договорной грамоты 912 г. формула роты нехристіанской цѣликомъ приведена въ договорномъ актѣ 945 г., гдѣ въ предисловіи и послѣсловіи она искусно сочетается съ клятвою христіанскою: «Елико ихъ крещенье (въ Ипат. «священіе») прияли суть, отъ страны Рускыя, да примуть месть отъ Бога Вседержителя, осуженье на погибель и въ сій вѣкъ и въ будущій. И елико ихъ есть *не хрещено*, да не имуть помощи отъ бога *ни*²⁾ отъ Перуна, да не ущитятся щиты своими и да посѣчени будутъ мечи своими, и отъ стрѣлъ, и отъ иного оружья своего, и да будутъ раби въ сій вѣкъ и въ будущій». Такъ формулирована клятва въ предисловіи. — И въ концѣ договорной грамоты формула присяги приведена сперва христіанская, потомъ языческая. Язычникамъ надлежало поклясться богомъ Перуномъ — «да будетъ клять отъ бога и (онъ) отъ Перуна. Подобная клятва была произнесена вѣвогда аварскимъ каганомъ надъ обнаженнымъ мечемъ: «Если нарушу клятву, да погубнемъ отъ меча я самъ и мой народъ; пусть поразятъ насъ Богъ молніей, пусть небо, горы и лѣса обрушатся на наши головы» (подробн. м. проч. у Гиббона). Нехристіанская клятва сопровождалась наступленіемъ ногами на мечи (Генрихъ Латышъ, гл. XVI). Преступившаго присяжный обѣтъ, освещенный цѣлованіемъ креста, христіанское закліаніе одинаково обрекало

¹⁾ По преданію, сообщенному Давидомъ Хитревымъ, гибель Юлина побудила *рутеновъ* переселиться въ Русь, гдѣ они и основали «*ducatum Wulinenzem*». Поклоненіе коню (англ. horse) совпадаетъ съ почитаніемъ *Хорса*.

²⁾ Ср. напр. отзывъ короля угорскаго Андрея о городѣ Владиміръ-Волинскомъ. подобнаго которому онъ «не избрѣтохъ *ми* въ нѣмецкихъ странахъ» (Ипат.), Различное употребл. этого отрицат. союза см. въ Словарѣ др. русск. яз. И. Срезневск., стр. 443—445. — Въ догов. 945 г.: «*ни* у св. Елѣерья».

на смерть и постоянныя муки въ жизни загробной; за преступленіе Божьей правды и истинны, по словамъ пророка, — «*оружіе вы поясть*» (Воскрес. т. VIII, 102). — «Да не преступаютъ честнаго креста, цѣловавше его, аще ли преступятъ, то и сдѣ примуть казнь и на преидущемъ вѣцѣ казнь вѣчную» (Ипат. 121). За обиду церковнаго суда виновные, по древнему его Уставу, — «да будутъ прокляты въ сій вѣкъ и въ будущій» и т. д.. Формула присяги мѣнялась по обстоятельствамъ времени и мѣста, но внутреннее ея значеніе оставалось всегда одно и то же — Божья месть за нарушеніе клятвы: «Побій мя Богъ въ души и въ тѣлѣ». — «А не учнутъ правити крестнаго целованья, ино на того Богъ... и моръ и голодъ и огонь и мечъ» — «Кляти и прокляти въ сей вѣкъ и будущій, и душа его да буди въ огни и съ сотоною и съ бѣсы»¹⁾ — Встарину обращалось дипломат. ми большое вниманіе на способъ цѣлованія креста. Такъ русское посольство царя Ивана Васильевича требовало отъ польскаго короля Сигизмунда Августа, дабы онъ на мирныхъ грамотахъ «самый крестъ цѣловалъ прямо губами, а не въ подножье и не мимо креста, да и не носомъ» (Сб. Русск. Ист. Общ. т. 71, № 25). Мы видимъ, что нарушителямъ договорной клятвы X в. угрожала месть отъ Бога Вседержителя; виновные, по языческой формулѣ, лишались помощи верховнаго божества Перуна, гибель отъ стрѣлъ и иного оружья своего, посѣченіе собственными мечами. Стрѣлы и иное оружье — смертоносныя орудія Перуна, впоследствии превращенныя нашими книжниками въ «стрѣлы дьявола — миродержца князя вѣка сего» (Лавр. 207), но народное повѣрье объ огненныхъ стрѣлахъ, пускаемыхъ грознымъ Перуномъ, оказалось весьма живучимъ, провикнувъ во многіе памятники письменности, въ томъ числѣ и въ лѣтопись: «Прииде стрѣлка изъ грома» (Соф. II, 33). «Убила на Завелпчѣхъ стрѣлка громомъ отъ войскихъ» (Псковск. 312). Иногда происхожденіе пожара народное воображеніе относило къ «Перунову запаленію» (Сб. Муханова, № 94). — Преступившій присягу, сказано въ языческой ротѣ договора 945 г., «изъ князей или изъ людей русскихъ, христіанинъ или не христіанинъ, пусть будетъ заколотъ собственнымъ оружіемъ, достоинъ будетъ умереть посредствомъ собственнаго оружія, и пусть будетъ клятъ отъ бога *омъ* — отъ Перуна», — старѣйшаго бога (Густ. лѣтоп.), творца молніи и грома (Прокопій), верховнаго и всемогущаго божества славянъ (Гельмольдъ), обрушавшаго свой грозный гнѣвъ на руссовъ ударами молніи (Ибнъ-Фадланъ). Въ 941 г. русскіе изъза того и не одолѣли грековъ, что послѣдніе трубами пускали въ нихъ

¹⁾ Я. Гловацкій: Памятн. древн. письм. Обол. и Данилов. т. II, № 70. Ревизія пущъ, изд. Виленск. Ком. 294). По Гельмольду, — «*jugate apud slavos quasi perjurare est ob vindicem deorum igam*». Король угорскій говорилъ Владимиру Галицкому, когда послѣдній поцѣловалъ крестъ: «не будешь живъ, если преступишь клятву» (Ипат.).

оговь, ожигавшій ихъ «яко молонья»¹⁾. Пѣвцы долго потомъ повторили уподобленіе огненныхъ орудій, которыми выжигали непріятельскую землю, съ молніей: Ляхомъ... сулицами мечуще и юловнями яко молонья» (Ипат. 538, 539). Въ существѣ клятвы договора соответствуетъ Исанному пророчеству, истолкованному Златоустомъ: «Азъ предамы вы на оружіе и вси заколеніемъ падете». Въ лѣтописи: «Оружіе ихъ (грѣшниковъ) видеть въ сердце ихъ» (Лавр. 233). «Почто плачь и клятеу на ся влечеши», вопрошаетъ Серапіонъ въ поуч. XIII в., или безсмертенъ еси, не чаеши ли суда Божія», т. е. смерти? Воины Святослава, не надѣявшіеся на свое спасеніе, лишали себя жизни для избѣжанія поворной участи сдѣлаться рабами своихъ побѣдителей (Левъ Діаконъ). Вообще, быть скованнымъ почиталось варварами величайшимъ позоромъ (Тадить). Рабство посмертное, по предсташенію лѣтописца, постигло Святополка окаяннаго: «по смерти вѣчно мучимъ есть и связанъ» (Ипат. 102). При утвержденіи договора 945 г. Игорь съ мужами влялся на холиѣ «где стояше Перунъ». По дальнѣйшему лѣтописному разсказу (подъ 980 г.), кумиры *друмиа* языческихъ боговъ—Хорса, Дажьбога, Стрибога, Симаргла и Мокоши (изъ нихъ *Дажьбогъ* въ Хожденіи Богородицы по мукамъ замѣненъ *Волосомъ*), были поставлены въ Кіевѣ Владиміромъ Святославичемъ, но въ Новгородѣ дядя его Добрыня поставилъ, надъ Волховомъ, одного кумира Перуна, низвергнутого въ 991 г. архіепископомъ Іоакимомъ. Клявшіеся соблюдать договоръ некрещенные руссы должны были положить, и въ самомъ дѣлѣ клали, на землю вмѣстѣ съ оружіемъ золотые обручи («полагають обручъ»,—«покладоша золото»), о которыхъ упоминаетъ, согласно съ Светоніемъ, Страбонъ (lib. XI), говоря о донскихъ *аорсахъ*, «по богатству ходившихъ въ золото», и писавшій около 912 г. Ибнъ-Даста, какъ о ручномъ украшеніи мужчинъ у *руссовъ*. Вотъ почему, мнѣ кажется, что когда «ходи Игорь ротъ и люди его, елико поганыхъ руси»²⁾, клявшіеся присоединяли къ имени Перуна и имя Волоса. Въ грамотѣ Святославовой 971 г. рота изложена нѣсколько иначе: «да имѣемъ влятву отъ Бога и—въ него же вѣруемъ (т. е. и того, въ котораго вѣруемъ),—въ Перуна и въ Волоса «скотья бога, и да будемъ золоти (желты) яко золото»³⁾, и своимъ оружіемъ да посѣчены буд(мъ)» (ср. Радз.). Христіанская клятва, по послѣдствіимъ нарушенія договора, и тутъ

¹⁾ Ср. «живые шероширы» и «возани (возженные) стрикусы» въ Сл. о полку Игоревѣ.

²⁾ На роту шли, конечно, не все люди, но въ лицѣ избранныхъ *мужей*. Имъ надлежало дать обѣщаніе хранить договоръ «отъ Игоря и отъ всехъ бояръ и отъ всехъ людъ и страны Руске».

³⁾ Исзохнемъ, сгоримъ отъ небснаго огня (Буслаевъ: «О вліаніи христіанства на славянскій яз.». Въ Лавр.: «да будемъ колоти».

сливается съ языческою, какъ въ договорной грамотѣ Игоря: «крещенъ или не крещенъ, да не имуть помощи отъ Бога»... не дѣлая рѣзкаго разграниченія христіанъ отъ не христіанъ, по Іоакимовой же лѣтописи, въ дружинахъ Святослава были и христіане. Въ предъидущихъ двухъ договорахъ русскихъ съ греками вполне безразлично для христіанъ и язычниковъ превозносятся *божественная* природа мира. Въ 907 г. и, вѣроятно, въ 912 г. руссы клялись двумя божествами языческими—Перуномъ и Волосомъ, особенно чтившимся, чаще подъ именемъ Велеса, въ Ростовской и, кажется, Тмутороканской областяхъ ¹⁾, а въ 945 г. богомъ Перуномъ По удостовѣренію лѣтописца, русскіе послы клялись въ 907 г. за Олега и иныхъ, а потомъ, конечно, и самъ Олегъ, *по русскому закону*, оружіемъ своимъ и Перуномъ, богомъ своимъ ²⁾, и Волосомъ, скотымъ богомъ, источникомъ всякаго обилія и матеріальныхъ благъ, покровителемъ торговли (Ибнъ-Дада, Ибнъ-Фадланъ). Въ 912 г.—послы, по ихъ выраженію, «кленшеса оружіемъ своимъ... по закону и по покону языка нашего», т. е. по вѣрѣ и по правилу народа русскаго ³⁾. Князьямъ и посламъ русскимъ варяго-русскаго происхожденія вполне приличествовало присягать за всѣхъ русскихъ по ротѣ, усвоенной племенами славянскаго типа, составлявшими ядро населенія Русскаго государства. Притомъ Перунъ и Волосъ, причисляемые и Густынской лѣтописью къ богамъ русскимъ (т. II, 256, 257), почти только номинально отличались, по ихъ выдающимся свойствамъ, отъ боговъ некрещеныхъ норманновъ Одина и Тора. Последнее имя переносится скандинавскими сагами на родоначальника норманскихъ королей Трояна или Тора (Эдда, см. Ant. rus. I), памятнаго у насъ не только по произведеніямъ литературнымъ (Слово о полку Игоревѣ, «Хожд. Богородицы по мукамъ»), но и по названію рѣкъ (Торъ и Торецъ). Символическое значеніе клятвы надъ золотомъ толкуютъ разное, но несомнѣнно, что золото почиталось твореніемъ Волоса, справедливо отождествляемаго большинствомъ ученыхъ съ солнцемъ—Дажьбогомъ ⁴⁾ и названнаго Ипатскою лѣтописью золотымъ или златоноснымъ: «Овня бо глаголаху, яко *златомъ Власомъ* поверзена есть церкви *отъ небесе* и *тѣмъ же* утвержена» (стр. 479, подъ 1200 г.). Власіемъ именуется Волосъ и въ Тверской лѣтописи

¹⁾ Житіе Авраамія + 1010 г., надпись на крестѣ, данномъ Авраамію «побѣдiti вдова Велеса при князѣ Владимірѣ», и Слово о полку Игоревѣ.

²⁾ «Жрѣху ему новгородци аки богу» (лѣтоп. подъ 980 г.).

³⁾ Ср.: грам. 912 г.: «любовь утвердити по вѣрѣ и по закону нашему», — «толцѣмъ же прибудеть по закону»; подъ 1229 и 1247 г.: «яного *языки не рускаго*»—буди ты старѣй всѣмъ княземъ *въ рускомъ языкѣ*».

⁴⁾ Слич. догов. выраж.: «Дондеже *солнце* съяеть, и весь миръ стоитъ»... Отъ солнца заимствовала свѣтъ свой и русская «*свѣтлость*», т. е. князья.

(стр. 39), и въ двустышн Іоанна Геометра (Васильевскій: Русск. визант-отрывки), и въ народной поговоркѣ: «Егоръ да Власъ—всему богатству глазъ». Моленіе русскихъ торговцевъ въ Итилѣ о направленіе къ нимъ покупателей съ золотыми и серебряными деньгами (Изв. мусульм. писат.) обращено было очевидно къ Волосу. Геродотъ упоминаетъ о священномъ *золотѣ*, палладіумѣ свифской народности, ниспосланномъ съ неба, благоговѣнно хранимомъ царями свифскимъ и чествуемомъ въ народѣ періодическими жертвоприношеніями. Кажется мнѣ, какую-то связь съ Волосомъ имѣетъ и «звѣзда хвостатая»—(комета), си же звѣзда нарѣчается *власатая* (Ипат. 570), т. е., быть можетъ, ведущая свое происхожденіе отъ Волоса¹⁾. Въ припискѣ къ договору 945 г. греки убѣждали Игоря блюсти договоръ для отвращенія гибельныхъ послѣдствій нарушенія клятвы «*будеть* достойно своимъ оружіемъ умерети, — и да *будеть* клять»..., обращаясь къ нему съ такимъ внушеніемъ: да еще *будеть*,—*добрь* (хорошо) Игорь великій князь *да хранитъ* си любовь правую». Полнымъ доказательствомъ правильности моего чтенія, идущаго наперекоръ принятому—«да еще *будеть добрь*»—служитъ выраженіе Ипатской лѣтописи подъ 1162 г. Князь Андрей просилъ разрѣшенія у епископа Леона ѣсть мясо въ среду и пятокъ; епископъ же повелѣлъ ему «только одну недѣлю порозную ѣсти мяса въ среду и въ пятокъ, а прочего *добрь хранити*»..

Святославъ, принимавшій еще дитятей, чрезъ посла своего Вуефаста, участие въ договорѣ 945 г., который самъ обновилъ въ 971 г., утвердивъ присягой,—палъ, по кievскому преданію, жертвою клятвопреступленія, какъ и Игорь. Лѣтописецъ кievскій не безъ задней мысли нравственнаго поученія сближаетъ произнесенную Святославомъ присягу: «да будемъ *золоти* яко золото се... да умремъ» съ остановкою его *на зиму* («озимѣвъ»), вопреки договорамъ съ греками, въ днѣпровскомъ Бѣлобережьи или Лукоморьи (по арх. сп.). Ближайшей причиной впаденія Святослава въ бѣду послужило нарушеніе имъ клятвы; но, «творя норovy поганьскія», онъ заслуживалъ Божьей кары, въ представленіи лѣтописца, и за ослушаніе своей матери Ольги принять крещеніе (подъ 955 г.), и за ругательство надъ христіанами, какъ «ругашеся христіаномъ и вѣкій вельми сильный князь, сидѣвшій въ Вислѣхъ, крестившійся «нудми», по предсказанію Мефодія, за отказомъ креститься добровольно. Наряду съ братолюбіемъ и другими священными завѣтами прародителей, отступленіе отъ которыхъ навлекло на виновнаго справедливый гнѣвъ Божій (судьба окаяннаго Святополка и т. под.), ослушаніе матери и впоследствии ставилось въ непремѣнную обязанность

¹⁾ Что касается формы «Велесъ», то она образовалась подъ влияніемъ ветхозавѣтнаго преданія объ *Уеселѣ*, замыслившемъ цѣсни и гусли (Тверск. 86 и др.), почему пѣснотворецъ Бонинъ—внукъ *Велесова* (Сл. о ц. Игоревѣ).

русскимъ князьямъ. Въ духовной вел. князя Дмитрія Ивановича 1339 г. нѣсколько разъ повторено: «а матери своее слушайте». Послѣ жестокихъ мукъ, испытанныхъ въ Бѣлобережьи отъ голода («зубовъ гладныхъ»), нп-спосланнаго богомъ Волосомъ, когда истощались запасы взятаго у грековъ брашна, питаясь кониной, покупавшейся чрезвычайно дорогой цѣной, едва лишь успѣлъ Святославъ съ остаткомъ войска, при наступленіи весны, войти въ Дѣвиръ, какъ лишенный помощи и Церуна, былъ вѣроломно убитъ печенѣгами, съ коимъ мирный союзъ заключенъ имъ въ 968 г. «И убиша Святослава, и взяша голову его и во лбѣ его здѣлаша чашю, оковавше лобъ его *золотомъ*». Такой же варварскій обычай былъ примѣненъ въ 811 г. болгарскимъ царемъ Крумомъ, повелѣвшимъ сдѣлать пировую чашу съ металлическимъ окладомъ, по болгарскимъ преданіямъ—золотомъ (у Паисія—«оковали ю со *злато*») изъ черепа павшаго съ нимъ въ бою Никифора (Кедрина). Смерть, въ возмездіе за нарушеніе клятвы, часто, по Божьему суду, постигала князей, напр. галицкаго князя Владиміра Ярославича въ полов. XII в. Святославъ храбрый погибъ молодымъ. При началѣ своего княженія, въ походѣ на деревлянъ 946 г., брошенное имъ копье, пролетѣвъ сквозь уши, попало подъ ноги его коня, «бѣ бо вельми дѣтескъ». Если вѣрять Константину Порфир., то въ малолѣтнемъ возрастѣ Святославъ княжилъ въ Новгородѣ (De adm. imp.). Къ 964 г., повидимому, Святославъ вполне возмужалъ. Подъ 942 г., которымъ Ипатская лѣтопись ошибочно отмѣчаетъ смерть Симеона болгарскаго (+ 927 г.), въ Воскресенск. и нѣкот. др. спискахъ, вѣроятно на основ. метрической записи, сказано: «Въ се же лѣто родися Святославъ у Игоря». По той же Воскрес. и др. лѣтописямъ, Святославъ княжилъ всего 28 лѣтъ. Нѣкоторые своды, а за ними Тверской, даютъ Святославу въ 945 г. 15 лѣтъ¹⁾. Полагаю вѣстѣ съ Соловьевымъ, что Святославъ дѣйствительно родился въ 942 г., что въ 946 г. ему было около 4-хъ лѣтъ (Ник. т. X. 19, 23²⁾, и что онъ умеръ 32 лѣтъ³⁾.

¹⁾ Это не было бы вѣрно, еслибы даже годъ его рожденія совпадалъ съ годомъ смерти Симеона.

²⁾ Ср.: «Данилу же тогда дѣтеску еущю, якоже можахе на конѣ взяти» (Ипат. 488).—Василій Ивановичъ, умирая 1534 г., вручилъ царскій скипетръ сыну Іоанну, когда послѣднему наступилъ *четвертый* годъ (Воскр. т. VIII).

³⁾ Отъ смерти Святослава Игоревича до смерти Ярослава Владиміровича лѣтописецъ считаетъ 85 лѣтъ. Однако, если взять число лѣтъ отъ кончины Святослава (972) до кончины Ярослава (1054), то выйдетъ всего 82 года. Думаю, что игуменъ Сильвестръ въ хронологическомъ распредѣленіи событій, доведенномъ до смерти Святополка-Михаила, руководился, между прочимъ, Похвалой монаха Іакова, по которой Владиміръ съѣлъ въ Кіевѣ въ *осьмое* лѣто по смерти отца своего Святослава, именно 11 іюня 6486, т. е. въ

Мирный договоръ 971 г. былъ, по смерти Святослава, подтвержденъ, вѣроятно съ дополненіями, въ 978 г. сыномъ его Ярополкомъ вкорѣ послѣ посольскихъ сношеній руссовъ («руссогит») съ императоромъ Оттономъ въ Кведлинбургѣ, происходившихъ около 973 г., совмѣстно съ греческими послами (Pertz. т. III, 63), и совпадающихъ съ посольствомъ къ нему отъ датскаго Геріольда (A. Altakens.). «Того же лѣта придоша послы отъ греческаго царя (Василія) къ Ярополку и *взяша миръ и любовь* и яшася ему по дань, яко же и *отцу* его и *дяду* его» (Собр. лѣтоп. т. IX, 39). Въ началѣ княженія Владиміра Святославича до успѣшнаго похода его на Корсунь, около 989 г.,—по словамъ монаха Іакова, на третье лѣто по крещеніи,—завоеванный имъ и возвращенный потомъ грекамъ «за вѣно царицы дѣля Анны», тетки Оттона III, которую братья ея Василій и Константинъ принудили будто-бы ѣхать въ Корсунь для вступленія съ Владиміромъ въ бракъ «да ся бы болма на крестьянскій законъ направилъ» (мон Іаковъ) ¹⁾,—мирныя отношенія русскихъ къ грекамъ продолжались по старому. Въ 980 г., расправляясь съ крамольной партіей наярговъ, возбудившихъ къ себѣ народную ненависть насиліемъ и поборами, и стремясь къ переселенію ихъ въ Грецію послѣ убійства Ярополка и наглого ихъ требованія отъ киевлянъ дани по двѣ гривны съ человѣка, Владиміръ отправилъ съ послами дружеское предупрежденіе царю Василію: «Вотъ идутъ къ тебѣ варяги, не позволяй держать ихъ въ Царьградѣ, нето учинятъ тебѣ тамъ такія же пакости, какъ и здѣсь, но расточи ихъ по разнымъ мѣстностямъ, а сюда не пускай ни единого». Вообще переговоры Владиміра съ царями Василіемъ и Константиномъ Романовичами изложены довольно подробно въ лѣтописи нашей, проливая свѣтъ на обыденный порядокъ дипломатическихъ сношеній Руси съ Греціей въ концѣ X столѣтія. Лѣтопись приводитъ содержаніе грамотъ Владиміра—одну съ угрозой взять Царьградъ въ случаѣ отказа отдать за него сестру царей Анну и оповѣщеніе отъ нихъ, начинающееся словами: . . . «не достойтъ хрестьяномъ за поганя даяти», съ увѣщаніемъ креститься; затѣмъ отвѣтъ Владиміра съ изъявленіемъ готовности принять крещеніе, и наконецъ обѣщаніе царей прислать Анну, если Владиміръ крестится. Все это было продолженіемъ сношеній съ императорами, предпринятыхъ въ 987 г. и

---

978 г.. Тогда, при отнесеніи смерти Святослава къ 970 г., выходило бы 37 лѣтъ Владимірова княженія (Ярополкъ 8 л., Владиміръ 37 л., Ярославъ 40 л.=85 л.). Несогласіе погодныхъ записей съ основнымъ хронологическимъ перечнемъ можно объяснить недосмотромъ Сильвестра или его продолжателей.

¹⁾ Принужденіе сопровождалось такимъ увѣщаніемъ: «Греческую землю избавиши отъ лютыя рати, видиши ли колько зла створиша русь грекомъ, и нынѣ, аще не идеши, то же имуть створити намъ».

сопровождавшихся испытаніемъ вѣры. Быть можетъ, въ означенному времени примыкаетъ показаніе Ибнъ-анъ-Надима о посольствѣ владѣтеля кавказскаго къ царю руссовъ (А. Гарк: Сказ. мус. пис. № 18), а также персидскаго писателя Мухамеда-ай-Ауѣя объ отправленіи русскимъ царемъ Владиміромъ четырехъ пословъ изъ своихъ родственниковъ къ хорезмашу, о полученіи ими почетныхъ подарковъ и отряженіи имъ къ русскимъ одного изъ имамовъ поучать ихъ правиламъ ислама ¹⁾. Тогда переговоры съ царями къ желанному соглашенію не привели, иначе Владиміру не представлялось бы уважительнаго повода двинуться на Корсунь. Греческіе и армянскіе историки сообщаютъ, что въ исходѣ X в. Владиміръ посылалъ въ Грецію шеститысячное вспомогательное ополченіе. Возстаніе Варды Фоки было подавлено императоромъ Василиемъ II при участіи вспомогательныхъ русскихъ дружинъ (Шеллъ, Скилица ²⁾). Къ этому моменту приурочиваетъ лѣтопись посѣщеніе Византіи десятью выборными русскими послами для ближайшаго ознакомленія съ греческимъ богослуженіемъ и приходъ къ Владиміру легатовъ отъ папы съ пресловутымъ заявленіемъ: «земля твоя—яко и земля наша, а вѣра ваша—не яко вѣра наша» (986 г.), и такой, приводимый нашими византинистами (Васильевскій, Успенскій и др.) рассказъ арабскаго писателя: «Когда царю Василию угрожала опасность, то, по недостатку собственныхъ силъ, нужда заставила его послать съ просьбою о помощи къ царю враговъ своихъ—руссовъ, который склонился на просьбу, и заключили они между собою договоръ о свойствахъ и женился русскій царь на сестрѣ царя Василя, поставивъ условіемъ крещеніе его самого и его народа». Лѣтописное выраженіе: «живяше Владиміръ по строенью дѣдню и отню» разумѣть, кажется, въ особенности, строенье мирное.

Исторія дипломатическихъ сношеній Россіи съ Византіей въ X вѣкѣ обрывается на глухомъ извѣстіи Никоновскаго свода о приходѣ, около 988—990 г., греческихъ уполномоченныхъ къ Владиміру св.. Послѣ крещенія... «многи послы приходиша изъ грекъ отъ царей со многою честью и зъ дары и съ любовію» (стр. 57) «Того же лѣта 990 придоша отъ греческихъ царей послы о любви». Мирный договоръ открылъ Владиміру, между прочимъ, возможность на вербовать въ Грецію мастеровъ для сооруженія кіевской церкви св. Богородицы. Миру съ греками предшествовало

¹⁾ Сообщ. Бартольда въ IX т. Зап. восточн. отд. Имп. Арх. Общ. Изъ еврейской приписки къ пятикнижію оказывается, что Владиміръ дѣйствительно посылалъ изъ Кіева («князь Рошъ Мешехъ изъ г. Ціубъ») къ хозарскому царю Давиду по дѣламъ вѣры (Д. Хвольсонъ: Евр. надгробн. надп. въ Крыму, 75).

²⁾ Въ византійскомъ трактатѣ по стратегіи упоминается о какомъ-то русскомъ отрядѣ при греческ. императорѣ около того времени (Визант. Врем. т. VII, в. 1—4).

заключеніе Владиміромъ договоровъ съ Болеславомъ польскимъ, Стефаномъ угорскимъ, Андрихомъ чешскимъ: «И бѣ живя Володиміръ съ князи околными миромъ... и бѣ миръ межи ими и любы». О прѣвѣдѣ къ Владиміру пословъ отъ князей чешскаго и ляхскаго сохранилась подѣ 992 г. запись въ Никоновскомъ сводѣ, согласная съ приведеннымъ мною свидѣтельствомъ Длугоша. По словамъ Иларіона, — «единодержецъ Владиміръ покоривъ подѣ ся *имья окружныя страны миромъ*». Любовныя узы, связывавшія Русь съ Греціей, не разрывались и въ первой половинѣ XI вѣка, до 1043 г. По Кедричу, Зонарѣ и др., миръ, въ силу договора и родства греческаго царскаго дома съ русскимъ княземъ, возобновившій право русскихъ вести торговлю съ греками, длился весьма долго, пока не былъ прерванъ въ томъ году, на три года, убійствомъ въ Царьградѣ русскаго мужа, которое вызвало несчастный походъ русскихъ въ Царьграду. Однако, сближеніе ихъ съ греками бросило уже столь глубокіе корни, что въ 1069 г., на вѣчѣ, кіевляне рѣшили въ случаѣ, если Изяславъ отдастъ ихъ ляхамъ на разореніе, то они зажгутъ градъ свой и *ступятъ въ землю греческую*.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Правда, составляющая главный предметъ договоровъ 912 и 945 г., есть, по времени, первый сохранившійся оффиціальныи источникъ нашихъ познаній о русскомъ правѣ. Въ дѣлахъ между русскими и греками каждая договаривающаяся держава опиралась не только на обоюдную, договорную Правду (законъ грекорусскій), но и на свою собственную, національную Правду, ограждавшую, подѣ защитой верховной власти, интересы подданныхъ личные и имущественные. Договоры отъ начала до конца проникнуты правовымъ характеромъ. Къ достиженію «*правой любви*» вело «*правое*» или правовое обсужденіе договорныхъ статей («*право судихомъ*»), выражавшееся въ «*правомъ свѣщаніи*». Корни греческой Правды хорошо извѣстны. Первообразъ Правды Русской или Роськой—«*закона русскаго*» свѣтскаго донныѣ не удалось раскрыть ученымъ. По моему убѣжденію, такимъ первообразомъ послужила Правда *варяго-словенская*. Лѣтописецъ нашъ выставляетъ отсутствіе Правды у обитателей великой и обильной земли, прославшей Русскою,—«*не бѣ въ нихъ Правды*»—однимъ изъ побудительныхъ поводовъ приглашенія варяжскихъ князей¹⁾. Съ ихъ прибытіемъ

¹⁾ Норманнская теорія до послѣдняго времени сильно поддерживается многими учеными. Къ ихъ лагерю примкнулъ Н. Рожковъ въ «Обзорѣ русской ист. съ соціологич. точки зрѣнія». По его мнѣнію,—«мотивы, вызвавшіе появленіе варяговъ, имена пришельцевъ, данныя о ихъ завоеваніяхъ, сомнѣнія возбудить не могутъ... варяговъ—русъ надо считать *норманнами*» (стр. 71 и 72).

туземныя союзныя племена, вошедшія въ составъ Русскаго государства, приняли Правду *домоворную*, сдѣлавшуюся для нихъ обязательною чрезъ примѣненіе въ судебной практикѣ по княжескому приказу и ограничившую господство племенного самосуда и произвола, а вмѣстѣ съ тѣмъ развитіе внутреннихъ раздоровъ, слѣды которыхъ запечатлѣлись въ 16 ст. Псковской судной грамоты: «по грѣхамъ на кого *рода ополчится*». Правда варяго-словенская легла также въ основаніе договоровъ Новгорода съ нѣмцами, нисходящихъ къ XI вѣку, какъ можно предполагать по сохранившимся спискамъ договора конца XII вѣка,—времени новгородскаго князя Ярослава Владиміровича, подтвердившаго *старый миръ* съ ними на началахъ изложенной въ договорѣ Правды. Лѣтописное преданіе содержитъ ясныя слѣды дипломатическихъ сношеній съ варягами союзныхъ чудскославянскихъ племенъ для установленія, по добровольному договору, правового порядка верховною властью иноземнаго князя, «иже бы судилъ (въ нѣкоторыхъ спискахъ «рядилъ») по *ряду*, по *праву*»¹⁾. Иоакимовская лѣтопись знаетъ заключеніе старѣйшиною словенъ Гостомыслемъ, послѣ одержанныхъ надъ ними побѣдъ, *мира* съ варягами.—Упомянутое добровольное соглашеніе на почвѣ *правовой* представляется наиболѣе могучимъ двигателемъ въ образованіи Русскаго государства. Подлинный текстъ договора съ варягами враждовавшихъ между собою племенъ, имѣвшихъ своихъ правителей, но не имѣвшихъ, до его заключенія, обязательной для себя, единой руководящей Правды, не дошелъ до насъ, но съ нимъ знакомятъ лѣтописные его отголоски, статья Ярославовой Правды, въ связи съ договорами между новгородцами и нѣмцами, стремящіяся объединить національныя правовыя обычаи тѣхъ племенъ и заморскихъ варяговъ, коимъ лѣтопись приписываетъ *русское* происхожденіе, а также скандинавскія саги (Эймундова и др.). Знаменательно въ высшей степени извѣстіе большинства лѣтописей подъ 882 г., что изъ Новгорода, по установленію Олега, платилась варягамъ дань—300 гривенъ, «мира дѣля»²⁾; т. е. ради соблюденія или

¹⁾ «... судити имъ (князю и посаднику) взираа въ Правду. . . судити *право* по крестному целованью» (Псков. судн. грам.).—«А судити имъ (посаднику, намѣстнику, тысяцкому) «*право* (Новг. судн. грам.). «Право»—справедливо: «Да аще мя просите *право*» (Лѣтоп. п. 946 г.). «Давидъ глаголаше. . . *право* судите» (Ипат. 94). «Наю слово *право* будетъ» (Ib. 371). Лѣтописецъ, подъ 1015 г., по поводу убійства Святослава Святополкомъ Окаяннымъ, приписываетъ праву божественное происхожденіе: «Аще бо кая земля управится предъ Богомъ,—поставляетъ ей цесаря или князя *праведна*, любяща судъ и *правду*, и властеля (Богъ) устрояетъ и судью *правящаю* (творящаго правый) судъ». (Лавр. 136). Князья давали обѣты *правосудствомъ* (Воскр. 1103 г.).

²⁾ Бояринъ Володиславъ погибъ изъ-за присвоенія себѣ княжеской власти, «*княжескія дѣля*». Дѣти его остались безъ призрѣнія со стороны князей, «того ради» (Ипат. 489).

для сохраненія мира, до смерти Ярослава 1-го, въ Никон.: «дани устави по всей Русстѣй землѣ, словеномъ, кривичамъ, мерянамъ дань даяти варягомъ... еже и нынѣ даютъ». Русская Правда, увѣковѣчившая имя единогодержавнаго русскаго законодателя, и упомянутый договоръ съ нѣмцами уравниваютъ: первая — (послѣ перечисленія состояній русиновъ) права *изюя*¹⁾ (выходца) и *словенина*, второй — *сарма* (иноземца) и *русила* (туземца), съ подчиненіемъ варяговъ во всѣхъ ихъ похожденияхъ на территоріи Русскаго государства мѣстному русскому закону, какъ нѣкогда подчинялъ и эдиктъ Ротара пришельцевъ—*varegang*'овъ мѣстному лонгобардскому закону. По скандинавскимъ сказаніямъ, главенство надъ полночною или верхнею Русью было предоставлено Ярославу 1-му въ качествѣ конунга, съ тѣмъ чтобы полоцкая и сосѣднія области, съ данью, оставались подъ владычествомъ Эймунда. Наша лѣтопись вспоминаетъ, подъ 980 г., полоцкаго князя Рогволода, «пришедшаго изъ-за моря и имѣвшаго волость свою въ Полоцкѣ», который Рюрикомъ былъ данъ въ управленіе одному изъ своихъ мужей (862). Коренныя начала,—«поконы», написанной въ Кіевѣ, но дарованной Ярославомъ сперва новгородцамъ Русской Правды, съ ея терминами, заимствованными отъ нѣмцевъ (вира—*werhgeld*, поле—*kampf* или *kamp*, и т. д.), по духу, по формѣ, по классификаціи преступленій и по языку, во многомъ тождественны съ нормами частнаго международнаго права и ихъ воспроизведеніемъ въ договорахъ русскихъ съ греками X в. .

Положенія договорной Правды 912 и 945 г., составляющія юридическое существо договоровъ, ихъ «истину» (актъ 945 г.)²⁾, можно, для упрощенія, подраздѣлить на три основныхъ отдѣла, смотря по тому, какою ка-

¹⁾ Готское *usgautja* (Морошкинъ). На языкѣ иллирійскомъ *izhajati*—выходить (Иванишевъ). *Вмощься*—выходиться, въ смыслѣ восстановленія способности передвиженія (Акт. Гродн. земск. суда, изд. Виленск. Арх. Ком., т. XVII, стр. 240 и 291). Въ древнемъ Уставѣ о мостовыхъ нагонъ—варяги, давшіе названіе одной изъ улицъ Новгорода (Вареская,—Варяжская), гдѣ стоялъ нѣмецкій дворъ (Новг. I, 1229 г.). Въ законахъ лонгобардскаго короля Ротара, VII в., (сар. 390) постановлено: «*Omnes wargangi, qui ex ceteris finibus in regni nostri finibus advenerint, seque sub scuto potestatis nostrae subdiderint, legibus nostris Longobardorum vivere debeant, nisi legem suam a pietate nostra meruerint*».

²⁾ Слова истина и правда или справедливость употребляются часто безразлично, напр.: «суда судъ истиненъ»,—«истинный судъ правды» (лѣтопись подъ 1212 г. и т. VI, 162). Въ 43 ст. Смоленскаго догов. съ нѣмцами «правый коупьчъ»—истинный купецъ. Ср.: «стоять въ крестномъ цѣлованьи со всею *правдою истинною* величественно;—*правда* и *истина* съ нимъ ходяста;—*правдою* оболченъ, *истиною* обить».. (Ипат. 605—607).

тегорію правовыхъ нормъ онѣ затрогиваютъ: уголовную, гражданскую, или государственную. — Договоръ 912 г. системѣ преступленій и наказаній предпосылаетъ систему доказательствъ, къ которой, въ процессуальной сферѣ, примыкаютъ правила международной подсудности, вмѣстѣ съ правилами о выдачѣ преступниковъ и утраченныхъ или бѣглыхъ челядиновъ. Большое государственное значеніе придаютъ договоры выкупу плѣнныхъ, составляющему предметъ нѣсколькихъ статей договорной Правды. Статья о доказательствахъ приспособлена специально къ случаямъ *смертоубійства*, а не ко всемъ видамъ *проказъ*¹⁾—злодѣяній, предусмотрѣнныхъ договоромъ 912 г. Нѣкоторые виды проказъ, по своимъ особенностямъ и по указаніямъ въ договорахъ 912 и 945 г., не терпятъ примѣненія системы доказательствъ головной проказы. Тѣмъ не менѣе весьма легко смѣшавъ въ мирномъ актѣ 912 г. «главы» съ «головами»: «Суть... *главы таковыя*», то есть *capitula sequuntur*²⁾. Въ концѣ договорной грамоты рускіе вѣянутси, слѣдуя покону и закону народа своего, «не преступати... отъ уставленныхъ *глазъ* (въ Ипат. «глаголовъ») мира и любве»—*pacis et concordiae*. Главы начинаются положеніемъ объ убійствѣ: «А о *юловахъ* (Лавр., Ипат.)³⁾ урядимся сице». Затѣмъ излагаются дополнительные главы или статьи о правовыхъ отношеніяхъ, опирающіеся на принципиальную главѣ о взаимномъ сохраненіи, *по прежнему договору*, искренняго и полного любовнаго единенія русскихъ съ греками.

Упомянутая глава о доказательствахъ смертоубійства предшествуетъ третьей главѣ договора 912 г., предоставляющей ограниченную свободу родственникамъ убитаго въ отмщеніи смертельной обиды. Правила о доказательствахъ убійства не повторены въ договорѣ 945 г., но въ немъ помѣщено особое правило о порядкѣ удостовѣренія несостоятельности подлежащаго денежному взысканію за нанесеніе ударовъ. Предлагаю свой переводъ, съ комментариемъ, главы второй договора 912 г. на современный

¹⁾ Иногда проказа—зло, злополучіе, чаще — злодѣяніе. Ср.: «Иже ся ключить *проказа*;—«аще-ли ключится тако же *проказа*;—«аще-ли ключится *проказа* нѣкака». . . Въ латинскихъ грамотахъ проказа—*pestilentia*. Это объективный элементъ преступленія, обиды; субъективный его элементъ есть грѣхъ: «явится *свершениіе*» (дог. Олега);—«да того дѣла *грѣха* заплатитъ», . . (дог. Игоря). Понятіе о немъ внушено русскимъ подъ вліяніемъ христіанства, ставившаго на первый планъ нравственное нарушеніе закона, подлежащее очищенію посредствомъ *вмѣстиміи*.

²⁾ Въ договорѣ 847 г. у Bernard'a: *Requiel des traités d. 536—1700 г.*; здѣсь собраны древнѣйшіе трактаты, которыхъ нѣтъ у Dumont'a: *Corps universel dipl. du droit des gens*, только съ 800 г., и Rumer'a: *Foedera, conventiones*, съ 1101 г., и т. д.

³⁾ Въ 3-мъ изд. Лавр. лѣтоп. Арх. Комиссія иссудачно замѣнила головы главами, какъ въ Радѣ: «А во *главахъ* урядили сице».

языкъ : Сколь (преступленіе) явно будетъ (при) доказательствѣ чрезъ свидѣтелей, да имѣють (судьи) вѣрное (подтвержденіе правдивости) таковыхъ въ свидѣльствѣ; если же ему (свидѣтельству) начнутъ не вѣрять, то да не клянется сторона та, которая ищетъ, (вопреки) недовѣрію; пусть, когда (она) клянется по вѣрѣ своей, и будетъ (примѣнено) наказаніе, смотря по тому какъ обнаружится («и будетъ казнь якоже явится») ¹⁾ преступленіе,— за это («о семъ»). Глава начинается словами: «Елико явѣ будетъ *показаніи явлеными*». Въ одной изъ статей договора 912 г.—«*покажется* отъ челядина»—въ смыслѣ *докажется* относительно челядина, по жалобѣ русскихъ на утрату его, ибо одного свидѣтельства челядина найденнаго было бы едва-ли достаточно для возвращенія его хозяину во всѣхъ перечисленныхъ статьею случаяхъ утраты челядина, посредствомъ кражи, побѣга, принудительной продажи. По договору 945 г., утрата бѣжавшаго отъ русскихъ гостей, послѣ прибытія ихъ въ Грецію, и не найденнаго челядина доказывалась ими своей присягой. Въ законѣ Винодольскомъ, какъ и въ Кормчей—въ статьяхъ, извлеченныхъ изъ Градскихъ и др. законовъ, о *явленіи* истины послушамъ, показать значитъ *доказать* преступленіе или прегрѣшеніе (ст. 23, 27, 28, 30, 47, 52, 53, 60). Тоже въ иныхъ статутахъ (В. Ягичъ: Законъ Винод., прим. 36). Судъ Божій надъ Святополкомъ Окаяннымъ «*показываше явѣ* посланая пагубная рана» (Ипат. 102). Явленные—обыкновенно свидѣтели послухи, выставленные или въведенные для обнаруженія истины, которая чрезъ нихъ являлась. По ст. 30 византійскихъ законовъ Эвлоги, постановленіямъ Прохирона «Объ имовѣріи», сперва свидѣтели даютъ показаніе безъ клятвы, затѣмъ подтверждаютъ его клятвой, а въ Законѣ Юстиніана «О записаніи», между прочимъ, установлено «если свидѣтели не свѣдокоуютъ весь однако, да се не вѣруютъ» (А. Павловъ: Кн. законныя; Кормч. и др.). Въ Законѣ судномъ людямъ, занесенномъ во многіе списки лѣтописи, устраниваются изъ числа достовѣрныхъ доказательствъ показанія ближайшихъ родственниковъ тяжущагося, и т. п. По Русской Правдѣ, различающей видоковъ отъ послуховъ не очевидцевъ, достовѣрными свидѣтелями могутъ, напр., быть только люди свободные: «холопу вѣры не вяти». Въ нашемъ древнемъ процессѣ *явное* или *явленное*—открытое, противопологаемое тайному, заочному, скрытому образу дѣйствій, только и можетъ носить на себѣ признаки несомнѣнной достовѣрности ²⁾.—Въ договорѣ 912 г. рѣчь собственно идетъ о клятвѣ не свидѣ-

¹⁾ «Не подобаетъ судити о чародѣянн дондеже *явится грѣхъ*» (Кормчая). «Аще *обличится грѣхъ*» (Запов. св. отецъ, ст. 83),—«*сизличивъ, казнити по видѣ, ... а долечити* коего головника» (ст. 8 и 96 Псков. судя. гр.).

²⁾ По Уставной грамотѣ жител.мъ Кіевской области 1507 г., явное обвиненіе лишь послѣ судебного разбирательства могло повести къ наказанію оговореннаго: «А хто кого

телей, но истца, какъ стороны или партіи (part), участвующей въ начатомъ ею судебнымъ порядкомъ преслѣдованіи и помогающей раскрытіи преступленія всѣми зависящими отъ нея мѣрами:—«да не клянется часть та, иже ищетъ». Искъ уголовный есть тяжа, возбужденная противъ кого-либо по инициативѣ правительственной, у русскихъ—вел. князя въ случаѣ убійства, напр., членовъ посольства («да не изыщется смерть ихъ отъ князя вашего», въ догов. 945 г.), или жалобой потерпѣвшаго, въ формѣ объявленія (proclamatio). Держаться тяжи—придерживаться иска: «да держится тяжи, дондеже (убійца) обрящется» (догов. Олега), «да ищють его (убійцу), дондеже обрящется» (догов. Игоря). Истцу, по дѣламъ объ убійствѣ, запрещалась присяга, когда «явленіе», сводившееся къ заявленію, подтвержденному свидѣтелями, (ср. 20 и 33 ст. Псковск. судн. гр.), а иногда и вещественными уликами, не внушало судьямъ достаточнаго довѣрія по какимъ либо причинамъ. Выраженіе «отацѣхъ» ни къ чему иному нельзя, мнѣ кажется, примѣнить, какъ только къ «явленнымъ». «Вѣрное» содержитъ въ себѣ намекъ на присяжное удостовѣреніе. Терминъ этотъ (часто «вѣра»), въ значеніи клятвеннаго обряда, удержался во многихъ позднѣйшихъ памятникахъ¹⁾. Религіозный смыслъ «вѣрнаго» связываетъ въ выраженіи: «егда клянется по вѣрѣ своей», предполагающему, что о вѣрномъ—присягѣ говорится равнѣе и что въ основѣ «вѣрнаго» кроется обращеніе къ божеству. Тѣсная сплоченность стороны истцовой съ ея послухами помощниками, въ первобытномъ процессѣ, не даетъ простора опроверженію, что совмѣстно съ истцомъ принимали присягу и его свидѣтели, хотя о присягѣ свидѣтелей договоръ прямо не упоминаетъ. По русскому обычаю, присягѣ истца съ его помощниками, готовыми неуклонно отстаивать его правдивость и доброе имя, придавалось нерѣдко значеніе непреложнаго доказательства. По Русской Правдѣ, повлепъ въ убійствѣ считался имовѣрнымъ при подтвержденіи его семью лучшими мужами послухами—«то ти (тебѣ) имоуть вѣру»... (ст. 15 Кар. сп.²⁾). Для согла-

---

обадить, а любо обмовить тайно ль, *ямо* ль, ино того ни одною виною не казнити... оля жъ поставити на явномъ суду (обвинителя и отвѣтчика) и, досмотрѣвъ жежи ними, право вчинити.—Въ 1097 г. князя Владиміръ, Давидъ и Олегъ, по поводу ослѣпленія Василька, говорили Святополку: «аще ти бы вина какая была на нь, облачилъ бы... и уирѣвъ бы и, «створилъ ему, а нынѣ *ямо* вину его, оже ему се створилъ еси» (Лавр. 253).

¹⁾ Напр., въ Уставн. грам. г. Шуъ 1606 г.:—«присуживати *яру*—крестное пѣлованье» (А. Арх. Э., II, 52).

²⁾ Въ рецензіи на превосходный трудъ Брунсера о судѣ присяжныхъ Hettier замѣчаетъ, что если Русское государство основано норманнами, что весьма вѣроятно, то это установленіе отъ нихъ и заимствовано. (De l'enquête franque et des origines du jury).

сованія русскаго и болѣе утонченнаго, греческаго способовъ раскрытія истины въ важнѣйшихъ дѣлахъ уголовныхъ присяга истца, какъ «части», принята договоромъ въ качествѣ вспомогательнаго и рѣшающаго доказательства лишь въ случаяхъ вѣроятности совершенія обвиняемымъ преступленія, благодаря представленію обвинителемъ вѣскихъ доводовъ или уликъ, склонявшихъ убѣжденіе судей въ его пользу. Отрицательное «не» (клянется) помѣщено въ древнѣйшихъ, наиболѣе исправныхъ лѣтописныхъ сводахъ, и устраненіе его, по Радзивиловскому и подобнымъ спискамъ, допускаемое многими учеными, исказило бы разсматриваемую статью, редактированную съ достаточною полнотою и ясностью, несмотря на свойственное древнерусскому законическому языку опущеніе предлоговъ. Къ договорной системѣ доказательствъ по смертоубійству весьма близко примыкаетъ практиковавшійся въ древнѣйшемъ польскомъ правѣ способъ доказательства смертоубійства «(O glowe)», по которому, если оговорившій нѣсколькихъ лицъ въ душегубствѣ *самъ присягалъ*, то оговоренные всѣ признавались виновными и подвергались наказанію. Казиміръ Великій установилъ: чтобы признавался виновнымъ только одинъ оговоренный въ непосредственномъ убійствѣ, когда оговоръ подтвержденъ *клятвою того, кто его оговариваетъ*. Однако, если другіе, которые могли быть *пособниками* убійства, такъ рекуть: «тотъ убилъ съ помощью только тѣхъ, то тогда (другіе), буде имѣютъ doskonaльныхъ свидѣтелей, освобождаются, а буде не могутъ имѣть, признаются виновными» (разд. Стат. 64). Сопоставленіе стародавняго правила, измѣненнаго Казиміромъ, съ раздѣломъ 69 Статута приводитъ меня къ заключенію, что въ Польшѣ одного оговора въ убійствѣ, при готовности обвинителя подтвердить оговоръ своей присягой, было недостаточно для изобличенія въ убійствѣ, ибо служебникъ получалъ вознагражденіе лишь послѣ того, какъ убійство *докажется свидѣтельствомъ*. Очевидно, оговорившій подкрѣплялъ оговоръ своею присягою, при помощи свидѣтелей. По Винодольскому закону, обвинитель принималъ присягу, когда у него были *свидѣтели*. Чешско-моравское право, по дѣламъ объ убійствѣ въ пути, на присягу условно уполномочиваетъ также обвинителя. По Статуту Оттова 1237 г., въ подобныхъ случаяхъ къ общему правилу «*zok (сокъ или истецъ) aliquem accuset nisi certo sub testimonio*»... присоединялось требованіе, чтобы «*ille quis accusat et dominus debet jurare super sancta sanctorum*» (J. Jirecek: Cod. jur. Bohem. 70, 71). Во всѣхъ средневѣковыхъ законодательствахъ можно подмѣтить однообразную черту, заключающуюся въ томъ, что *изобличенный* въ убійствѣ, разбой, или вражѣ, не смѣлъ оправдываться ¹⁾. Непременнымъ доказатель-

¹⁾ Къ такому же выводу пришелъ А. Кенягсовъ въ обстоятельномъ Очеркѣ происхождения и развитія суда присяжныхъ: «при очевидныхъ правонарушеніяхъ не дава-

ствомъ виновности служило достовѣрное или имовѣрное *свидѣтельство*. Такъ, по Кульмскому праву: «*is sy (обвиняемый) denne das her yn hant- hafter tat geungen sy, so mag her nicht entschuldigen werden, ab der cleger uf yn das tsuget*» (E. Leman: Das alte Kulmische Recht, 60¹). Въ случаяхъ похищенія имущества, по русскому выраженію—«въ поклепѣ оже не будетъ лица», обвиняемаго брали на испытаніе то горячимъ желѣзомъ, то водой, или же ему давалась очистительная присяга съ опредѣленнымъ количествомъ послуховъ (Laband: Magdeburger Rechtsquellen, 64, 66; Русская Правда и др. законодат. сб.). При распространеніи нѣмецкаго права въ чешско-моравскихъ земляхъ съ XII в., роковое значеніе имѣла очень часто присяга *семи* достовѣрныхъ мужей, какъ по Закону судному и по Русской Правдѣ, позволяющей обвиняемому въ убійствѣ оправдываться двумя свидѣтелями, кажется, тогда, когда у обвинителя не было семи имовѣрныхъ свидѣтелей. По ст. 152 закона Стефана Душана: «И ако кто *поише* соудомъ гоусара (разбойника) и татя, а не боудь обличеня, да имь есть оправданіе желево». И польское право, подобно южнославянскому, по болѣе важнымъ дѣламъ, обвиняемому позволяло свести съ себя вину при отсутствіи ясныхъ ея доказательствъ (ст. 43—48 Казим. Стат. и др.). По болѣе гнуснымъ и опаснымъ преступленіямъ, напримѣръ, поджога, Псковская судная грамота допускаетъ присягу отвѣтчика, когда «кто на комъ оучнетъ²) сочить, а *долики никаковы не будетъ*» (ст. 116). Иной принципъ проводится, по крайней мѣрѣ по нашему праву, въ дѣлахъ *гражданскихъ*, особливо при взысканіи, обращенномъ чужеземцемъ къ чужеземцу. Въ нихъ отвѣтчикъ, по состязательному началу, пользуется не только равноправностью съ истцомъ, нерѣдко достигаемой посредствомъ *жеребья*, но и преимущественнымъ правомъ принятія присяги. (Русск. Правда, Судебникъ, Псков. гр., Договорн. грам. и др.). Такое различіе слѣдуетъ приписать преобладанію въ дѣлахъ уголовныхъ интереса *публичному* надъ индивидуальнымъ. Можно предполагать, что въ тяжбахъ русскихъ съ греками, какъ и по договорамъ новгородцевъ, смолянъ и полочанъ съ нѣмцами,

---

лось очетительной присяги обвиняемому». Одинаковаго мнѣнія—иностранные ученые, напр., Р. Дарестъ (Etudes d'histoire du droit), E. Glasson (Hist. du droit et des instit. de la France), и т. д.

¹) По славянскимъ законодательствамъ, отъ пойманнаго съ *молчимымъ* обвиняемаго не принималось оправданій, за рѣдкими изъятіями.

²) Отъ глагола оучати, оучивати происходитъ «оучанъ»—вчиваніе Новг. судн. грам., сопровождающійся крестнымъ цѣлованіемъ и противопологаемый *ковчанію* дѣла или суда (ст. 19, 20 и др.). Въ Смоленской Правдѣ: «а что боудеть доковчано, того не «почивати» (ст. 33). Въ Судебникѣ 1550 г. «дѣло по суду *ковчати*» (ст. 67); и т. д.

а также по Русской Правдѣ¹⁾, суды предпочитали въ подлежащихъ спорахъ между иноплеменниками свидѣтельство лицъ *смѣшанной* національности..

Постановленія договоровъ 912 и 945 г. объ убійствѣ, выдвинутомъ въ договорѣ 912 г., при перечнѣ правонарушеній, на первый планъ, одни считаютъ чисто славянскими (Бѣляевъ, Иванншевъ), другіе полагаютъ, что греки, назначивъ за него въ договорахъ смертную казнь, вовсе не соображались съ русскими народными обычаями (Сергѣевичъ), третьи усматриваютъ въ этихъ постановленіяхъ стремленіе примирить византійскія понятія о смертной казни за лишеніе жизни съ русскимъ обычаемъ мести (Владимірскій-Будановъ). Первые два мнѣнія отвергаю потому, что, по договору 945 года, *русскій*, виновный въ убійствѣ кого либо изъ гребцовъ потерпѣвшей крушеніе *греческой* лодьи, подвергался дѣйствию *закона русскаго и греческаго*, а закономъ русскимъ и греческимъ представляется законъ *международный*, установленный, по нормамъ русскаго и греческаго правъ, предшедшимъ взаимнымъ соглашеніемъ русскихъ и грековъ 912 г.. Договоръ, тогда заключенный, предусматриваетъ *убійство*, бѣненіе и взятіе вещей греками при крушеніи *русской* лодьи: «аще влючится кому отъ тоя лодьи въ ней убьену быти, или бьену быти *отъ насъ, руси*...», т. е. изъ насъ, русскихъ, какъ и въ началѣ статьи:.. «обрящются тамо иже *отъ насъ, руси*», т. е. изъ насъ, русскихъ²⁾, «или взяти что любо, да повинни будутъ тѣ створшиа прежереченною епитемьею отъ тѣхъ»³⁾, т. е. совершившіе... изъ тѣхъ (грековъ). Соловьевъ и др. превратно переводили выраженіе «отъ руси» — *русью*. Очевидно статья эта дополнена въ договорѣ 945 г. случаями нарушенія *русью* правъ личныхъ, или имущественныхъ *греческихъ* мореплавателей: «Аще обрящутъ *русъ* кубару *греческую* вывержену»... Такъ какъ ссылка договора 912 г. на вышесказанное въ немъ

¹⁾ «*Полная видока*» — не семь свидѣтелей, какъ многіе полагаютъ, но двусторонніе, сполные, выставляемые обѣими сторонами, въ равномъ числѣ, какъ по ст. 13 Смоленской Правды. У южныхъ славянъ, напр. у сербовъ, для дѣлъ съ иноплеменниками составъ поротниковъ образовывался наполовину изъ туземцевъ, наполовину изъ иноземцевъ (Майковъ: Присяжн. судъ у южныхъ славянъ). Въ Законникѣ Стефана Душана постановлено: «иновѣрцьма и трговьцемъ поротци половина ербљи, а половина инна друужина»... (ст. 155).

²⁾ Ср.: въ догов. 945 г.: «посылаеми бывають *отъ насъ* сн и госте». «Аще ли кто *отъ* людій царства нашего»; «Да аще кто *отъ* руси, или *отъ* грекъ створить криво». — «Аще ли кто покуется *отъ* руси взяти что»... «и *отъ* тѣхъ (русскихъ) паволокъ аще кто крываетъ»... «да возметь *отъ* мѣю золотника два».

³⁾ Выраженіе «отъ тѣхъ» (Лавр., Ипат.) ошибочно отрѣзываютъ отъ статьи о кораблекрушеніи и приставляютъ къ слѣдующей статьѣ о плавныхъ, съ которой оно не вяжется и въ которой есть соответственное выраженіе «отъ тѣхъ грекъ»...

наказаніе—«вышереченную эпитимью» обнимаетъ вмѣстѣ съ убійствомъ и преступное взятіе изъ лодки чужого имущества, причемъ наказаніе за кражу русскими у грековъ или греками у русскихъ договоромъ 945 г. полагается *по закону греческому, по уставу* ¹⁾, и *по Закону русскому*, а подъ уставомъ разумѣется прежнее *договорное установленіе*, какъ въ ст. 1-й «яко же имъ уставлено», въ ст. 3-й и послѣдующихъ «яко же *уставлено* есть преже, по Лавр. сп., и «пѣрвое» по Ипатск. сп. ²⁾ въ (догов. 912 г.: «не переступати... отъ *установленныхъ* главъ мира и любве»), то отсюда вывожу, что статья о кораблекрушеніи въ актѣ 945 г. имѣетъ въ виду отвѣтственность по закону русскому и греческому, установленную въ 912 г. Третье мнѣніе вполне отвѣчаетъ моему анализу договорнаго сплетенія русскаго и греческаго законовъ, подтверждаясь и всѣмъ дальнѣйшимъ моимъ разборомъ системы преступленій и наказаній по договорамъ Олега и Игоря, во многомъ существенно расходящимся съ выводами по тому же предмету юристовъ Д. Мейчика (Юр. Вѣстн. 1875 г., кн. 2 и 3), Гальперина (Очерк. первоб. права) и др.

По договору Олега 912 г., убійца предавался смерти на мѣстѣ совершенія убійства: «да умретъ, *идль-же* аще створитъ убійство». Такъ и въ лѣтописномъ разсказѣ объ Олеговомъ конѣ: «Олегу прїидѣ на мѣсто, *идль-же* бѣша лежаще кости его» (Лавр. 912 г.). Въ ст. 15 древняго Закона о казнѣхъ: «Именїтїи разбойници, *въ мѣстѣхъ, идль-же* бродили, тамо и повѣшени боудуть; достойно бо яко отъ видѣнїя оубоятся начинающе таковыя дѣлати, еще же и нѣкое оутѣшенїе боудеть племенникомъ оубиваемыхъ тамо» (Павловъ: Кн. закон., 65). Тоже самое въ Кормчей: «Нарочитїи ³⁾ разбойници *на мѣстѣхъ, на нихъ же разбой творяху*, повѣшени

¹⁾ Чтеніе Ипат. и Радзивил.: «по устуву гречскому» нельзя принять.

²⁾ Ср. лѣтоп. выраженіе подъ 1019 г.: «Ярославъ давъ... Правду и *уставъ* (Правды) списавъ»... (Новг. Соѡ.) и подъ 1209 г.: «Новгородци получили *уставъ* старыхъ князей отъ вел. князя Всеволода» (Лавр. 466), и подъ 1213 г.: «по первому *уставу* и закону греческихъ царей и князей русскихъ» (т. X стр. 64). Давидъ, хотя *уставити* землю, повѣхалъ въ Бакоту и Калиусъ. Мстиславъ *установилъ* ловчую повинность на берестьянъ (Ипат. 527 и 613). «Правда *установлена* Русской земли... «яко же *установили* Изяславъ»... «установили до третьяго рѣзу», и т. д. Уставъ въ нашихъ договорахъ соответствуетъ международному установленію. Напр.: Pactum Justinopolitanum венеціанъ съ греками 977 г. подтверждаетъ прежнюю конвенцію: «per hanc presentem convenientiam et *constitutionem*»... (Tafel. и Thomas: Font. rer. Austr. XII, I, 32). Въ догов. 1568 г. Сигизмунда Августа съ турецкимъ султаномъ: «А купцы, водле *уставы* и постановенья нашего, мыто отдавши...» (Оболонскій и Даниловичъ: Кн. посольск. в. книж. Литов., т. 1).

³⁾ Интересно замѣна, въ первой редакціи, слова *нарочитый* словомъ *имелитый*. Таковыми въ дѣйствительности были т. наз. *нарочитїи люди*, напр. «нарочитїи гости» (Ник. т. X, 164), «нарочитая чадь» (988 г.). Въ ст. 5 закона Конрада: «*Naros, quod-*

да будутъ» (гл. 48, гр. 3). Въ выпискахъ изъ зак. царей Леона и Константина: «Разбиваяй и присѣданія творя и убивая, на немъ же мѣсть лтъ будать, да востокнутъ его на древо». Греко-римскій законъ (Прохиронъ, tit. 39, сар. 11, 16) разрѣшалъ убивать злодѣя помимо суда, въ не-обходимой оборонѣ, лицу, жизни коего угрожала неминуемая опасность отъ нападенія. «Разбойника лтъ есть комуждо убивати безбѣдно» (безнаказанно). Иже нашедшаго на нь убіетъ, внигда хочеть самъ отъ него *убиенъ* быти, безъ вины есть» (Кормч. гл. 48, гр. 3, ст. 16, 39 и др.). По Юстиніанову Закону о казнѣхъ, совпадающему съ объясненіемъ Ульпіана о безнаказанности убійства ночного вора: «*si percussit eum sine periculo suo post rotuit*», — «Аще кто *ex nocte* крадущаго убіетъ, тогда не повиненъ будетъ, внигда немощно ему безъ своен бѣды оставить оного» (Павловъ: Кн. закон. 63, ср. Башилова—Судебн. стр. 18). По договорамъ Новгорода съ Ганзой XII—XV в., при оборонѣ отъ насильственныхъ дѣйствій дозволялось потерпѣвшему расправиться съ преступникомъ на мѣстѣ преступленія¹⁾. По ст. 71 зак. Винодольскаго, если застануть разбойника ночью у себя на шкодѣ, не смогутъ поймать его живого и жаловаться на него и убьютъ, то убившіе освобождаются отъ отвѣтственности. Согласно съ этимъ и всѣ южно-славянскіе кодексы, рѣзко отличая убійство волею и *нужею* или *неволею*, за которое, по выраженію Сянтагмы Матвѣя Властаря, «прощенье давается», устанавливають безнаказанность вынужденнаго убійства, когда потерпѣвшему угрожала неотразимая опасность. Опасность эта усугубляется въ ночное время, принимаемое въ соображеніе Закономъ суднымъ: «Аще въ подкопавьи застанется тать (до восхода солнца), тый язвенъ умретъ, нѣсть ему убоя», а также Русской Правдой, оставлявшей безнаказанными «шукы» за «прихоженіе nocturne» и убійство вора, если нельзя было додержать его *до свѣта*²⁾. Въ особенности опасность велика,

latine vocatur accusatio furum vel nocturnorum» (H. Jirecek: *Slovaneco pravo w Cechach a na Morave*, 247). Это нашъ *ноктель* — *нареканіе*: «оже хочеть ветець *нареканъ* тако» (Русск. Пр., ст. 99). Два возхва... «*нареканъ* лучшиѣ жемъ» (Лѣтоп. подъ 1071 г.). Съ нареканіемъ не трудно смѣшать нареченіе, означающее не только наименование, но иногда и назначеніе: Мстиславъ посылая рать на ляховъ, *нарекъ* Чюдина воеводу» (Ипат. 614). Весьма интересно, по языку, слѣдующее мѣсто лѣтописи подъ 1015 г.: «Ярославъ, шедъ *на рокомъ* (ошибочно читають «на Рокомо»)... позва къ собѣ *на рокомъ* мужи, же баху несѣгли варяги».

¹⁾ Въ Брюннекомъ правѣ: «*vim vi repellendo, id est notwernde*» (Boczec, Dipl., III, 22, 23).

²⁾ По разд. 88 Казимірова Статута: «Когда бы какой либо кметъ или слуга хлѣбъ, кому либо принадлежащій, на полѣ *ночной порою* бралъ или кралъ, тогда, если бы его тотъ убилъ, чей хлѣбъ, за то вовсе не отвѣчаетъ; но когда бы тотъ злодѣй того, чей хлѣбъ, равнялъ, либо убилъ, тогда за раны долженъ его достойно вознаградить, а за голову—дѣтей».

когда преступникъ обнаруживаетъ попытку къ сопротивленію (Зак. XII табл., VIII, 11, 12; ср. Исходъ, XII, 2. Полицій Статутъ и т. п.). Въ договорѣ Олега право потерпѣвшаго убить вора прекращается, когда воръ «связанъ будетъ», также какъ и въ Русской Правдѣ: «Ожели оубьютъ, а люди боудуть видѣли *связанъ*¹⁾, то платити въ немъ» (Акад. ст. 38), по другой редакціи—«платити въ томъ 12 гривенъ» (Кар. ст. 37). Договоръ 912 г. не вмѣняетъ въ вину убійство вора, когда, будучи застигнутъ при кражѣ, онъ не сдастся и «*приготовится*», не къ побѣгу, какъ думалъ напр. Мейчикъ, и не къ кражѣ, какъ не логично полагали Станиславскій, Гальпернъ и нѣкоторые др., но *къ сопротивленію* потерпѣвшему (Эверсъ, Хлѣбниковъ и мн. др.). Такое толкованіе подтверждается статьями договоровъ 912 и 945 г., по коимъ подвергнутыхъ задержанію подозрительныхъ лицъ изъ привѣзавшихъ въ Грецію руссовъ можно было безнаказанно убивать въ случаѣ ихъ сопротивленія: «аще ли руку не дадутъ и *противятся*²⁾, да убіены будутъ, и да не изыщется смерть ихъ отъ князя вашего». Если «вѣдасть рудъ уградый», то крадущаго нельзя уже было убить³⁾. Къ такимъ сопротивляющимся злодѣямъ законъ Вратислава 1039 г. примѣняетъ выраженіе—«*si sunt rebelles*». Побѣгъ имовитаго убійцы, по договору 912 г., сопровождается отобраніемъ части имущества его, принадлежащаго ему по закону, въ пользу ближнихъ убитаго, съ предоставленіемъ такой же части того имущества женѣ убійцы⁴⁾: «... и жена убившаго пусть имѣеть (часть), «толцѣмъ же»⁵⁾, т. е. со столькимъ же (имуществомъ)

¹⁾ Ср. эдиктъ Ротара о вторгнувшемся въ домъ и не давшемъ себя *связать* злодѣю. Въ Кормчей: «убити хотять *противлящся* имъ».

²⁾ Ср. въ договорѣ 945 г. «хотѣти вон на *противлящся* намъ».

³⁾ По Литовск. Стат., дозволялось убить преступника, захваченнаго на мѣстѣ преступленія, при его *сопротивленіи*. Ср. Улож. Алекс. Мих.: вора можно убить, когда онъ начнетъ «*драгиса* и изымати себя не дастъ».

⁴⁾ Ср. Русск. Пр.: «Головничество а то самому головнику... заплатити изъ дружины *своею частью*». «Аще жена сядеть по мужѣ, то дати ей *часть*», и ст. 89 Пековск. грам. о помизненномъ кормленіи жены отчиной или животомъ умершаго безъ рукописанія мужа.—Уставной грамотой Кіевской области 1507 г. подтверждено «жены и дѣтей» подлежащаго казни преступника «въ имѣньи не рушити». В. Сергѣевичъ, поддерживая свое возраженіе Неволину, ошибочно утверждаетъ, что статья не столько ограждаетъ права русскихъ женщинъ, сколько греческихъ (Лекціи и изслѣдов. по древн. ист. русск. права 277, также: Греческ. и русск. право въ догов. съ грек.). Заслуживаетъ вниманія старѣйшій переводъ Лезека, одобренный Болтпнымъ въ Примѣч. на Истор. Деклерка (т. I, 69): «Жена убійцы получаетъ другую часть имѣнія, которая, по силѣ закона, долженствуетъ ей принадлежать».

⁵⁾ Въ грам. Метислава Давидов. 1289 г.: «а *толку* (повинности) со всякого ста» (Ипат. 613), Ср.; «*ев толко* (вар. «толико») проданъ будетъ» (дог. 945 г.).

пребудетъ по закону. Арабскій писатель Ахмедъ ибнъ-Фадланъ (X в.) сообщаетъ, что $\frac{1}{3}$ имущества *богатаго* преступника русскаго, приговореннаго къ смерти, отдавалась его *семьѣ* (А. Гаркави: Сказ. мусульм. писат., 96). Многія законодательства не заботятся о распредѣленіи отбираемаго имущества убійцы, напр. въ Улож. Бориса II чешскаго 1101 г.: «Si quis alium occidit, omnibus spoliatur», Н. Jiresek: Cod. jur. Bohem., № 13), но и правила разверстки имущества убійцы, и вообще тяжкаго преступника, съ опредѣленіемъ жениной доли, встрѣчаются нерѣдко. Заслуживаетъ вниманія, между прочимъ, венгерскій законъ Андрея II, изд. въ XIII в., о правѣ жены присужденнаго къ смертной казни на получение своего приданаго, грамота Владислава польскаго 1388 г., по которой *половина* имущества *казненнаго* вора, за удовлетвореніемъ потерпѣвшаго, отчислялась его женѣ, или дѣтямъ, или близкимъ: «*aliam furis medietatem (bonorum) pro furis uxore, vel ipsius pueris, aut affinibus relinquat*» (J. Bandtke—Jus Polonicum., 192, 193 арт. 3). По договору Новгорода съ вѣмцами 1270 г., одна *половина* имущества убійцы шла законнымъ его наследникамъ, другая—истцу (ст. 40). Нѣсколько позднѣе вѣмцы ссылались на такое договорное правило: «кто разбой учинилъ, тому дати вина по его дѣлу, а товаръ его свободенъ своему племени». (Изв. Ак. Наукъ т. X, 634—636). При побѣгѣ состоятельнаго злодѣя, какъ и послѣ казни его, прежде всего удовлетворялись тѣ ближніе, кому причиненъ вредъ, о переходѣ же, при побѣгѣ, его имущества къ нимъ и къ женѣ убійцы могла бы быть рѣчь лишь при увѣренности, внушенной тщетной погоней, что онъ не возвратится. Отдача достоянія скрывшагося и убѣжавшаго убійцы истцамъ на удовлетвореніе иска вошла въ обычай и въ западнорусскихъ земляхъ. Такъ въ 1435 г. староста галицкій Михаилъ Буцацкій и земляне уложили, чтобы при побѣгѣ злодѣя, если онъ не возвратится, тогда «тому истцеви (который пойдетъ за своимъ злодѣемъ горячимъ пытомъ), маеть панъ того села заплатити имѣньемъ того збѣглого челоуѣка» (Act. grad. et ziem. XII, p. 425), а по первому Литовскому Статуту, разд. VII, арт. 3: «если бы тотъ квалтовникъ, убивши кого, втекъ зъ земли прочь, тогда зъ имѣня его маеть плачена быти убитого голова» По договору Игоря, убійца «да держимъ будетъ отъ ближнихъ убѣенаго, да убьютъ и» л. (ср: «полоняникъ держимъ есть» и зав. Винод. ст. 29, 31). При побѣгѣ убійцы имущество *его*, въ причитающейся долѣ, получаютъ ближніе убитаго¹⁾; а если убійца не состоятеленъ, то, согласно съ Олеговымъ договоромъ, по коему бѣжавшій убійца «держится тяжи, дондеже обрящется,

¹⁾ Въ догов. Игоря «да возмутъ»... съ умолчаніемъ о правѣ жены на законную долю имущества, которое остается, повидимому, неприкосновеннымъ.

яко да умреть»,—«да ищутъ его, дожде обряцетъ; аще ли обряцетъ, да убьенъ будетъ»¹⁾). Последнее постановленіе есть развитіе и переработка постановленій Олегова договора объ убійствѣ, съ употребленіемъ одного и того же глагола «держати», заключающаго въ себѣ понятіе *преслѣдованія*, направленнаго къ *задержанію* убійцы. Договоръ Игоря поясняетъ, что экзекуція надъ убійцей, *тотчасъ же застигнутымъ*, принадлежитъ задержавшимъ его ближнимъ убитаго, коимъ злодѣи предоставляется немедленно лишить жизни на мѣстѣ преступленія: «и да убьютъ и». Коль скоро родственникамъ убитаго удавалось задержать убійцу чрезъ болѣе или менѣе продолжительный промежутокъ времени послѣ преступленія (длящаяся тяжа), то, естественно, что, при отсутствіи примиренія съ убійцей путемъ выкупа, позднѣе называемаго «смирнымъ» или «змрщиной», «части той, иже ищетъ», надлежало уже обратиться въ судъ посредствомъ жалобы—*gestiatio*, съ предъявленіемъ доказательствъ виновности задержаннаго, указанныхъ во второй главѣ договора 912 г.²⁾). Всякое убійство, какими бы оно ни было вызвано побужденіями, всегда порождало виѣшательство органовъ власти. Такъ капитуляріи Карла Великаго 802 г. и Людовика Благочестиваго 819 г. и законы *Gragas* обязывали мстителя немедленно заявить о совершенномъ имъ убійствѣ подлежащему правителю. По Саксонскому Зеркалу, убившій вора, или разбойника, даже на мѣстѣ преступленія, въ случаѣ жалобы на убившаго ближнихъ убитаго, обязанъ былъ семью свидѣтелями подтвердить виновность убитаго, иначе жалобщикъ могъ требовать поединка (*kampf*) съ убійцей, а при убійствѣ въ необхо-

¹⁾ Древнѣйшій слѣдъ этого обычая—въ сагѣ Олафа, убившаго Клеркона (Русск. Ист. Сб. т. IV, 41 и Ant. russes).

²⁾ М. Владимірскій-Будановъ, говоря, что при Игорѣ греки потребовали, чтобы *мечь* совершалась родственниками убитаго *послѣ суда*, ссылается на ст. догов. 945 г., по которой руссы ни за какое преступленіе не вправѣ налагать наказаніе на грека; онъ получаетъ наказаніе *по приговору* греческаго суда, съ выдачею его будтобы въ подлежащихъ случаяхъ русскимъ для исполненія надъ нимъ *кровавой мести* (Обз. Ист. Русск. Права). Толкованіе, раздѣляемое многими юристами, не подтверждается текстомъ статьи: «не имате волости *казнити* я, но повелѣнемъ царства нашего *да примете*» (казнь). Подъ казнью въ договорныхъ актахъ разумѣется *наказаніе*, назначавшееся *по суду*, за преступленія, вслѣдствіе предъявленнаго обвинительнаго иска (ср. ст. 912 г. *о казни* за убійство и въ др. статьяхъ выраж.: «*показане* будетъ» и исключяющее понятіе о *мести*, въ предѣлахъ *Византіи*, какъ о *самосудѣ*, настолько, насколько послѣдній несовмѣстимъ съ *самообороной*. Мечь *родственникововъ* убитаго распространялась лишь на территорію *Русскаго государства*, гдѣ, по церк. Уст. св. Владиміра и по Закону судному, мечь, какъ и въ Польшѣ (см. наслѣд. Павинскаго) называлась *враждою* или *вробжою*, особенно въ западныхъ окраинахъ (ср. *faida quod est inimicitia*, въ зак. Ротара).

димой оборою—для приобрѣтенія права на получение wehrgeld'a (кн. I, гл. 64, кн. II гл. 14) и для избѣжанія преслѣдованія самого родственника убитаго имъ. С. Шилевскій, разбирая мнѣнія ученыхъ и соглашалась съ И. Калачовымъ, пришелъ въ основательному заключенію, что по нашимъ договорамъ преимущественное право мести принадлежало *ближайшему* родственнику ¹⁾ убитаго, но въ осуществленіи мести ему пособляли и другіе родственники (Союзъ родств. защ. у древн. герм. и слав., стр. 63). По договору Игоря, никакое злодѣяніе («проказа иѣкана») грековъ, состоящихъ подъ верховною юрисдикціей («властью») царскою, т. е. когда оно совершено на *греческой территоріи*, не подлежало наказанію русскими, но разсматривалось и наказывалось по велѣнію царскаго правительства. Судъ отправлялъ «in regali curia» такъ называемый «cancellarius vie», а въ отсутствіи послѣдняго, заступавшій его мѣсто вельможный логаріастъ или логоетъ ²⁾. Этому цареву мужу нашими договорами даны большія полномочія, между прочимъ, по надзору за русскими, входившими въ Царьградъ, чрезъ городскія ворота, для торговли. Онъ вѣдалъ дѣла о всякихъ столкновеніяхъ и спорахъ по торговлѣ между греками и русскими: «да аще кто отъ руси, или отъ грекъ створить криво, да оправляетъ то» ³⁾.

¹⁾ Ближайшіе родственники такъ перечислены въ 1-й ст. Русской Правды древнѣйшихъ списковъ: «метитъ брату (убитаго) брата, либо отцу (убитаго), или сыну (убитаго), либо брату чаду (сыну брата убитаго), или сыну сестры (убитаго).

²⁾ «Apud magnum logariastam». Въ хрисовулѣ императоровъ Василія и Константина венеціанскимъ купцамъ о свободной торговлѣ сказано: «jabemus ut per solum logotheta... navigia de istis veneticis et ipsi venetici scrutentur et pensentur et judicentur secundum quod ab antiquo fuit concludendo, et quibus judicium forsitan inter illos aut cum aliis crescentur scrutari et judicare pro ipso solo logotheta...» (Tafel и Thomas: Font. rer. Austr. XII, № 16, 94, 276, 376). По договору импер. Мануила Комнена и генуэзской коммуны 1169 г. условлено: «De offensionibus.. quas fortasse ianuenses fecerint in terris domini imperatoris grecis vel aliis gentibus que non sunt ianuenses debent judicari in curia domini imperatoris sicut venetici et ceterae latine gentes» («Atti d. soc. Ligure di storia patria, vol. 28, f. II, № III. 358).

³⁾ Въ лѣтоп. подъ 1078 г.: «Изяславъ кривою ненавида, любя правду». Подъ 1289 г.: «кровь будетъ на виноватомъ, кто будетъ криво учинилъ» (Ипат. 612). Въ поученіи Владиміра Мономаха: «люди *оправливати*»—то же, что судить *по праву*; тамъ же: «*оправити* вдовицу». Въ южнославянскихъ грамотахъ *кривина* судомъ *поправалася*. Въ латинскихъ грамотахъ *оправити* судебнымъ порядкомъ—«*corrigere*». Въ книжныхъ послѣдствіяхъ, напр. евангелія 1164 г.: «Аже вы гдѣ криво, а испрививше, чѣтете-же» (Востокъ: Опис. рукоп. Рум. муз.). Часто глаголъ «оправити» употребляется въ смыслѣ оправдать; *оправливаться*—оправдываться (Ипат. 366) Въ Псковской судной грамотѣ: «виноватаго не оправити» (ст. 59). И. Срезневскій различалъ три формы: *оправити*, *оправливати* и *оправляти* (Словарь др. русск. яз., стр. 690 и 691). О значеніи глагола *оправити* см. также у П. Мрочекъ-Дроздовскаго: Изслѣд. Русск. Пр., в. II, 3—6).

Ему же ввѣрено было исполненіе функцій таможеннаго начальника по осмотру и клейменію купленныхъ русскими паволокъ, дабы онѣ не вывозились въ количествѣ большемъ положеннаго. Договоры Олега и Игоря, какъ мы видѣли; стремятся предупредить всякое, вѣдъ крайней въ томъ необходимости, самоуправство русскихъ въ Греціи, требуя отъ великаго князя положительнаго запрещенія его посламъ и купцамъ творить тамъ кавія либо безчинства. Гость русскій, во время пребыванія въ Греціи утратившій челядина, обязанъ былъ, для возстановленія своего нарушеннаго права, жаловаться греческому правительству и подчиняться неизбѣжной процедурѣ повѣрки жалобы (догов. 945 г.).

Статья Олегова договора 912 г. о посягательствахъ на тѣлесную неприкосновенность нанесеніемъ побоевъ, равъ и увѣчий порождаетъ лексикологическія недоразумѣнія: «Аще ли ударить мечемъ, или *бьетъ* кацѣмъ любо ссудомъ»... (Лавр., Ипат.). Въ иныхъ спискахъ вмѣсто «бьетъ» — «убьетъ» (Радз. и сходн. съ нимъ). И то, и другое чтеніе можетъ быть принято безъ ущерба для основного смысла статьи. Глаголь «убити» вообще означаетъ или лишеніе жизни — душегубство, или же, подобно глаголу «бити», — причиненіе побоевъ¹⁾. Въ спискахъ Русской Правды замѣтно колебаніе между «бити» и «убити» въ томъ же значеніи (ст. 16 Акад. и 76 Кар.). Тоже самое въ Судебникахъ, гдѣ «убитого» даютъ на поруки, и иныхъ законодательныхъ сборникахъ. Въ литовскорусскомъ памятникѣ XIV в. читаемъ: «Если бы христіанинъ жидъ *убилъ*, жебы *крови не розлилъ*, образонному маеть досыть учинити, яко шляхтичу». (А. Виш. Ком. т. V, 134). Для отличія убіенія, какъ душегубства, отъ простыхъ побоевъ нерѣдко къ глаголу «убити» прибавлялось «до смерти», какъ напр. въ Законѣ о казнѣхъ: «Иже мечемъ оударитъ кого, аще до *смерти* оубіеть, мечемъ казненъ будетъ» (ст. 63). Въ Смоленской Правдѣ: «Того Богъ не дай, ажбы промѣжю нами бой былъ, а любо челоувѣка *аубиють до смерти*»... Впрочемъ, убіеніе до смерти не всегда предполагаетъ полное прекращеніе жизни, напр.: «*кричь живыхъ и до смерти убіеныхъ*» (Соф. 1216 г.). Выраженіе «оубить до смерти» удержано и Уложеніемъ Алексѣя Михайловича. Въ статьяхъ договоровъ 912 и 945 г. о лишеніи жизни мы встрѣчаемъ форму «убійство» или «убой», какъ въ лѣтописномъ разсказѣ подъ 907 г.: «Олеги много *убійство* сътвори»... Однако, Олеговъ договоръ, какъ и лѣтопись (Святославъ бралъ дань на «убьеныхъ»), и Русская Правда («отложиша *убьение* за голову»), употребляютъ и форму убіеніе въ смыслѣ душегубства, различая его отъ біенія въ статьѣ объ аваріи: «Аще ли ключится кому отъ тоя лодья въ ней *убьену* быти, или *бьену* быти». (Лавр., Ипат., Воскр.

¹⁾ Въ ст. 26 Уст. Яросл. Владиміров. о церковныхъ судахъ: «бой, убійство и душегубство»..

и т. п. списки). Смертельный исходъ насильственныхъ дѣйствій, хотя бы и безъ прямого умысла на лишеніе жизни, обращаетъ ихъ въ душегубство Въ Русской Правдѣ: «потнеть ли на смерть, а вира...»¹⁾ Разбираемая статья Олегава договора изложена въ редакціи песьма сходной съ редакціей ст. 3-й Акад. списка Русской Правды, которая начинается такими же словами; «Аще ли кто ударить».. и завершается выраженіемъ: «то тоу конецъ». — Нерѣдко ударъ предполагаетъ причиненіе поврежденія или раны, даже опасной для жизни. Въ договорѣ новгородцевъ съ нѣмцами 1195 г.: «Оже *ударить*—6 гривенъ за рану». Въ Уставной Двинской грамотѣ 1397 г.: «А кто кого *до крови ударить*, или на немъ *синевы* будутъ»... (ср. «*кровавъ* или *синь*» во 2-й ст. Акад. и 24 ст. Кар. сп. Русской Правды). Договоры X в. не различаютъ свойства ударовъ, полагая за нихъ одно наказаніе—пеню въ пять литръ серебра, но строгость пени сама по себѣ можетъ возводить удары на степень серьезнаго расстройства здоровья при причиненіи раны или увѣчья, какъ и въ ст. 5 догов. новгородцевъ съ нѣмцами XII в. Редакторы договора 945 г., исключивъ слово «біеніе», употребленное въ договорѣ 912 года, подробнѣе перечислили орудія преступленія, добавивъ къ мечу *копье*. Мечъ и копье приводятся для примѣра, но виновный одинаково отвѣчалъ за членовредительный ударъ (*recussio*) всякимъ орудіемъ, называющимся разное, то *сосудомъ* (Ипат., Радз. и др. сп.), какъ и въ Кормчей («Сосуды ими же сотворися смерть»), то *оружіемъ*²⁾ (Лавр. и подобн.), подъ которое Юстиніановъ законъ о казнѣхъ подводитъ и *палицы* (ст. 24, 64 изд. Павлова). Въ договорной статьѣ о нанесеніи ударовъ есть указаніе на *законъ русскій*, съ умолчаніемъ о законѣ греческомъ, дающее поводъ ученымъ распространяться о перевѣсѣ въ ней перваго надъ послѣднимъ. Не могу допустить, чтобы въ договорахъ 912 и 945 г., вопреки повороту политическихъ событій не столько къ торжеству Руси, сколько къ торжеству Греціи, при Игорѣ, потерпѣвшемъ отъ нея пораженіе, *размѣръ* пени за удары и послѣдствія несостоя-

¹⁾ По 11 ст. Уст. Двин. грам. XIV в., нанесеніе смертельнаго удара хозяиномъ своимъ холопу или рабѣ—«кто осподарь *огрѣшителъ*, т. е. согрѣшитъ (ср. въ договорахъ: Олега—«явится съгрѣшеніе», Игоря—«да того дѣла *иража*»), ударить своего холопа или робу—не виѣнителъ въ вину, если, конечно, холопъ или раба заслужили побой (Русск. Пр.). Въ лѣтописи ударамъ придается также грѣховный характеръ: Единъ (волхвъ). *ираши* (шибнулъ) Яня топоромъ, Янь же, оборота топоромъ, и удари тыльемъ... (Ипат. подъ 1071 г.). Въ томъ и въ другомъ случаѣ огрѣшеніе сводится къ ошибкѣ—промаху. Овчарь Святополковъ хотѣлъ ударить Васильва въ око, — «и *срѣшисл* ока и перерѣза ему лице... и посемъ удари и въ око и иза зѣнлицю, и посемъ—въ другое око» (Лавр. 251).

²⁾ Ср. «*сосуды* ратные и градные» (Ипат. 532). «Полагають мечъ и прочая *оружья*...; заколенъ будеть своимъ *оружьямъ*», и о входѣ въ городъ «безъ *оружья*» (догов.).

тельности виновнаго опредѣлялись всегда по чужестранному закону для грековъ, ответственность коихъ договоръ 945 г. приравниваетъ къ отвѣтственности русскихъ,—«Ци аще ударить русина грѣчина или грѣчина русина»,—воспроизводя съ большею въ этомъ отношеніи полнотою ту же статью договора 912 г., гдѣ совершающіе преступленіе не различаются по національностямъ. Мнимое подавленіе русскимъ закономъ грекоримскаго по наиболѣе часто случавшимся преступленіямъ ничѣмъ не подтверждается, а, напротивъ, опровергается другими договорными статьями, не только не приносящими грекоримскаго права въ жертву русскому праву, но, какъ мы видѣли, стремящимися ихъ объединить и уравнять. Счетъ на литры самъ по себѣ идетъ въ разрѣзъ съ древнерусскимъ денежнымъ счетомъ, принятымъ въ договоръ 907 г.: «по 12 гривенъ на ключъ»¹⁾, и замѣна русской монетной единицы греческою не улаживалась бы съ исключеніемъ примѣненія греческаго закона въ дѣлахъ о нанесеніи ударовъ. За то же преступленіе, сопровождавшееся увѣчьемъ руки, ноги, или какого нибудь сустава (въ договоръ 912 г., по Лавр. списку, «аще ли ударить мечемъ, или убьетъ,—въ Ипат. бьетъ,—каѣмъ любо съсудомъ»²⁾, въ Смоленской Правдѣ 1229 г., по ст. 3-й, полагалась пеня во столько гривенъ серебра, во сколько литръ по договорамъ Олега и Игоря. Вообще размѣръ пени въ пять серебряныхъ литръ, почти совпадающій съ количествомъ гривенъ, положенныхъ въ пеню за однородныя преступленія въ договорахъ новгородцевъ съ вѣнцами³⁾, не позволяетъ признавать соответствіе ея только съ русскимъ обычаемъ и несоответствіе съ обычаемъ или закономъ грече-

¹⁾ См. разскавія Зблочнога, Казанскаго, Круга, Прозоровскаго, Шодаура, Погодина, Мрочекъ-Дроздовскаго. Предполагаютъ, что въ X—XI в. кievская гривна вѣсила менѣе полуфунта, около 36 золотниковъ, тогда какъ вѣсъ греческой литры серебряной былъ вдвое больше (А. Черепнинъ: О кievскихъ денежныхъ гривнахъ; Труды XI Арх. съѣзда въ Кіевѣ, т. II, отд. 2, стр. 38—61). Новгородская гривна равнялась 48 золотникамъ. Такими гривнами, вѣроятно, платилась дань варягамъ при Олегѣ (300 гривенъ). Измѣненія денежной системы всегда затрудняли ученыхъ. У насъ она усложнилась счетомъ на куны ветхія и новыя. Вотъ два примѣра, приведенныхъ И. Срезневскимъ:—«За гривну серебра—по 4 гривны коунами или пенязи» (XI в.).—«А за гривну серебра—поль осмы (7½) гривны кунъ». (Допол. ст. къ Русск. Пр.: «О безчестьи»). Фунтъ пенязей серебра (марка или гривва) у венодовъ (славянъ), по Саксонскому Зеркалу (art. XLV), содержалъ въ себѣ 20 шиллинговъ, называвшихся въ Руси щелягами, которые долго были ходячей въ ней монетою.

²⁾ Далѣе: «... за то удареніе или убьеніе да вдасть... въ Лавр. и Ипат., въ иныхъ бiеніе... Позднѣе, даже въ XV в., за regressio часто суды присуждали пеню въ 5 марокъ (Act. grod и Ziem. т. XII, 60).

³⁾ По Русской Правдѣ—12 гривенъ. По Уст. Ярослава Владим. о церк. суд. «за соромъ добрыхъ людей пять гривенъ серебра».

скимъ. Вопросъ о томъ,--какую именно сферу обнимаетъ примѣненіе закона русскаго въ дѣлахъ о причиненіи ударовъ, рѣшается мною по соображеніи договора 912 г. съ договоромъ 945 г.. По договору 912 г., бѣненіе вообще (удареніе или убіеніе), какъ сказано выше, облагается пеней въ 5 литръ серебра, которую долженъ дать виновный—«да вдасть». Вслѣдъ затѣмъ помѣщено выраженіе—«по закону русскому», далѣе же говорится о несостоятельности виновнаго. На основаніи того же договора, за бѣненіе кого либо изъ гребцовъ потерпѣвшей крушеніе лодья полагается такое же наказаніе. По договору 945 г., «кто изъ русскихъ грека убьетъ (или бьетъ)¹⁾, или поработитъ, воспользовавшись крушеніемъ лодья, или возьметъ что либо у него,—повиненъ закону русскому и греческому²⁾. Тотъ же договоръ бѣненіе облагаетъ пеней, одинаковой съ назначенной въ договорѣ 912 года (5 литръ серебра); затѣмъ повторяетъ выраженіе—«по закону русскому». Если за бѣненіе при крушеніи лодья положено наказаніе по закону русскому и греческому, то въ другихъ случаяхъ, очевидно, за бѣненіе не могло бы быть въ томъ же самомъ договорѣ назначено наказаніе по одному закону русскому и въ Россіи, и въ Греціи. Слѣдовательно, выраженіе въ договорѣ 912 г. «по закону русскому» относится не къ размѣру пени, каковой могъ быть согласованъ и съ греческимъ закономъ, а къ порядку ея платежа («да вдасть»), будучи внесено, по инициативѣ русскихъ пословъ, въ видѣ особаго изъятія изъ смѣшанныхъ русско-византійскихъ правовыхъ институцій договорной Правды, для примѣненія по дѣламъ, возникающимъ въ русскомъ государствѣ³⁾. Сличеніе русскаго права съ византійскимъ въ отношеніи послѣдствій несостоятельности показываетъ, что вторая половина разбираемой статьи составлена примѣнительно къ русскому обычаю. По грекоримскому праву, несостоятельность присужденнаго къ пенѣ влекла за собою, кромѣ тѣлеснаго наказанія, часто заточеніе и изгнаніе (Proch. tit. 39, cap. 54; Eccl. tit. 17, cap. 11; Кн. законовъ и Коричая). Соединеніе этихъ двухъ мѣръ, повидимому, противорѣчитъ рус-

¹⁾ Подъ словомъ «убьетъ» разумѣется здѣсь и смертоубійство, и причиненіе побоевъ, ибо въ догов. 912 г.: «убьетъ, или бьетъ».

²⁾ Ср. Второзаконіе, XXIV, 7. Если обнаружится, что кто либо укралъ кого либо изъ братья своей, поработилъ его и продалъ, то такой воръ предается смерти.

³⁾ Общее изъятіе изъ смѣшанныхъ правовыхъ установленій, не допускающихъ отступленія при примѣненіи ихъ и въ Россіи, и въ Греціи, предполагаетъ дѣйствіе и тамъ, и здѣсь своего національнаго закона настолько, насколько онъ не покрывается смѣшанными договорными установленіями. Таковы законы о собственности и распоряженіи ею, на которые прямо ссылается приведенная статья договора 912 г. о распредѣленіи имущества виноватаго убійцы между ближними убитаго и женою убійцы и о владѣніи ею подлежащему долею того имущества.

скому обычаю. По закону Ярослава, холопъ, ударившій свободнаго мужа, подлежалъ битью («оуставилъ оубити», по ст. 16 Акад. сп.—«да бьютъ его»). Сыновья Ярослава установили одно изъ двухъ: «или бити *развяза-завше*, или взяти гривна коунъ за соромъ» (ст. 76 Кар., Софиевск. и др. сп.). Послѣ битья виновный увольнялся изъ подъ стражи. Поэтому выраженіе договоровъ 912 и 945 г.г.—«по закону русскому» употреблено, полагаю, не въ смыслѣ поглощенія русскимъ закономъ греческаго закона въ отношеніи опредѣленія *количества* вознагражденія за нанесеніе удара грекомъ русскому и наоборотъ, въ Россіи или въ Греціи, но въ предвидѣніи тѣхъ случаевъ несостоятельности виновнаго, когда преступленіе совершено на *русской территоріи* грекомъ или русскимъ, причемъ, по русскому закону, какъ сказано въ договорахъ, виновный отвѣчалъ въ платежѣ пени всѣмъ своимъ достояніемъ, а если его не хватало на покрытіе взыскація и никто не могъ помочь ему въ платежѣ, то *отпускался* на свободу («пущенъ будетъ») послѣ влитвы, *по своей вѣрѣ*, о недоимкѣ по оставшемуся долгу—«о прочѣ (о процѣ), яко никако иному помѣщи ему» (догов. Олега)—«яко не имѣя ничто же» (догов. Игоря¹). Русская Правда знаетъ споры по взыскацію прочаго долга: «Аще гдѣ възыщеть на друузѣ *проче*...», или: «Аще кто възыщеть *коунъ* на друузѣ» (ст. 14 Ак., 44 Кар. сп.), предоставляя разрѣшать ихъ изводомъ предъ 12 присяжными послухамп. Но тамъ рѣчь идетъ о взыскаціи остатка неуплаченнаго долга при *запирательствѣ* отвѣтчика, (ср. ст. 10 догов. Новг. съ нѣмц. XII в.²). Помощь виновному

¹) Статья Олегова договора оканчивается словами: «да пребываетъ тѣмъ *оттоль* независаема о семъ». Ср.: «вачыша *оттоль* быти безъ лести» (Ипат. 228). «*Оттоль* нача работати руская земля татаромъ» (Новг. IV. 33).

²) Въ объяснительномъ словарѣ П. Мрочекъ-Дроздовскаго «проче» значить *середь* (Исслѣдов. Русск. Пр. в. II, 250), но текстъ 97 ст. Русской Правды Кар. сп. не подтверждаетъ его объясненіе: «Аже кто зажжетъ гоумно, то—на потокъ и на грабежъ домъ его; *перезе* пагоубу расплативши, а *еъ проуѣ* (въ остальномъ) князю; поточити тако-же, оже кто дворъ зажжетъ». Читають неудачно: «а въ процѣ князю поточити». Сначала удовлетворялся убытки потерявшаго, все же остальное имущество поджигателя шло въ княжескую казну. Въ Новгор. судн. грам.: «истцю *убыткы* подойметъ». Въ ст. 69 Русск. Правды Кар. сп. о долгахъ: «... княжи коуны *перезе* взяти, а *прокѣ*—въ дѣлѣ» (раздѣлѣ). Въ той же ст.: «отдати *первое* гостевн коуны, а домашнымъ чѣ *сѣ* *останеть*». Въ ст. о сводѣ: «а истцу ждати *прока*». Въ ст. о закупѣ, по Синод. сп.: при продажѣ господиномъ закупа, самовольно взявшаго чужое имущество, господинъ «отдасть же *переди* (за то) чѣ боудеть чужего взялъ, а *прокѣ* ему (господину) самому взяти себѣ»;—«въ процѣ», «о процѣ»—тоже, что: въ прокѣ, о прокѣ. Однако, *проче* имѣетъ значеніе не только указанное И. Срезневскимъ въ Словарѣ древн. русск. яз., на стр. 1607; въ юридическихъ памятникахъ иногда «проче»—въ прочемъ. Такъ въ лѣтоп.: «*проче* и смерть горькую приа» (Лав. 200). Новгородецъ Климентъ въ XIII в. завѣщалъ что *останеться* изъ своего имущества игумену Варламу и всей братіи, клянясь имъ «проче». Предоставивъ полу-

въ платежѣ могла быть оказана не только его семейными, но и посторонними, напр. при нахожденіи у послѣднихъ имущества виновнаго, или же изъ состраданія. Наши лѣтописцы ставятъ въ большую заслугу князьямъ *искупъ должныхъ* (Ипат. 602 и др.). Означенное постановленіе напоминаетъ обрядъ «*chreueshruda*» закона Салическаго, отмѣненный Хильдебертомъ. Если всего достоянія преступника—убійцы, которое обращено на возмѣщеніе положеннаго взысканія, оказывалось недостаточнымъ, то онъ выставлялъ 12 присяжныхъ послуховъ въ доказательство того, что у него никакого болѣе имущества не осталось. Помощниками преступника въ платежѣ являлись отецъ, мать, братъ и другіе ближайшіе его родственники (Lex. Sal., LXI, 1, 2). Въ грекоримскомъ правѣ искъ объ удовлетвореніи долга сводился въ формулѣ «*actio in quod facere potest*», причемъ кредиторъ старался побудить родныхъ должника помочь послѣднему, если ему за неплатежъ угрожало личное задержаніе. Должникъ отвѣчалъ всѣми своими имущественными средствами (*facultates*), въ чемъ бы таковыя ни заключались (*res corporales* и *incorporales*). Вопреки русскому закону о снятіи съ должника портовъ «въ нихъ же ходить», византійскіе сборники и схоласты считали неподлежащею аресту за долги носимую одежду¹⁾. И по нашимъ исконнымъ обычаямъ, всякая помощь нуждающемуся въ ней офидалась имъ и исходила прежде всего отъ ближайшихъ его родственниковъ. Они помогали обоимъ тяжущимся, когда дѣло рѣшалось поединкомъ (Ибнъ-Даста). Они же являлись мстителами по Русской Правдѣ, договорамъ и лѣтописнымъ сказаніямъ. Князь Вячеславъ Изяславовичъ говорилъ угорскому королю: «ты нама еси тако учинилъ, яво можетъ такъ

ченіе розданныхъ въ кредитъ денегъ. Климентъ говоритъ въ концѣ: «ли кто *начметъ съ заирати*, то ты, Варламе, исправи» (ср. выраж. Русск. Правды). При толкованіи договорной статьи слѣдуетъ обратить вниманіе и на ст. 76 Псков. грам. о предоставленіи государю (хозяину) продать за его покругу животъ бѣжавшаго съ села за рубежъ изорника и изыскивать съ него, по явкѣ, *остатокъ* своей покруги. По Губнымъ грамотамъ: «*доставъ татинныхъ животовъ*», за удовлетвореніемъ потерпѣвшихъ, отдавалось на мѣстникамъ и тиунамъ (С. Шумаковъ: Губн. и Земск. грам. 135). См. также разсказъ о томъ, какъ «Левъ князь послалъ Семена своего Дядьковича съ *прочими рѣчи*» (Ипат. 612).

¹⁾ Ср. Е. Ефимова: Посильная отвѣтственность должника. Пехно: Истор. очеркъ гражд. взысканій, и др. О выкупѣ родственниками постановлено и въ одной статьѣ Церковнаго Устава Ярослава о лишеніи жизни женщиною незаконно прижитаго ребенка: «обличивше пояти ю въ домъ церковный, а чимъ ю пакы *родъ окумилъ*», въ Переяславск. спискѣ: «олижъ родъ выкупитъ». По англосакс. закон. Эдуарда Гудрупа, убійца послѣ обѣщанія уплаты *wergeld'a* долженъ былъ искать соответственнаго поручительства 12 родственниковъ. Помощь родственниковъ въ платежѣ виры установлена ютландскими и другими древнѣйшими законодательствами (*Wifda: Das Strafrecht der Germanen*). Помощь эта обыкновенно оказывалась по степенямъ родства. О ней упоминаетъ уже Тацитъ (*De Germ. c. 21*)

братъ роженный *брату* своему, или *сынъ отцю*, яко же ты нама *помоглъ* (Ипат. 291). По закону Винодольскому: «Ако убигне (убійца), имаю негa *ближники* осудъ платити пол, а пол негa реди (наслѣдники), ако ё има». Законникъ Стефана Душана опредѣляетъ порядокъ платежа за преступника ближайшими его родными (ст. 51). Въ червонорусскихъ актахъ, какъ и въ Русской Правдѣ, помощь членовъ верви головнику въ платежѣ виры, плата истцовыхъ убытковъ за отвѣтчика третьимъ лицомъ сохранила названіе помочи. Если панъ отказывался *помочь* суду въ уплатѣ истцовыхъ убытковъ имѣнемъ своего скрывшагося послѣ злодѣянія челоуѣка, то самъ уплачивалъ *помочь* (Грам. Мих. Бучацкаго, 1435 г., Act. grad., XII, p. 425 ¹⁾). Итакъ, отобраніе имущества виновнаго, со снятіемъ съ него портовъ, замѣняло излюбленныя греками заточеніе и ссылку ²⁾, при совершеніи преступленія *от Руси* грекомъ противъ русскаго, или русскимъ противъ грека. Договоры, можетъ быть, имѣли въ виду и круговую поруку верви за русскаго на русской территоріи, какъ по Русской Правдѣ, при платежѣ дикой виры за вложившагося въ нее. Очевидно, послѣдствія несостоятельности, указанные договорами въ главѣ о нанесеніи ударовъ, существенно отличающіяся отъ послѣдствій неимовитости убійцы, распространялись на случаи несостоятельности осужденнаго по дѣламъ о похищеніи имущества, не сопровождавшемся убійствомъ хозяина. Самая редакція договорной статьи обличаетъ ея русскую закваску: «Ци аще ударить» (въ догов. Игоря, по мног. спискамъ),... да (заплатить) како можетъ, втолько же проданъ будетъ, яко да и порты, въ нихъ же ходить, да и то съ него сняти»; по догов. Олега—«да соиметь съ себе и ты самыя порты своя, въ нихъ же ходить»... ³⁾ По Псковской судной грамотѣ,

¹⁾ Весьма подробныя постановленія о платежной помощи преступнику его *домашними* содержатся въ литовско-русскомъ законодательствѣ, уясняющемъ, между прочимъ, и выраженіе: «токо пущенъ будетъ»:—«А кому тати выдадутъ... в усчетъ на немъ заплату побрати, а его *пустити*...» (ст. 12 Судебн. Кавим. Ягел. XV в.). Ср. лѣтоп. подъ 1043 г.: «миру бывшю *пущенъ* бысть Вышата въ Русь». Помощь ближнихъ въ дѣлахъ судебныхъ достаточно характеризуется актомъ 1378 г., въ которомъ изложено, что вѣная женщина явилась въ судъ «съ дѣтьми (своими, и съ зятемъ, и съ внучаты, и со всеми родомъ племенемъ своимъ» (Akt. grad. в Ziemsk. II, 9). Неудивительно, что Новгород. судн. грамота допускаетъ въ судъ только двухъ понятыхъ (ятцевъ),—«а инымъ на *пособье* не итти къ суду ни въ росказу» (ст. 41).

²⁾ По Губнымъ грамотамъ: «которымъ (преступникамъ) платить вѣчимъ, и тѣхъсылать въ Сибирь» (С. Шумаковъ: Губн. и Земск. грам., 133).

³⁾ Ср.: «кто вдасть *порты, ес нели же ходивъ, церкви*» (ст. 86 Уст. митр. Георгія). Въ догов. 912 г.: «да вдасть, слико можетъ... Отсюда, кажется, *продажа* Русской Правды, означающая обращеніе въ продажу, при несостоятельности осужденнаго, его наличнаго имущества на уплату или для выкупа пени, первоначально шедшей въ пользу потерпѣвшихъ, а поздѣе—въ княжескую казну.

даже съ мертвѣго поединщика снимался доспѣхъ: «ино ему взять, чего сачилъ на исцы, а на трупѣ кунъ не пшати, толѣа ему *доспѣхъ сняти*» (ст. 37). Доспѣхъ же есть особый видъ портища—одѣвнѣе военное, *походное*. Въ Правдѣ Ярославовой доспѣхъ названъ портомъ—«изломить портъ».. Обычай снимать порты съ убитыхъ, даже во время кулачныхъ боевъ, засвидѣтельствованъ митрополитомъ русскимъ Кирилломъ: «бьющеса дръкольемъ до самыя смерти и *взимающе отъ убиваемыхъ порты*» (Русск. Достоп. I, 114). Согласно договорной статьѣ, послѣдствіе несостоятельности нанесшаго ударъ («кто кого оударить») какииъ либо орудіемъ, опредѣлено 2-мъ отдѣломъ 3 ст. Русской Правды по Акад. сп: «аще сего не постигнуть тѣ платити ему, то тоу конецъ». По моему разумѣнію: если сего не достигнуть, чтобы онъ тѣ заплатилъ (12 гривенъ), то здѣсь конецъ дѣлу, т. е. судебная власть принимала мѣры ко взысканію; при безуспѣшности же ихъ, виновный освобождался судомъ и потерпѣвшему предоставлялось вѣдаться самому съ обидчикомъ¹⁾.

Перехожу въ отдѣлу о преступленіяхъ противъ чужого имущества. Договоры разграничиваютъ вражу (*furtum*) отъ самовольнаго взятія чужой вещи. Договоръ 912 г. обставляетъ второе преступленіе условіями, отвѣчающими и разбою²⁾ Русской Правды, когда онъ не сопровождается лишеніемъ жизни, и понятію грабежа другихъ памятниковъ, наприм. Псковской судной грамоты: «А *возметъ* (кредиторъ) чѣ за свой долгъ силою, ино быти ему оу *грабежу*» (ст. 67, ср. ст. 48 о *снятіи* портища въ посулѣ) Для обозначенія насильственныхъ дѣйствій существовалъ въ сѣверной Руси болѣе краткій терминъ «сбой», напр. «холопи *сбои*» (Новг. I. 81), отъ глагола «сбивати», употр. въ Новгородской судной грамотѣ (ст. 5). Въ Никон. лѣт.: «*збойчатые* и лукавые люди» (т. X, 213). Въ чешско-моравскомъ правѣ «выбой». Терминъ «сбой» въ Польшѣ означалъ открытое, насильственное отнятіе имущества: «*Spolium publicum, quod zboy dicitur*» (Hube: Prawo Pol. XIII w. 150). «*Zboy*» встрѣчается въ Вислицкомъ Статутѣ Казимира (разд. 123 и др.). Грабежь часто называется лупомъ, лупленіемъ, т. е. обдираніемъ. Лѣтописецъ говоритъ: «законъ бяше въ ляхохъ таковъ: челяди не имати, ни бити, но *луплзуть*» (Ипат. 582);—«добрыя жены и дѣвица видяще надъ собою *лупленіе* отъ татаръ».. (лѣтоп., т. IV, 68, 69). Кромѣ того, читаемъ въ лѣтописяхъ: «людии *полупита*,—

¹⁾ Арабскій писатель Ибнъ-Даста упоминаетъ о поединкѣ тяжущихся руссовъ при ихъ недовольствѣ княжескимъ приговоромъ (А. Гаркави: Сказ. мусульм. писат. 269).

²⁾ «Разбойники *избиваютъ*... по злобѣ и невѣннѣ желанію» (Рус. Достоп. I, 67). Псковская судная грамота разумѣетъ подъ разбоемъ взятіе чужого имущества, сопровождавшееся *боемъ*. «Разбойники *разбиваютъ*» (Губиня грамоты). «Сумержныя брани и деревенскія драки» въ разбой не ставились.

«ятровъ свою облупи», и т. под. Лупу подвергались и мертвые: «мертвыхъ во гробѣхъ *лупяцей*» (Павловъ: О казнѣхъ, 72). Въ червонорусскихъ актахъ грабежъ—отнятіе, обирание: «*песъ, alias grabycъ*» (Act. grad., т. XII, р. 138). И въ кражѣ, и въ грабежѣ, договоры русскихъ съ греками не дѣлаютъ существеннаго различія между *покушеніемъ* на осуществленіе злого намѣренія, переходящимъ въ дѣйствіе, и *совершеніемъ* задуманнаго преступленія, но сливаютъ ихъ при назначеніи навазанія, по приемамъ римскаго и древнегерманскаго правъ. Это раскрывается изъ слѣдующихъ выраженій Олегова договора 912 г., по моему чтенію, примѣняемыхъ къ застигнутому потерпѣвшему, во время самаго учиненія кражи, съ поличнымъ, которое еще не успѣлъ унести и скрыть или сбыть (*furtum manifestum*—«татба съ поличнымъ» Новгород. судн. грам.), сдавшемуся—«аще въдасть («рудъ свои» по Радз.) «украдый» (ср. «вдасть ему руку» Ип. 540) или покорившемуся и связанному вору: «да отдасть тое, еже смь *творити и творить*, тричи о семъ (ср. въ ст. о головахъ: «и будетъ казнь... о семъ»); т. е. долженъ возмѣстить то, что осмѣлился (дерзнулъ) совершить и совершитъ, тройнѣвъ за сіе. Глаголь «отдати» въ значеніи возвращенія покупной цѣны плѣнника встрѣчается въ томъ же договорѣ, а въ значеніи вознагражденія потерпѣвшаго господиномъ за то, «что боудеть взялъ» незаконно его закупъ, употребленъ статьею 75 Русской Правды, замѣняющей отдачу *платой* татбы и продажи въ ст. 88 (Кар. сп.). Въ Судебникѣ XV в. Казимира Ягеллона: «платити *татбу* истцу и *вицу*» (ст. 17). Въ Уставной Смоленской грамотѣ: «Поличное *отдати* назадъ истцу, который приведетъ тати съ поличнымъ» (Собр. Гос. Гр. и Дог., № 148). «Татиное беремя *опять отдати* тому, у кого што украдено» (Сб. Муханова, № 85¹⁾). Далѣе въ договорѣ 912 г. сказано: «Аще кто отъ хрестьянъ или отъ руси *мученья образомъ*²⁾ *искусъ* начнетъ *творити* и на-

¹⁾ При ненахожденіи украденнаго «пакы лица не будетъ»—примѣнялось правило объ оцѣнкѣ, изложенное въ ст. 41 и др. Русской Правды, Кар. сп. По Уставу Губи, грам.: «вы бы на татѣ доправа истцовы иски *отдавали* истцемъ, а въ *продажѣ* тотъ татъ наѣстнику и волостелемъ и ихъ *тѣунамъ*» (С. Шумановъ: Губи. и Земск. грам., стр. 135).

²⁾ «Мученья образомъ»—посредствомъ мученья. Образъ—способъ, средство. Ср. въ Русской Правдѣ: «кымъ любо *образомъ* не ожется».—«Побоями *оумучи*» (О казнѣхъ, ст. 66). «Смердъ *оумучать*» (Русск. Пр. Ак. сп.). «Ни *мучить*, ни бить» (Псков. грам., ст. 27). Въ лѣтописяхъ и юридич. актахъ часто «примучить»—принудить: «А некоторая злая воля *примучени*» (Arch. Sang. I, № IX. Вотъ поразительный примѣръ жестокихъ истязаній: Попа Патрикѣя «емше начаша *мучити*. . многи *муки* претерпѣ, на сковрадѣ пскоша и, и за ногти щепы биша, и ноги прорѣзавъ, уха въдергавъ, по хвостѣ у конь волочиша. и тако въ той *муцѣ* скончася» (Воскр. т. VIII, 85, п. 1410 г.).

силе явѣ, или *взять* что либо *дружне*, да въспятить *троиче*» (въ нѣ хот. сп. «трииче» (ср. «*потроичи мече каменъемъ*», Ипат. 563), т. е., если кто изъ христьянъ, или изъ русскихъ мучительнымъ образомъ (посредствомъ мученья—физическаго принужденія, притѣсненія, или истязанія) попытку (пробу или покушеніе) учнетъ совершать и василе явно (для занятія) или возьметъ что либо дружеское (другому принадлежащее)¹⁾, то да возвратитъ втроинѣ. Здѣсь необходимо оговориться. Въ нѣкоторыхъ спискахъ (Ипат. и т. п.) стоятъ «дружинне», что напрасно предпочитаютъ Н. Лавровскій (О Визант. элем. въ яз. догов., 124, 125), Тальбергъ (Насильств. похищ. Ж. М. Н. Пр. 1879 г. ч. 206, 24), М. Владимірскій-Будановъ, усматривающій въ дружинномъ похищеніи разбой (Обз. ист. русск. пр., 259). Подтвержденіемъ того, что искусь²⁾, вопреки толкованію И. Срезневскаго, разумѣвшаго подъ нимъ, въ изслѣдованіи о договорахъ, идею пиратства, правильно принять мною за *tentatio* (первое значеніе искуса по его-же Словарю древне-русск. языка (ср. «кушатися», Ипат. 300), и что покушеніе, въ договорной Правдѣ, какъ продуктъ воли, карается лишь при достиженіи преступной цѣли посредствомъ совершенія задуманнаго, служить параллельная статья договора Игоря: «Аще ли кто *покуситя* (попробуетъ, попытается) отъ руси взяти что отъ людей царства нашего, иже то *своритъ*, поважнѣнъ будетъ вельми: аще ли *взялъ* будетъ, да *заплатитъ сугубо*; и аще *своритъ* грѣчинѣ русину, да примѣтъ ту же казнѣ» (наказаніе). Тройному взысканію Олегаова договора соответствуетъ *triplum* древнѣмецкаго права за подобныя же преступленія (*garina*) въ Капитуляріяхъ Карла Великаго, lib. VI, и Людовика Благочестиваго 826 г., cap. 1. Lex Bajuvariorum (tit. VIII, § 11) обязываетъ виновнаго за похищеніе изъ публичныхъ мѣстъ отдать втроинѣ: «*ter niun geldum componat, hoc est ter novem*³⁾ *reddat*». Впрочемъ, и римскому праву не чуждо взысканіе

¹⁾ Въ Законѣ судномъ: «положеніе *дружне*; украдѣ, да дасть сугубѣ *другу*». Въ Русской Правдѣ: «аще взыщеть на *дружь*», «плагити изъ *дружинны* свою часть». Въ Смоленской Правдѣ: «кто бьетъ *дружа* дѣревѣмъ,—аще кто *дружа* ранитъ». Въ Псковск. грам.: «за *дружа* не тягаться» (ст. 69). Въ Зак. Стефана Душана: «Кто проведи *дружмлю* челоувѣва оу тоуждую землю» (ст. 93).

²⁾ Искусь, какъ попытка, совпадаетъ, по значенію, съ *искушеніемъ* въ догов. 912 г., имѣющемъ разные отгѣнки. Ср: *requisitio*, *alius rufhane*, въ Полициомъ и др. ю. слав. законахъ и въ Статутѣ Мазовецкаго князя Конрада 1421 г. Въ русск. копномъ правѣ—*опытъ*. Въ лѣтописи—*испытаніе*: «Янь, испытывъ, чья есть смерда».. (подъ 1071 г.). Метиславъ кievскую чадъ безъ вины погубилъ, «не испытывъ». Въ Лавр. пропущенъ глаголъ «начнетъ» (творити), очевидно, по недосмотру.

³⁾ Тройную девятину. Въ девятину, при Мервингахъ и Каролингахъ, включалось *девять частей* пени, остававшихся за отчисленіемъ *десятыми* въ пользу церкви, какъ

пробной цѣны похищеннаго. Такому взысканію подвергался, по иску *furti concerti*, домохозяинъ—«мѣстникъ», у котораго при обыскѣ обнаруживалась украденная вещь, или же, по иску *furti oblati*, тотъ, кто ее подложилъ (Зак. XII таблицъ ¹⁾). Правило о тройномъ вознагражденіи получило широкое распространеніе въ древней Руса; оно узаконено, между прочимъ, ярлыкомъ Узбека 1315 г.: «чтѣ возмутъ (въ видѣ запрещенныхъ поборовъ), и они отдадутъ навадъ *третицею*» (Собр. Гос. Грам. и Догов., № 7). Если устранить превратныя сужденія о системѣ и деталяхъ договорной Правды X в., въ томъ числѣ предположеніе нѣкоторыхъ, напр. Станиславскаго, что объ одномъ наказаніи за взятіе чужого имущества («покаженъ будетъ велими:—аще ли взялъ будетъ, да заплатитъ суубо»), договоръ Игоря *умалчиваетъ* (Юрид. Сб. Мейера, 167), то окажется, что попытка или покушеніе измѣряется и облагается соответственнымъ съ виною наказаніемъ по одинаковому съ совершеніемъ преступленія масштабу, приложенному, по Олегову договору, и къ взятію чужого имущества у людей потерпѣвшей крушеніе лодьи: «аще ли влючится кому (у кого) отъ моя лодья... взяти что любо, да повинни будутъ то *своршии презереченною епитемьею*» ²⁾ (тройному взысканію), буде, очевидно, взятіе было *открытое*, или же не воплиѣ осуществившееся преступное намѣреніе воплотилось въ сопровождавшейся насиліемъ попыткѣ взять чужое имущество ³⁾.

Развитіе и согласованіе съ договоромъ 912 г. въ договорѣ 945 г. системы наказаній за разнаго рода обиды примѣнительно къ русскимъ и греческимъ обычаямъ и законамъ, вытекаетъ изъ стремленія достигнуть

«съ суда — девять частей князю, а десятая—церкви» по церковному Уставу Владимира св. (списокъ Кормчей XIII в.) и по Русской Правдѣ, принявшей *условныя* девятину и десятину.

¹⁾ Наши изслѣдователи договоровъ X в., говоря, что за *furtum manifestum* у римлянъ полагалось *четверное* взысканіе, упускаютъ изъ виду не только законъ XII таблицъ, предоставляющій потерпѣвшему широкую власть надъ явнымъ воромъ, но и слова Гая, что «ante roenam quadrupli явная кража считалась *капитальнымъ* (уголовнымъ) преступленіемъ». Четверное взысканіе за нее, какъ утверждаютъ лучшіе знатоки римскаго права, было установлено позднѣе, преторскимъ эдиктомъ, уполномочивавшимъ и на искъ *furti prohibiti—in quadruplum* противъ того, кто препятствовалъ производству у него обыска, и на искъ *furti non exhibiti* противъ того, кто отказывался выдать обнаруженную у него краденую вещь.

²⁾ Въ латинскихъ грамотахъ, напр. гл. V догов. 1271 г., уравниваются также «*graviora attentata sive facta* (Воезек: Dipl. IV, 52). «Епитимія—реже *запрещеніе*» (Прав. св. Василия въ древн. Кормчей).

³⁾ По ученію римскихъ юристовъ,—«*quamvis qui rapuit, fur improbus esse videtur. Julianus scribit—eum qui ei rapit, furem esse improbiorem*». Начиная съ претора Дукулла (76 г.), вошедъ въ практику *actio ei bonorum raptorum—in quadruplum* (Гай).

возможно полной гармоніи между ними и равновѣсія правъ договаривающихся сторонъ. Вообще, замѣчу кстати, конвенціи 912 г. и 945 г., представляющія стройное цѣлое, чуждое противорѣчій, гораздо болѣе связаны правовымъ единствомъ, чѣмъ многіе думаютъ, но единство разновременной договорной Правды двухъ національностей сводится къ основнымъ руководящимъ началамъ и признакамъ, не достигая, по необходимости, вызывавшейся правовыми особенностями каждой изъ этихъ національностей, абсолютной ассимиляціи частностей, свойственныхъ грекоримскому и русскому правамъ въ отдѣльности и искусно выгороженныхъ греческими и русскими дипломатами при помощи изрѣченій, нерѣдко обнимающихъ цѣлую совокупность правовыхъ нормъ, процессуальныхъ обрядовъ и условій наказуемости. Несмотря на то, Правда договоровъ русскихъ съ греками не только по своему составу, но и по опредѣленію послѣдствій преступныхъ дѣяній, гораздо богаче договоровъ грековъ съ венеціанцами, генуэзцами и другими народностями, гдѣ господствуетъ упрощенная формула: «puniantur per potestatem secundum jura legum et secundum qualitatem delicti». (Atti d. soc. Ligure, vol. 28, 501¹⁾).

Всѣ изслѣдователи нашихъ договоровъ *суббое* (двойное) вознагражденіе по преступленіямъ противъ собственности, принятое договоромъ 945 г., признаютъ измѣненіемъ *тройною* вознагражденія, назначеннаго договоромъ 912 г. Послѣ тщательнаго изученія договорной Правды X в. мною обнаружено, что измѣненіи количества вознагражденія за похищеніе и самовольное взятіе чужого имущества договоръ Игоря, обновившій старый миръ съ греками, не вноситъ, но дополняетъ прежній договоръ 912 г., предусматривая кражу не явную—*furtum nec manifestum*, облагаемую двойной пеней (роена dupli) по закону XII таблицъ, одинаково съ самовольнымъ взятіемъ чужого имущества безъ признаковъ разбоя или грабежа съ насиліемъ, раздробляя притомъ удовлетвореніе потерпѣвшихъ на вознагражденіе въ видѣ возвращенія похищеннаго или его стоимости по принадлежности и наказаніе виновнаго сообразно съ цѣною похищеннаго. Какъ по закону XII таблицъ, воръ *nec manifestus* приговаривался *duplione dampnum decidere* и удовлетворять потерпѣвшаго за украденную вещь, такъ и по аттическому праву, воръ долженъ былъ отдать обокраденному уворованную вещь или ея цѣну, а кромѣ того, уплатить *двойную* ея цѣну (Telfy: Corp. jur. att.). Возвращеніе украденнаго и уплата двойной его стоимости

¹⁾ Въ договорахъ между греками и генуэзцами съ XII в. объ ответственности за преступное взятіе чужого имущества при караблекрушеніи трактуется обыкновенно такъ: «. . si navigium genuense a quocumque loco veniens in Romaniam periclitetur et contigerit ut aliquid ex iis, quae in ipso sunt, ablatum fuerit a quocumque, fiat de his vindicta a majestate mea et restauratio hujusmodi rerum». . (Ib. № II, 351).

потерпѣвшему свойственны византийскому праву, по которому за первую кражу виновный, *сверхъ возвращенія украденнаго* или его равноцѣнности, приговаривался къ платежу *двойной* стоимости похищеннаго (EccI. tit 17, cap. 11; Proch. tit 39, cap. 54). Законъ царей Льва и Константина, въ славянскомъ переводѣ, помѣщенномъ въ Кормчей, гласитъ: «Каждый... аще свободенъ есть и *можетъ*,— на *оустройство* оукраденнаго, посемъ *соузубу* оукраденнаго *цъну* да подасть; аще ли *неимовитъ* есть, да биенъ боудеть и заточенъ (вариантъ—«въ заточеніе да *пуценъ* будетъ»). «Аще богаты и свободны суть, да *возративше* украденное, и *сузубицею* толико же да *вздадять татьбу* потерпѣвшему». По другой редакціи: «къ количеству оукраденнаго и *сузубу* отдадять татьбу пострадавшему», какъ изложено въ выпискахъ изъ новыхъ заповѣдей царя Юстиніана (Кормч. гл. 44, ср. Павлова, Кн. закон., 71). По договору 945 г.: «да приметъ туже *казнь*», не зависимо отъ обязанности возратить взятую вещь хозяину, какъ и по 12 ст. Русск. Правды Акад. сп. и 29 ст. Карамз. сп., кромѣ возмѣщенія *убытка* въ видѣ возвращенія самовольно взятаго или его стоимости, уплачивается виновнымъ за обиду пеня, иногда вдвое, напр. за украденную лодью—30 рѣзанъ, а продажи 60 рѣзанъ (ср. ст. 91 Карамз. «лицемъ воротити»). Въ 43 ст. Русск. Правды за кражу, учиненную холопомъ, постановлено, согласно съ нашими договорами, «*двойчи* платити къ истцу за обиду», конечно сверхъ возвращенія поличнаго или его стоимости, реальной, либо урочной, смотря по обстоятельствамъ ¹⁾. Въ древнемъ Законѣ земледѣльческомъ есть нѣсколько статей о *двойномъ* вознагражденіи за нарушеніе чужой собственности, кромѣ отдачи незаконно взятаго и присвоеннаго имущества (ст. 59, 60, 63, 67). По Юстиніанову закону, даже тотъ, кто «раздѣлитъ землю криво, да *вѣдасть двое*... (R. Hube: Знач. правъ римск. и римско-визант. у народ. слав.). Двойное вознагражденіе за укра-

¹⁾ Примѣненіе закона *русскаго* въ ст. догов. 945 г. о кражѣ ставитъ изслѣдователя въ необходимость обратиться къ Русской Правдѣ, языкъ которой мѣстами темнѣе языка договорнаго. Въ ней неоднократно упоминается о *поличномъ* и о томъ, что съ нимъ *погибло* (ст. 30, 33, 36, 40 Кар. сп.). Особенно важна послѣдняя статья: «... а у него же погыбло, *оже* *будеть* *лице*, *лицемъ* поемлетъ, а за *лѣто* *възметъ* по *полугривнѣ*. Три *гривны* за княжаго коня, а за иныхъ—*двѣ* *гривны* (ст. 41) уплачивалось въ случаѣ отсутствія лица, какъ при кражѣ *хлѣба* въ *гумна* или *ямы* по ст. 40 и лодьи по ст. 91 (ср. ст. 29, соотв. ст. 12 Акад. сп.). Размѣръ платы за гибель назывался урокомъ: «... за *пагоубу* *гривна* *уроки* платити» (ст. 98 Кар.), по своему *условному* характеру, какъ «*уречены* уроки» относительно раздѣла *пѣвныхъ* въ Судебникѣ царя Константина и уроки, полагавшіеся въ вознагражденіе судебнымъ органамъ, рабочимъ, мостившимъ мосты, и т. под., т. е. *еяко* *оуречено*: (Лѣтоп. Переясл.—Суд. подъ 907 г.), или же въ пользу церкви и на другія надобности: «Ярославъ давахъ имъ *имѣнія* своего *уроки*» (Лавр. 149) Ольга *установила* *уроки* въ Деревской землѣ, и т. д.

денное полагается и по Синтагмѣ Петра Властара XIV в., составленной примѣнительно въ греко-римскому законодательству (см. изслѣдов. о ней Н. Ильинскаго). Въ судебныхъ вѣдѣхъ Привислинскаго края (акты 1348 и 1394 г.) мы находимъ, независимо отъ возвращенія украденнаго, «*duplex poena furticia*», обложеніе «*diabus marcis racione dampni*» (R. Hube: Prawo polsk. XIV w., стр. 279). Изъ древнихъ узаконеній, между прочимъ и Закона суднаго, дѣйствовавшаго, по крайней мѣрѣ отчасти, въ Руси при Владимірѣ св., ветхозавѣтная *сумубина*, полагавшаяся по тому Закону и въ наказаніе татю, съ отдачею истцу противъ указанной цѣны, проникла въ Судебникъ и въ Уложеніе Алекс. Мих. (гл. X, ст. 210). Въ старѣйшихъ южнославянскихъ законодательствахъ, составляющихъ смѣсь грекоримскихъ правовыхъ нормъ съ мѣстными обычаями, преобладаетъ всюду двойное взысканіе—*двоина* или *дупла* (*duplum*) въ пользу потерпѣвшихъ отъ подобныхъ преступленій. Таковы Юстиниановъ законъ о записаніи, уставы Визодольскій, Сплетскій, Корчскій и др. (*Monum Slav.* и *Monum. hist. juridica*). Наряду съ этимъ излагаются постановленія о личбѣ, т. е. *лиць* или *поличномъ*. Литовско-русское законодательство переименовало «*duplum*» въ советое вознагражденіе: «*совето* або водвое» (Лит. Стат. 1588 г., XI 28).

По договору Игоря, воръ долженъ возвратитъ не только наличностью все украденное, но и цѣну его, если оно не было отыскано. Похищенное подлежало возврату всецѣло, какъ и снесенное челядиномъ: «да вспятать и опять, и еже что принеслъ будетъ,—все цѣло»¹⁾. Цѣна давалась и за обиду потерпѣвшаго, въ наказаніе вора, при неявной кражѣ, всегда сугубая—двойная, независимо отъ возврата поличнаго, или его стоимости, въ возмѣщеніе убытка: «достойно есть да возворотитъ ѣ (что украдено) не точью едино, но и цѣну ею; аще украденое обрящется, *продаемо*²⁾ (най-

¹⁾ Уложеніе Алекс. Мих. повторяетъ выраженіе договора: «отдати истцу все съ цѣль» (гл. X, ст. 210). Если не найдена была лишь часть похищеннаго, то приплачивалась ея стоимость

²⁾ Во всѣхъ лѣтописныхъ спискахъ, исключая Лавр. и вѣкот. сходн., гдѣ «*предасмо*», стоитъ «*продаемо*». Ср.: «се *продаемы* бывають». . . Нельзя «*продаемое*» не считать проданнымъ или сбытымъ (ср. «по нуши *проданы* будетъ»), ибо въ противномъ случаѣ полагалось бы *тройное* наказаніе и не было бы соответствія съ *наказаніемъ* за незаконное взытіе чужого имущества («показненъ будетъ вельми»), заключающемся въ *сугубомъ платежѣ* («да заплатитъ сугубо»), конечно, *цѣлы* взятаго, причемъ обязанность возвращенія поличнаго, *если оно не отобрано*, или его стоимости, сама собою разумѣется. Когда украденъ, или же подвергнутъ принудительной *продажѣ* челядинъ русскій, то онъ *возвращался* хозяину («да ищуть. . . обрѣтаемое да имуть ѣ»), но украшій челядина, кромѣ того, подлежалъ общему *наказанію*, положенному за кражу.—По римскому праву, при *продажѣ* чужой вещи собственникъ ея, посредствомъ *actio auctoritatis*, могъ взыскать съ продавца *двойную* стоимость вещи.

дятся, будучи продаваемымъ), «да власть и *цльму ею сугубо* (въ Ипат. «сугубу»), и ть *показненъ* будетъ по закону гречьскому, по уставу, и по закону русскому». Такимъ образомъ постановленіе Олега на договора о тройномъ вознагражденіи потерпѣвшаго также имѣеть, отрицаемый Влад.-Будановымъ, по недоразумѣнію (Общ. ист. русск. пр. 258), характеръ наказанія, размѣръ коего не измѣнился отобраніемъ того, «яже будетъ погубилъ» потерпѣвшій—«паче убо да възметъ свое».

Стремленіе въ обобщенію и согласованію индивидуальныхъ и публичныхъ интересовъ на почвѣ національнаго права державы, въ предѣлахъ которой совершено преступленіе, сказалось, между прочимъ, въ статьѣ договора 912 г. о кражѣ, побѣгѣ, принудительной продажѣ и укрывательствѣ челядина русскаго, изъ которой выдѣлено въ договорѣ 945 г. бѣгство русскаго челядина, съ назначеніемъ цѣны его въ томъ случаѣ, если онъ не найденъ. По первому договору, гости русскіе, утратившіе челядина, искали его въ Греціи при содѣйствіи греческихъ органовъ власти. «Аще ли кто искушенія сего не дасть створити мѣстникъ,—да погубитъ правду свою»¹⁾. Погубленіе заподозрѣннымъ въ укрывательствѣ челядина обывателемъ своей правды за препятствованіе къ производству у него обыска,—навлекаемое имъ на себя возмездіе,—есть эквивалентъ утраты гостемъ челядина. Отвѣтственности укрыватель челядина подлежалъ по законамъ своей страны. Считающіе мѣстника мстителемъ²⁾, какъ Эверсъ, Владимірскій-Будановъ и др., заблуждаются. Нельзя не согласиться съ Срезневскимъ, Соловьевымъ, Бѣляевымъ, Сергѣевичемъ, что мѣстникъ (откуда помѣстникъ, помѣщикъ, ср. намѣстникъ и мѣстичъ)—мѣстный домохозяинъ, ибо въ Судебникѣ царя Константина (Законъ судный) мѣстникъ упоминается въ томъ же значеніи, а по правамъ Рипуарскому, Бургундскому и Салическому, домохозяинъ, укрыватель утраченнаго признается воромъ. Укрывательство челядина вошло и въ Русскую Правду. Къ сожалѣнію, статью 10 Акад. сп. (ст. 27 Карамз.)—«Аще ли челядинъ съкрыется *любо оу варяга, любо оу колбляма*», превратно толкуютъ въ смыслѣ укрывательства челядина *варягомъ* или *колблямомъ*³⁾. Наоборотъ, статья разумѣеть по-

¹⁾ По Псковскому законодательству, препятствовавшій проиввести у себя обыскъ для обнаруженія краденныхъ вещей признавался виновнымъ въ татѣбѣ, какъ и тотъ, у кого, по оговору, найдено поличное (ст. 57 и 60).

²⁾ Въ догов. Новгорода съ польскимъ королемъ Казиміромъ, XV в., мѣсть—отмѣсть или отмѣстка: «а *отмѣста* кунъ не имати» (ст. 1); въ Псковской судной грамотѣ: «судомъ не *мстителъ*» (ст. 3).

³⁾ М. Владимірскій-Будановъ неизвѣстно почему колблягамъ считаетъ восточныхъ инородцевъ (Общ. ист. русск. пр., 265). Если слово «колблягъ» славянскаго корня, то оно, кажется, въ тѣсной связи съ простонароднымъ словомъ *колоба* — кругъ, обкругъ, откуда

бѣгъ челядина, принадлежащаю варягу или колбю, являющима здѣсь пострадавшими, — «изымати ему свой челядинъ»¹⁾. Достаточно въ доказательство привести, напр., ст. Закона суднаго «о мачехахъ, крѣпящихъ имѣніе оу чужей чеди», съ угрозой мачихѣ лишеніемъ того, «его же будетъ крыла». Мачиха, скрывающая имѣніе, принадлежащее чужимъ дѣтямъ, лишается сокрытаго ею, т. е. оно отъ нея отбирается. Извращеніе статьи Русск. Правды объ укрьвательствѣ произошло отъ недостаточнаго пониманія духа и особенностей древнерусскаго языка.

Одна статья договора 912 г. посвящена праву наследованія, безъ духовнаго завѣщанія и по духовному завѣщанію, послѣ умершихъ въ Греціи русскихъ, состоящихъ на службѣ («работающихъ») у греческаго («христианскаго») царя и, слѣдовательно, ему подчиненныхъ въ качествѣ пришлыхъ добровольцевъ, поступившихъ въ ряды его войска, которыхъ необходимо отличать отъ плѣнныхъ, поработенныхъ греками²⁾: «Аще ли обрящутся русь работающе у грекъ, аще суть плѣнници».., подлежащія, по договору 945 г., выкупу за опредѣленную плату. Въ договорѣ 912 г. условлено, что когда предстоитъ грекамъ война, то приходящія въ Грецію русскіе, сколько бы ихъ ни было, если въ удовлетвореніе военныхъ потребностей захотятъ почитать («почестити») царя и у него остаться (на службѣ)

географич. назв. «Колбѣжичи», и съ глагол. «колобоить», употребительномъ въ сѣверной Россіи, — т. е. говорить *околичности*, нести *околесицу* (ср. Дополн. къ Опыту области велкорусск. Словаря, изд. Акад. Наукъ, стр. 84). Патріархъ Фотій говоритъ о подчиненіи руссамъ *околожнаго* населенія. По Динешки, *келлби* живутъ на берегахъ Варяжскаго моря (Frähn: Ibn-Foszlun's Berichte, 192—194) въ скандинавскихъ сагахъ: «Kyblingar, Kilringar, Kyflingar», торговавшіе съ финнами. Исландскій аббатъ Николай (XII в.) пишетъ, что на сѣверѣ лежитъ земля «Kylvingarum, quam vocamus regnum Gardarum»; а въ географич. соч. Хаука Эрлендсона (XIV в.): «Russia, quam nos Gardarik'am appellamus» (Ant. Russes).

¹⁾ Ср.: «аще кто челядина пояти хочеть» (ст. 15 Акад.); — «свой челядинъ пояти, а оному платити» (ст. 37). По договорамъ 912 и 945 г.: «Аще ускочитъ челядинъ». — «Ускочи Игорь у половцевъ».., т. е. отъ половцевъ (Давр. подт. 1186 г.). А оу кою ступитъ должникъ въ записи (ст. 93 Пск. судн. гр.), т. е. отъ котораго спрячется или укроется, — уклонится отъ платжа.

²⁾ «Отъ людей царства нашего ускочитъ челядинъ нашъ къ вамъ». Плѣнъ, въ X в. и позднѣе, былъ источникомъ рабства, противъ чего возставалъ 3-й Латеранскій соборъ 1179 г. и церковные проповѣдники. По словамъ императора Маврикія, у славянъ плѣнные... «in servitute tenentur», но «ablata mercede, velent dein reverti ad suos aut шапеге apud ipsos».. По Ибнъ-Дасту (около 912 г.), руссы обращали плѣнныхъ въ рабство. Клятва пословъ Игоря «да будутъ раби... да будетъ рабъ» предполагаетъ взятіе въ плѣнъ. Примѣръ работы въ смыслѣ службы: князья болоховскіе «общашася (Давиду Романовичу) работъ быти» (Ипат. 527).

(«и хотятъ остатки у царя»),—«своею волею да будутъ», т. е. пусть располагаютъ (собою) по своей волѣ¹⁾. Не повторяя извѣстныхъ фактовъ, касающихся почетной службы варяговъ у греческихъ императоровъ, отмѣчу лишь, что когда восточные захватили Царьградъ въ 1204 г., то изгнали изъ города варяговъ,—«ниже бяхуть ся остали» (Воскр. лѣт. т. VII); въ оставшихся дружинахъ были, вѣроятно, и русскіе. Упомянутый договоръ охраняетъ имущественныя права отсутствующихъ наследниковъ послѣ умершихъ въ Греціи на службѣ у царя русскихъ, возлагая на греческое правительство заботу о возвратѣ *не завѣщанною* ими имущества, кому слѣдуетъ, чрезъ посредство забирающихъ товаръ русскихъ,—разныхъ лицъ, приходящихъ въ Грецію и въ ней подолгу остающихся («удолжающихъ»)²⁾. Первая половина статьи трактуетъ объ умершихъ *безъ завѣщанія*: «Аще кто умреть, не урядивъ своего имѣнья, ни и *своихъ* не имать, да възвратитъ имѣнье къ *малымъ* (въ нѣкот. сп.: «къ милымъ») *ближникамъ* въ Русь». Подъ «своими» часто разумѣютъ нисходящихъ, а подъ «малыми ближниками»—боковыхъ родственниковъ (напр. Владим.-Будановъ—Обзоръ ист. русск. пр., стр. 407, Ключевскій—Боярская дума древн. Руси, гл. V),—тогда какъ ближніе убитаго, и нисходящіе, и боковые, по договорамъ, расправляются, въ качествѣ мстителей, съ убійцей и получаютъ часть его имущества³⁾. В. Нивольскій, въ диссертациі «О началахъ наследованія въ древнѣйшемъ русскомъ правѣ», подвергъ статью весьма подробному разбору и все-таки не далъ вполне удовлетворительнаго комментарія, пренебрегши актами, на которые обратилъ вниманіе А. Неклюдовъ, хотя, къ сожалѣнію, безъ связи съ договоромъ 912 г., въ изслѣдованіи о зауморщинѣ (Начало снош. Россіи съ Турціей, Сб. Моск. Гл. Арх. М. И. Д.). Въ 1492 г. вел. князь Іоаннъ III Васильевичъ вступилъ въ сношенія съ турецкимъ султаномъ Баязетомъ по поводу притѣсненія русскихъ гостей⁴⁾.

¹⁾ Ср. ст. 68 Русской Правды Кар. сп.: «ждутъ ли ему, продадутъ ли его, *своа или сола*». Такъ и въ Смоленской Правдѣ взаимная военная помощь нѣмцевъ и русскихъ зависитъ отъ ихъ воли: «ажь самъ хочеть, тотъ ѣдетъ»....

²⁾ Ср. «удолжися остоа въ градѣ» (Лавр. 124). Къ такимъ должающимъ принадлежали напр. руссы, принимавшіе участіе въ критской экспедиціи грековъ 949 г., на семи вспомогательныхъ судахъ, дѣйствовавшихъ въ Диррахіи и Далмаціи: «*Russorum erant viri 584, quibus si accensentur 45 pueri seu servi in castris servientes, erant russi universi 629*». J. Stritter: *Memoriae popul.*, т. II, 972 и 973).

³⁾ М. Владимірскій-Будановъ, утверждая, что къ боковымъ родственникамъ, по Русской Правдѣ, не могло переходить имущество наследодателя, ни по завѣщанію, ни по закону (Обзоръ, 410), въ примѣч. къ ст. 13 договора Игоря поясняетъ, что общественная власть удовлетворяетъ родственника—*наследника* убитаго (Христ. по ист. русск. права). Нельзя, однако, допустить, чтобы законъ Ярославовъ «мстять брату брата» былъ чуждъ руси X в.

отправлявшихся съ торговою пѣлю въ занятыя турками греческія земли. «Нигдѣ», писалъ вел. князь, «такая сла не чинится надъ нашими гостями, какъ въ салтановѣ земляхъ: разболится человекъ да учнетъ товаръ свой давати брату своему, или племяннику, или съ товарищомъ своимъ учнетъ посылати къ женѣ своей да къ дѣтямъ, и они еще у живаго у него товаръ его отънимуть, а товарищовъ его къ нему не припустятъ. И мы нынѣ, на сей веснѣ, тѣхъ дѣла дѣла своихъ гостей въ Азовъ и въ Кафу ¹⁾ не отпустили... Еще нашихъ гостей будетъ человекъ пять или шесть въ одномъ котлѣ и одинъ человекъ изъ нихъ разболится какою болестью, да еще онъ живъ... а они отъ него всѣхъ его товарищовъ отошлютъ, а у тѣхъ... товаръ запечатаютъ, а какъ тотъ человекъ умретъ и они у всѣхъ у нихъ товаръ возмуть, а назовутъ тотъ товаръ того мертвѣго человека... Въ грамотѣ Баязета отъ 1497 г. приводится тѣмъ по содержанію рѣчей русскаго посла: «А кой дей отъ твоихъ гостей умретъ, а свой животъ кому приважетъ, а мои дей зауморщики того живота тѣмъ приказникомъ не дають»... Возражая на это, Баязетъ ссылается на принимаемыя его зауморщиками охранительныя мѣры. Товаръ больного описываютъ, «доколѣ оможется», выздоровѣвшему товаръ возвращаютъ; товаръ умершаго отдають на сохраненіе «дотола, хто по тотъ животъ приѣдетъ, а какой человекъ больной, не будетъ у него *никого* (Неклюдовъ прибавилъ—«изъ своихъ», чего нѣтъ въ текстѣ), а въсхочетъ духовную писати на чье имя заочи, кого воименуешь, вадыи ему духовную напишетъ, и онъ умретъ»... Употребивъ часть имущества на похороны, «остатокъ живота взявъ, блюдутъ, доколѣ тотъ его *приказчикъ* приѣдетъ, на чье имя писалъ... и они ему изъ тово живота дадутъ половину по обыску, а другую половину дадутъ зауморщикомъ... А коего твоего человека не станетъ *въ нашей землѣ*, гдѣ ни будетъ, а *тутъ у него будетъ братъ, или племянникъ*... приди къ вадыю да ему скажися,—братъ-ли, или племянникъ, и свидѣтелей на себя постави, и они правду Божию дадутъ, да животъ возмуть». При отсутствіи подлѣ умершаго родныхъ, имущество сохраняется въ теченіе года,—«или

¹⁾ Въ 1476 г. «туркове взяша Кафу (нынѣ Феодосія) и гостей московскихъ много побиха, а иныхъ поимаша, а иныхъ пограбивъ, на окупъ подаваша» (Воскрес. т. VIII, 181). Гости московскіе отправлялись великимъ княземъ въ Крымъ, а позднѣе въ Царьградъ, съ послами. Въ 1497 г. Иванъ Васильевичъ послалъ пословъ своихъ въ Крымъ, къ царю Менглигирью, князя Ивана Звѣнца, а въ Царьградъ, къ султану Баязету, Михаила Плещеева, «и съ ними *многихъ гостей съ Москвы* отпустилъ» (Ib. стр. 233). Споры о зауморщичѣ продолжались до 1501 г., когда гости жаловались великому князю, что имъ «сла чинится въ судѣ .. къ Кафѣ: чего станетъ искать русинъ на бусурманинѣ, или кто изъ русскихъ умретъ, и если у русскихъ не будетъ свидѣтеля бусурманина, то сколько бы ни было свидѣтелей русскихъ, судьи имъ не вѣрятъ и русиновъ обвиняють въ судѣ и въ *зауморкѣ*»... (С. Соловьевъ: Ист. Рос., т. V, гл. IV).

кто придетъ о томъ статьѣ... кадый обыскавъ, ему тотъ животъ отдасть. А если у больного не будетъ съ нимъ роду его ни племени, а языкъ его говоритъ, и онъ себя пишетъ духовную на имя сына ли, или брату ¹⁾, или племяннику, кто будетъ у него на Руси, и духовную бы писалъ собѣ передъ добрыми людьми». Призжемъ имущество отдавалось по повѣркѣ... «А который человекъ въ моей землѣ умретъ, а братъ у него *тутю* не будетъ, ни племяни, и язъ тѣ дѣла приказалъ своимъ людямъ беречи... а его самого похоронити и по немъ поправить, какъ се будетъ его приказъ въ духовной» (Собр. Гос. Гр. и Догов. ч. V, № 22, 23, 34). Турки, въ 1453 г., завоевавъ Царьградъ и затѣмъ окрестныя земли, столгнулись съ обрядами, соблюдавшимися тамъ искони греками по отношенію къ имуществу умершихъ русскихъ гостей. Нарушеніе турками освященныхъ договоромъ стародавнихъ правилъ вызвало протестъ вел. князя Іоанна Васильевича, имѣющій для насъ, въ связи съ попыткой султана оправдать турецкое правительство, очень важное значеніе, косвенно помогая разъяснить договорную статью о наследованіи. Если умершій *безъ завѣщанія* не имѣлъ подъ рукою никого изъ своихъ (родныхъ) ²⁾, кому бы наследственное имущество могло быть поручено или передано, то оно *возвращалось* къ его *малымъ ближикамъ* въ Русь, при содѣйствіи греческаго правительства, принимавшаго охранительныя мѣры ³⁾. Такъ и по ст. 111 и 115 Русской Правды Бар. сп., имущество умершаго подлежало *возвращенію* опекунами

¹⁾ Ср. наданную И. Срезневскимъ духовную новгородца Климента, XIII в.: «Того дѣла написахъ, зань да не было у мене, брата, ни сыну». Все читаютъ: «не было у мене брата, ни сыну». Дѣло въ томъ, что самъ завѣщатель, «рабъ Божій, постригшисъ въ чернецы, поступилъ въ среду монашеской *братіи*, къ которой обращено завѣщаніе и въ пользу которой оно составлено, называя себя братомъ. Въ концѣ онъ угрожаетъ нарушителямъ завѣщанія стать предъ Богомъ не съ нимъ однимъ, завѣщателемъ, но со всемъ его *племениемъ*. Въ посланіи къ Метиславу, подъ 1287 г., Владиміръ Васильковичъ заявлялъ: «а нѣ у мене дѣтей, а дамъ тебѣ... змию свою всю и города, по своемъ животъ» (Ипат. 591).

²⁾ Въ статьѣ не упомянуто—*едъ* именно умершій «своихъ не имать», но точно также и въ 84 ст. Псковской грамоты: «А которой изорникъ поумретъ оу государя на сели, а не будетъ оу него (т. е. въ селѣ) ни жены, ни детей, ни брата, ни племени»,—государь (хозяину) предоставляется попродасть изорникъ животъ въ возмѣщеніе своей покруты... «а потомъ (ъ) у племени изорника *ни брату* не сочять живота изорника». Читаютъ—«потому» неправильно.

³⁾ Когда нельзя было призвать къ опекѣ ближайшаго родственника (*tutela legitima*), опека назначалась правительствомъ (*tutela dativa*). Договоръ предполагаетъ существованіе малолѣтнихъ наследниковъ на родинѣ умершаго въ Греціи безъ завѣщанія и, слѣдовательно, не сдѣланшаго распоряженія объ опекѣ, возможнаго въ случаѣ оставленія умершимъ завѣщанія (*tutela testamentaria*).

законнымъ наследникамъ. Порядокъ наследованія членовъ рода въ договорной статьѣ не указанъ. Онъ зависѣлъ отъ мѣстныхъ національныхъ обычаевъ и обстоятельствъ каждаго даннаго случая. *Свои* въ договорѣ—домашніе, близкіе или родственники. То же самое въ законѣ XII таблицъ о наследованіи. *Si*, но толкованію Гая,—*domestici*. Въ 941 г. русскіе «повѣдаху каждо *своима*» о гибельномъ дѣйствіи греческаго огня. Подъ 990 г., въ лѣтописномъ разсказѣ о добродѣтельной женѣ читаемъ: «не печется мужъ ея о *дому своемъ*... вси *свои* ея одѣни будутъ»... Въ Измарагдѣ (изд. Яковлева) сказано: «Егда милостыню твориши,.. ближнихъ бо роду своего не презри; первые *домашняя своя и родъ свой* безъ печали створи».. *Свои* могли быть и дѣти, и иные родственники: «Аще кто роздѣлитъ домъ *дѣтема своимъ*, на томъ же стояти; пакы ли безъ ряду умереть, то всѣмъ дѣтемъ»... (Ст. 105 Русск. Пр. Карамз. сп.). «*Свой* ми еси *сестричичъ*» (Ипат. 233), и т. под. За своихъ можно было мстить. Въ 1071 г. Янъ, мужъ в. кн. Святослава, вопрошалъ: «ци кому (изъ) васъ *родина* убьенъ отъ сего (вохва)? Они же рѣша: мнѣ *мати*, а другому *сестра*, и иному *родичъ*. Онъ же рече имъ: мстите *своимъ*». И. Срезневскій и многіе другіе предпочитаютъ эпитетъ «къ *малымъ*»¹⁾—«милымъ» близкимъ (Радз. и сходн. съ нимъ сп.). Второе чтеніе, хотя отвѣчаетъ естественному чувству привязанности и любви между родными (эпитетъ «милый» былъ очень употребителенъ и вполне уместенъ²⁾), однако, нельзя отвергать существованія въ погибшихъ старѣйшихъ спискахъ договоровъ выраженія «малымъ близкимъ», откуда оно проникло въ наиболѣе сохранившіеся списки, почему Н. Хлѣбниковъ основательно принялъ это чтеніе (Общ. и Госуд. въ домон-

¹⁾ «Видъ своего *малаго*», восклицалъ Иларіонъ въ мысленномъ обращеніи къ умершему кн. Владимиру, разумѣя его малолѣтняго сына Георгія-Ярослава. «Игорь *мале бѣ*—дѣтскъ вельми» (Ник., т. IX. 15). «Аще боудуть въ дому дѣти *малы*...» (Русск. Правда). «А што будутъ *малми* дѣти, ниже 7 годовъ» (Судебн. Казим. Ягел. XV в.) Великий князь Всеволодъ молвилъ новгородцамъ: «сынъ мой, а вашъ князь—*мале*, а даю вы сынъ свой старѣйшій» (Сое. подъ 1205 г.). Въ словарь И. Срезневскаго единственн. примѣръ: «Князь еще *мале* баше» (Новг. 1, подъ 1264 г.). По достиженіи 12 лѣтняго возраста, дѣти, по крайней мѣрѣ княжескія, допускались къ самостоятельной присягѣ. По договор. можайскаго князя Ивана Андреевича съ вел. кн. Василиемъ Васильевичемъ и его дѣтми 1448 г., послѣднія имѣли сами крестъ цѣловать къ нему, Ивану, когда имъ «исполнятся... по *дескатуцати лѣтъ*» (Собр. Гос. Грам. и Догов., № 68).

²⁾ «Ярославъ... не бѣ вѣдалъ такого встанья на сына своего *милою* Александра» (Давр. 455). «Всеволодъ вѣхъ по *милос* свое дочери». Конрадъ Мазовецкій въ 1281 г. обращался къ русскимъ дружинамъ, какъ къ *милой* братинъ: «братья моя *милая*, руси, потяните за одно сердце». «Княгини моя *мила*... *миловахъ* ю (пріемыша Изяславу) аки свою дщерь» (Ипат. 443, 584, 593), и т. п.

гольской періодъ). Въ концѣ концовъ необходимо, по моему мнѣнію, упразднить вопросъ о тождествѣ малыхъ съ *отдаленными* родственниками и склониться къ совершенно новому выводу: о принятіи греческими властями мѣръ къ охранѣ и возвращенію имущества умершаго безъ завѣщанія въ Греціи русскаго, въ Русь для своевременной передачи малымъ, т. е. *малолѣтнимъ* его родственникамъ, при наличности на родинѣ умершаго *малыхъ* дѣтей или иныхъ близкихъ и при отсутствіи около умершаго возмужалыхъ ближиковъ¹⁾, которые могли бы сами позаботиться о наследственномъ имуществѣ, *распорядиться* имъ, либо *взять* его, какъ, непосредственно, или чрезъ *душеприказчиковъ*, можетъ взять тотъ, кому отказано имѣніе по завѣщанію умершаго—*«взметъ* уриженое его... отъ *взимающихъ* куплю руси»²⁾... Слово «малый» ил въ нашихъ, ии въ иныхъ славянскихъ юридическихъ памятникахъ никогда не прилагается въ смыслѣ, приданномъ ему Срезневскимъ, *незначительнаго* (по кровной связи) родственника (Словарь древнерусск. языка). Его взгляду противорѣчатъ и примѣры, приведенные имъ подъ словомъ *ближикъ* или *ближиза*, означающимъ всякое близкое родство, безъ подраздѣленія его на *большее* или *меньшее*, которые дополню двумя выдержками въ подкрѣпленіе моего взгляда на малыхъ ближиковъ: По ст. 29 Юстиніанова закона, приведеннаго Губе въ славянскомъ переводѣ (О знач. правъ римск. и римско-визант. у слав.): «Аще кто ухватитъ мужа съ своею женою или *дщерью*, или *иначо ближикою*»... По ст. 31 Зак. Винодольскаго, за убійство кмета уплачивалось 100 либръ «*ближикамъ* онага, ии се убиенъ». Половину берутъ «*дитце* убиеного, ако ииа дитцу, а други пол него *ближика*», т. е. *остальные ближики*. Итакъ юридическіе памятники ввлючаютъ дѣтей въ кругъ ближиковъ, иногда формально выдѣляя ихъ изъ общей массы ближиковъ, *ближизахъ*, что одно и то же³⁾. Въ

¹⁾ И. Бяляевъ перевелъ: «не будетъ имѣть *при себѣ* своихъ» (Лекція по ист. Русск. законод., стр. 71), а Н. Хлѣбниковъ... «*при себѣ* ближнихъ» (Общ. и госуд. въ до монг. пер. стр. 115).

²⁾ Конструкція статьи такова, что легко принять «взимающихъ куплю... различныхъ ходящихъ въ Греку»... за наследодателей, но о нихъ во множественномъ числѣ говорится только въ заголовкѣ—«о работающихъ»..., въ самомъ же текстѣ статья наследодатель упоминается въ *единственномъ* числѣ: «кто умреть... *своритъ* обряженіе... уриженое *его*, кому будетъ *писалъ*»... Роль посредниковъ между завѣщателемъ и наследникомъ играли *забираше* въ Греціи товаръ русскіе гости, предполагаемые *душеприказчики*. Вместе съ товаромъ они привозили въ Русь наследственное имущество, а отъ нихъ *получали*, прямо или чрезъ опекуновъ, тотъ, кому оно отказано. Выраженіе «таковъ *взметъ*... кому будетъ *писалъ* наследити имѣніе да наследити *ѣ*», предлагаю перевести такъ: тотъ *возметъ*... кому *писалъ* наследовать имѣніе, съ тѣмъ чтобы *унаследовалъ*, т. е. осуществилъ наследственное право согласно волѣ завѣщателя.

³⁾ См. договорн. ст. объ убійствѣ, позднѣйшіе юридич. акты и богатый Словарь Срезневскаго.

договоры, заключенные между греками и венецианцами съ X вѣка, вошли постановленія объ охранѣ наследственнаго имущества умирающихъ въ Греціи венеціанъ. Договоръ 977 г. ссылается на обоюдное установленіе объ имуществѣ умершаго въ Греціи венеціанца. По договору 1123 г., въ случаѣ смерти съ языкомъ (завѣщаніемъ) и безъ языка, имущество, умершаго препровождается въ распоряженіе венеціанъ: «*si veneticus ordinatus, vel inordinatus, quod nos sine lingua dicimus, obierit, res sue in potestatem veneticorum reducantur*». Въ привилегіи, данной венеціанамъ императоромъ Алексѣемъ III въ 1199 г., приводится ихъ просьба оградить имущество скончавшагося на греческой территоріи венеціанца отъ самоуправныхъ захватовъ мѣстными державцами и обезпечить распределеніе наследственнаго имущества согласно волѣ умершаго, или его *душеприказчиками*, если онъ умеръ, составивъ завѣщаніе, или *тѣми изъ венеціанъ, которые въ то время тамъ обрѣтутся*. Императоръ уважилъ просьбу и выдалъ по этому поводу особый хрисовулъ. Наконецъ, грамотою императоръ Левъ II, подтверждая силу завѣщаній венеціанъ, умершихъ въ Греціи, и объ оставленіи наследственнаго имущества *въ рукахъ венеціанца, или кою либо иною* при отсутствіи на мѣстѣ венеціанца, все равно — оставилъ или неоставилъ умершій завѣщаніе, повелѣваетъ имущество умершаго передавать всецѣло, для охраны, *архіепископу*, съ тѣмъ чтобы потомъ оно возвращалось по принадлежности дипломатическимъ путемъ (Tafel и Thomas: Font. rer. Austr. v. XII, № 15, 49, 85, 94). Въ приведенныхъ актахъ духовное завѣщаніе рассматривается, какъ «*ordinatio*», соответствующее уряженію или обряженію — завѣщательному обряду Олегова договора, пользовавшемуся такимъ же покровительствомъ у грековъ, какимъ пользовались у римлянъ духовныя завѣщанія иностранцевъ (Ulp. 20 § 14). Оно называется языкомъ (*lingua*), какъ *изустное* объявленіе воли, не только въ Правдѣ Ярослава и его преемниковъ («*аще умереть безъ языка*» и т. д.), въ письмѣ Владиміра Мономаха къ Олегу («*Черниговъ языкомъ братья пожаловахъ*») и другихъ русскихъ памятникахъ, но и у южныхъ славянъ, напр. въ хрисовулѣ Стефана Родослава 1234 г. (P. Safarik: Pom. drewn. pism. 18), въ мирномъ договорѣ Дубровника съ царемъ болгарскимъ Михаиломъ Асѣномъ 1253 г. Изъ послѣдняго видно, что правительство договаривающейся стороны принимало подъ свою охрану имущество умершаго въ его владѣніяхъ чужеземца, когда съ умершимъ не было *товарищей*, передававшихъ имущество наследникамъ: «*Аще клучить съмѣрть некому чловѣку и п купцу отъ твоего св. ти царства, или чловѣку или купцу Пета високого севастократора въ княжество Дубровско, или съ езикомъ или безъ езика, и да будетъ безъ дружине, да весь добиткъ онога мърца чинимо написати, и егда тво св. царство за ихъ пошлетъ свое кпнге (грамоту), да дамо*... и т. д. (F. Miklosich: Monum. Serb., № 11). Изустное

объявленіе воли переходило въ *память*, обыкновенно излагавшуюся *письменно*, какъ и посольская память. Почти всегда завѣщаніе называлось *словомъ*, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы завѣщательное слово не предавалось письму. Всѣ извѣстныя намъ завѣщанія—*словъ* облечены въ письменную форму ¹⁾, которая была даже обязательна по договору 912 г.: «возметъ уряженое его, кому будетъ *писалъ* наследити имѣнье его»; поэтому завѣщаніе представляется изустною грамотою или памятью ²⁾, какъ напр. духовная князя Ивана Глинскаго 1586 г.: «душа моя устрои и дочерешкомъ промысли и людшка надѣляти по сей моей *изустной грамотѣ*» (Н. Лихачевъ: Сб. актовъ, в. I, № 191). Исключительно словесныя духовныя завѣщанія, «чтобы и рукописанія не было», знаетъ Псковск. судн. грам. (ст. 100) и узаконяетъ ихъ.

Обезпеченіе союзныхъ торговыхъ интересовъ и правъ договаривающимися государствами простиралось на лодьи, потерпѣвшія крушеніе или бѣдствіе (*aufragium*). Русскіе и греки обязались, по договору 912 г., въ статьѣ седьмой, взаимно содѣйствовать возвращенію такой лодьи въ свою страну и обереженію ея груза. Подобная же статья находится въ договорахъ грековъ съ венеціанами, генуэзцами и иными державами. Такое же, въ сущности, обязательство, неоднократно повторялось въ договорахъ съ вернорусскихъ княжествъ съ Ганзою и вошло, между прочимъ, въ довольно сходной сравнительно съ договорами X вѣка редакціи, съ нѣкоторыми вариациями, въ торговый договоръ Смоленска съ нѣмцами 1229 г. Въ упомянутой статьѣ ярко отразилась совмѣстная совѣщательная работа пословъ русскихъ и греческихъ. Въ ней разглагольствуютъ и русскіе, и греки. Обязательство русскихъ, коимъ начинается и заканчивается статья, *пространнее* обязательства грековъ, помѣщенного въ серединѣ статьи и сводящагося къ препровожденію ими потерпѣвшей крушеніе русской товарной лодьи *въ Русскую землю* и непрепятствованію продажи груза той лодьи. Второй половина статьи налегаетъ на усердную заботливость русскихъ о цѣлости продажнаго греческаго груза и о доставкѣ его въ Грецію. Мѣсто крушенія есть *чужая земля*, куда бурей выбрасывается лодья (по дог. 945 г.: «вывержена на коемъ либо мѣстѣ»), для грековъ земля Русская— побережья Чернаго, Азовскаго, Каспійскаго и Балтійскаго морей, для рус-

¹⁾ Владиміръ Васильковичъ объявилъ Мстиславу *словесно* свою предсмертную волю, а послѣ продолжительныхъ съ нимъ переговоровъ велѣлъ написать *духовную грамоту* (Ипат. 593, 594). «А ямшу вамъ се *слово* того дѣля», говоритъ Семень Іоанновичъ въ духовной 1353 г.,— «чтобы не перестала *память* родителей нашихъ и наша и свѣча бы не угасла» (Собр. Гос. Гр. и Дог. № 24).

²⁾ Изустною памятью назывался и предсмертный разсказъ о какихъ либо важныхъ событіяхъ, записанныхъ со словъ умирающаго. Такова изустная память 1626 г. инока Луны (А. Истор. т. III, № 141).

скихъ земля Греческая, съ Корсунскою страню, свобода которой гарантируется специальною статьею того договора, причеъ принимается въ соображеніе и ставится непремѣннымъ условіемъ препровожденія бѣдствующей лодьи въ свою страну близость мѣста крушенія въ чужой территоріи отъ своей территоріи, русской, или греческой. Подъ «чужую землю» отнюдь нельзя подводить землю третьяго народа или государства, ибо въ Смоленскомъ договорѣ съ вѣнцами, въ договорахъ грековъ съ венеціанами, пизанцами и генуэзцами X—XII в. и позднѣйшихъ нашихъ договорахъ мѣсто разбитія судна—челна или корабля не переносится за границы областей дружественной державы¹⁾. Помощь оказывается выброшенной бурей на берегъ греческой лодьи, если обрѣтутся тамъ русскіе: «обрящутся тамо иже отъ насъ, руси, да яще кто,—идеть снабдѣти лодью съ рухломъ своимъ (т. е. оснастить съ ея грузомъ) и отсылати пакы на землю хрестыанскую». Трудовая помощь («сиотружаемся гребцемъ тоя лодья») тѣми, кто тамъ окажется, подавалась настолько, насколько она вызывалась недостаточностью у постигнутыхъ несчастьемъ отъ бури собственныхъ силъ и средствъ для спасанія лодьи и отправки ее въ отечество. И по Смоленскому договору, затонувшій товаръ извлекался на берегъ *своею* дружиною,—тѣхъ, у кого разбилось судно, другая сторона привлекалась въ сотрудничеству «аже надобѣ ему *болше* помѣчи» (ст. 44). Въ договорахъ Новгорода съ Ганзою говорится, что при кораблекрушеніи никто не смѣетъ причинять какое либо зло пострадавшимъ, а, напротивъ, каждый долженъ оказывать имъ всякое зависящее отъ него покровительство и пособіе (см. м. пр. А. Лерберга: Исслѣд. къ объясн. др. русск. ист., стр.

¹⁾ Въ грамотахъ 1140 и 1153 г. Раймунда и Райнальда Антиох.: «si naufragium in terra mea seu in terra baronum meorum passi fuerint de rebus suis nihil perdant salve quanto melius possint et navem et omnia sua recoligant... (Font. rer. Austr. XII, № 46, 55). Въ догов. 1495 г. между датскимъ королемъ Іоанномъ и в. кн. Іоанномъ Васильевичемъ условлено: «Если случайно которые изъ нашихъ подданныхъ, застигнутые бурей на морѣ, причалятъ къ берегамъ его государства, или которые изъ подданныхъ его — къ берегамъ нашего владѣнія, таковыхъ обоюдно мы и онъ, наши и его приставы и смотрители, должны не только оставлять неприкосновенными пожитки и товары, но и оказывать имъ возможную помощь безъ всякой мзды и притѣсненія... (Собр. Гос. Гр. и Дог. ч. V, № 110). Въ грамотѣ царя Феодора Іоанновича 1584 г. купцу Говарду съ товарищами о свободной торговлѣ въ Россіи сказано: «... а придеть Англическіе земли гостемъ и купцомъ на море которое взнеможенъ—разобьетъ корабль и принесетъ тотъ корабль къ которому мѣсту *нашелъ земли* и мы животы ихъ велѣмъ сыскати въ правду... (Ib. № 141). По Столбовскому договору 1617 г., между русскими и шведами, условлено: если корабль или суда подданныхъ обоихъ государствъ разобьетъ бурей и принесетъ къ берегу или *Соленаго моря*, или *Ладожскаго озера*, то ихъ отпустить безъ замѣшки со всѣмъ имѣніемъ, которое сберегутъ, а прибрежнымъ людямъ имъ помогать и беречь ихъ имѣніе (С. Соловьевъ: Ист. Рос., т. IX, гл. 1).

210, 211). Такое же правило помещено въ договорахъ грековъ съ латинянами XI—XIII в. Выраженіе «допроводимъ съ куплею ихъ (товаромъ) *поздороу-ти*»¹⁾ имѣеть въ виду защиту въ «страшныхъ», опасныхъ мѣстахъ отъ непогоды и разбойническихъ нападеній кочевниковъ на морскихъ и рѣчныхъ побережьяхъ, состоявшихъ подъ владычествомъ вел. князя русскаго: «аще таковая лодья отъ буря или бороненія (препятствія) земного боронима (обороняема будучи), не можетъ възборонитися (побороть препятствіе къ возвращенію) въ своя си мѣста...»²⁾.

Изслѣдованіе договорной Правды X в. закончу разборомъ составленныхъ примѣнительно къ византійскому законодательству и славянорусскимъ обычаямъ (Маврикій и др.) постановленій о выкупѣ плѣнныхъ и о содѣйствіи одного государства другому къ выдачѣ преступниковъ. Правила о выкупѣ и освобожденіи плѣнныхъ, по моему чтенію и буквальному переводу, излагаются такъ въ договорѣ 912 г.: 1) Если плѣнникъ обѣихъ странъ содержится, *русскими, или греками, будучи проданъ въ иную*³⁾ *страну* (греческую, или русскую), если обрѣтется (плѣнникъ) русскій или грекъ, да выкупятъ его (въ Лавр. ошибочно—«не купятъ»), и возвратятъ выкупленное (или по выкупѣ—«искупленное») лицо (въ нѣкот. сп. ошибочн. «лицемъ») въ свою страну, и возмуть *цѣну его* покупщики («купащия»), или полагается (Радз. «вмѣняется»), въ возмѣщеніе покупки, на уплату («или мнится»⁴⁾ въ куплю на дачу) *целядинная цѣна*. 2) Также, если вой-

¹⁾ Въ ст.—«допроводимъ» и «да проводимъ». Ср: «одва *впрпроводиша* рѣку Лютую.—Кто ми *допроводитъ* рать мою домовь.—Рогволодъ изъ Полоцка *допровода* Святослава до Смоленска» (Ипат. 359, 485, 577). Въ путевыхъ запискахъ своихъ Афанасій замѣчаетъ, что морскимъ бурюномъ судно «разбило о берегъ», . *Василей поздороу* пришелъ, а мы пограблены», и что по Индѣйскому морю «не пройти никакому костью (ср. kosten—кости во многихъ юридич. актѣхъ); кто... не увидитъ, тотъ *поздороу* не пройдетъ моремъ» (Лятоп. т. VI, 331, 338).

²⁾ Тацитъ приводитъ одинъ случай гибели римскихъ кораблей отъ буря у береговъ Крымскаго полуострова еще въ 1-мъ столѣтіи, когда они возвращались домой послѣ пораженія Босфорскаго царя Митридата. «Корабли выброшены были на берега Тавриды и окружены варварами, которые убили преекта когорты и многихъ центуріоновъ (Annal. lib. XII, 17).

³⁾ Въ нѣкоторыхъ спискахъ—«ону», т. е. другую. *Иная* страна, одна изъ «обою страну», противопологаемая «своей странѣ», для грековъ Русская, для русскихъ Греческая (ср. въ др. ст.—«страна Русская, страна Греческая»), но отнюдь не третья страна, откуда договорный выкупъ плѣнныхъ былъ бы не мыслимъ,—хотя однажды договоръ 945 г. называетъ третью страну иными: «... да увѣдать имъ *страны* яку любовь имѣють греци съ русью» (ср. 26 ст. Смоленск. Правды).

⁴⁾ «Мнится»—отъ глагола мнѣти—полагать (ср. Лавр. 398 и др., а также Словарь Срезневск., т. II, 228—230, гдѣ договорное выраженіе пропущено).

скомъ захваченъ будетъ (кто либо) изъ тѣхъ (содержащихся въ иной странѣ) *грековъ*, также да возвратится въ свою страну и отдана будетъ *цѣна ея*, какъ сказано, какъ сдѣлана покупка («яко же есть купля»). Два правила: а) о выкупѣ *русскихъ и греческихъ* плѣнныхъ, попавшихъ, *по продажѣ* тѣхъ или другихъ, *въ союзную страну*, и б) о выкупѣ у русскихъ *греками* плѣнныхъ своихъ соотечественниковъ, непосредственно взятыхъ *на войнѣ* договаривающихся сторонъ и пребывающихъ въ Руси, соединяются учеными напрасно въ одну статью; по смыслу подлинника и по принятой договорамъ системѣ разглавленія, при сопоставленіи этихъ правилъ съ соответственнымъ постановленіемъ договора 945 г., необходимо раздѣлить ихъ на двѣ статьи. 3) Множество ¹⁾ изъ какой либо страны (третьей) приходятъ *въ Русь* (плѣнныхъ разныхъ національностей) и продаются христіанамъ, притомъ-же («еще-же») *изъ грековъ* плѣнныхъ множество изъ какой либо страны приходятъ *въ Русь*; вотъ этихъ быть продаваемымъ («се продаемы бываютъ») по 20 золотыхъ («золота»), и пусть возвращаются *въ Грецію*, т. е. продажная при выкупѣ цѣна каждаго изъ сихъ грековъ за освобожденіе и возвращеніе въ Грецію исчисляется въ 20 «ауреовъ» или «златиць» (Никон.). ²⁾ Такъ какъ греки вели непрерывныя войны, то и ихъ плѣнники въ большомъ количествѣ продавались по разнымъ странамъ, откуда перепродавались въ Россію. Игорь, въ ознаменованіе любви къ грекамъ, возвѣщенной миромъ 945 г., одарилъ ихъ пословъ, вѣроятно, тою *челядью* греческою, которая содержалась у него въ плѣну. Таковую же челядь, препровождавшуюся для продажи изъ Руси въ Царьградъ, разумѣли: и Ольга въ обѣщаніи своемъ послу Цимисхія Косомѣру прислать царю «челядь, воскъ, скору и воевъ въ помощь» (Ник. т. IX, 30), и Святославъ,

¹⁾ Ср.: «отъ русскаго плѣва *множайшими* порази и устроениѣмъ огнемъ *множайше* корабле пожеже» (Лавр. изд. I, прилож., 245).

²⁾ Цѣна эта имѣетъ основаніе въ римскомъ законодательствѣ. Источники приведены у Ф. Круга (Zur Münzkunde Russland's.—Критич. разысканія о древне русск. монетахъ, стр. 117 — 119). Не предпринимая нумизматическихъ изысканій, мы можемъ легко составить себѣ понятіе о договорномъ золотникѣ — золотѣмъ, если обратимся къ закону судному («Судебникъ царя Константина»). Въ главѣ этого законодат. сборника «О дѣвицѣ» постановлено, что лишавшій ее невинности долженъ дать ей за посрамленіе *литру золота* (Законъ Юстиніана), «сирѣчь златиць 72 стлязя», т. е. солидовъ (около 1050 франковъ). Памятникъ, приводимый мною ниже, считаетъ литру золотую также равной 72 золотникамъ, т. е. золотымъ монетамъ. Златицы назывались стлязями въ XI—XII в. (И. Срезневскій: Словарь). Кругъ, Рейске и др. полагаютъ, что золотникъ или solidus составлялъ 74-ю долю фунта. Золотую монету имѣетъ въ виду и ограниченіе, по договору 945 г., права каждаго русскаго покупать парчу не болѣе какъ на 50 золотниковъ. Въ торговомъ оборотѣ Россіи XVII в. былъ въ ходу обмѣнъ товаровъ на *литры приделано золота* «по семи рублией литра» (Русск. Ист. Библ. т. XV, № 116, 127).

когда сидѣлъ въ Дунайскомъ Переяславцѣ по занятіи 80 болгарскихъ городовъ, и императоръ Константинъ Порфирородный въ описаніи пути русскихъ торговцевъ въ Грецію. Обремененные товарами, они возили съ собою и скованныхъ невольниковъ. Между челядью, которая, по словамъ Святослава, привозилась изъ Руси въ Болгарію и которою «ополонялись» русскія дружины, вѣроятно, не мало было грековъ, какъ и между тою, которая привозилась русскими, вмѣстѣ съ мѣхами, въ Итиль на устье Волги, въ Хозарію и Булгарію (Ибнъ-Даста, Якутъ и Ибнъ-Хаукаль). Въ Царьградѣ, куда издревле привозили, для сбыта, невольниковъ съ береговъ Понта (Полибій), плѣнные продавались русскими купцами на базарѣ. Въ одномъ памятникѣ сказано: «и вземъ литру злата — 72 золотникъ—и доѣха до *тору*, идѣ-же русьтїи купци приходяще, челядь продають». (Москвит. 1845 г., № 12). Этѣхъ-то русскихъ купцовъ и разумѣлъ дьякъ Игнатій, говоря, что по прибытіи его съ митрополитомъ Пименомъ въ Царьградъ (1389 г.), «прїидоша въ намъ русь, живущая тамо»¹⁾. По Страбону, торговцы, приходившіе чрезъ Босфоръ Киммерійскій, гдѣ центральными торговыми мѣстами были портовые города Фанагорія и Пантикапея, забирали плѣнныхъ, мѣха и др. товары, которые обмѣнивали на матерію, вина и проч. Босфоряне плѣнныхъ возили на лодьяхъ и охотно предоставляли выкупать роднымъ. Греки обыкновенно уплачивали выкупную цѣну плѣнныхъ шелковыми или парчевыми матеріями и одеждами, за которыя, напримѣръ, въ 768 г., было выкуплено около 2500 плѣнныхъ христіанъ (Nicerh., Bon. изд., стр. 86). Славянскихъ плѣнниковъ греки покупали преимущественно на морской пристани *Каралъ*, куда привозились они «въ Румскую землю» мадырами (Ибнъ-Даста, по Хвольсону, стр. 25—27). Вѣроятно, между этими плѣнными были и русскіе.

Правила Олегова договора о выкупѣ плѣнныхъ и о челядинной цѣнѣ не подверглись коренному измѣненію въ договорѣ Игоря, а только дополнены и пояснены: въ отношеніи плѣнныхъ, *приведенныхъ* для продажи въ дружественную *страну, идѣ выкупа производился*, выкупа взятыхъ греками на войнѣ русскихъ плѣнныхъ и оцѣнки купленного греками *русскою* плѣнника, съ точнымъ притомъ опредѣленіемъ цѣны утраченнаго русскаго челядина. Нѣкоторые, заодно съ Владимірскимъ Будаповымъ, вопреки принятому Соловьевымъ правильному чтенію, ошибочно думаютъ, что по договору 945 г. цѣна *русскихъ* плѣнныхъ уменьшена вполнину противъ гре-

¹⁾ Изъ кабальной грамоты 1389 г. видно, что русскіе купцы, торговавшіе въ Каѣ и «Грецкой землѣ», пользовались большимъ кредитомъ (А. Ист. I, № 252). Кромѣ купцовъ, въ Царьградѣ проживали русскіе писатели священныхъ книгъ, которыхъ встрѣтилъ Стефанъ новгородецъ, около полов. XIV в., въ Студійскомъ монастырѣ (Сахаровъ: Сказ. рус. нар., т. II). О торгов. снош. Руси съ Византіей см. W. Heyd: Gesch. d. Levantehandels, I. 65—77.

ческих плѣнныхъ. Въ статьѣ рѣчь идетъ не о русскихъ, но о *греческихъ* плѣнныхъ: «Елико *хрестьянъ* отъ власти нашей (государства нашего) пленена приведутъ русь *тѹ* (т. е. приведутъ руссы *сюда*, въ Грецію, на продажу), аще будетъ уноша ¹⁾, или дѣвица добра (красивая) ²⁾, да вдадутъ златникъ 10 и поимутъ и», и т. д. Затѣмъ трактуется о выкупѣ *русью* «по 10 золотниковъ» (аугеов) плѣнныхъ своихъ соотечественниковъ, состоящихъ въ рабскомъ услуженіи («работающихъ») у грековъ ³⁾. Въ последнемъ постановленіи, какъ и въ договорѣ 912 г., различаются двѣ категоріи русскихъ плѣнныхъ: а) взятыхъ на войнѣ греками и б) купленныхъ греками. Это обнаруживается выраженіемъ «аще купилъ будетъ гречинъ»; въ такомъ случаѣ ему предоставляется взять цѣну «елико же далъ будетъ на немъ» ⁴⁾; значитъ, въ число работающихъ входятъ и не купленные, захваченные на войнѣ. Постановленіе договора 912 г. о *челядинной цѣнѣ*, изъясняющее платежъ за плѣнника изъ зависимости отъ покупной его стоимости, для лица отъ коего онъ выкупается, есть принятое договаривающимися державами отступленіе отъ основного правила о такой зависимости, связанное съ постановленіемъ объ утратѣ и платномъ возвращеніи *блжавшихъ челядиновъ*, распространившимся, быть можетъ, и на тѣхъ преступно порабощенныхъ, которые подверглись принудительной продажѣ—«по нужи продавъ будетъ» ⁵⁾. За послѣднихъ, согласно обычаю, одинаково могла пола-

¹⁾ «Аще кто унѣ, сирѣчь 17 лѣтъ» (Павловъ: Кн. закон., стр. 60).

²⁾ «Оскверняюще или растлѣвающе *благочинныя* женъ и *добрыя* дѣвицъ» (А. Ист. т. I, № 159).

³⁾ Ольга значительную часть плѣнныхъ древлянъ «*работъ* предаетъ мужемъ своимъ». Припомнимъ двукратно приведенный лѣтописью рассказъ о бѣдствіяхъ, какія терпѣли отъ кочевниковъ русскіе плѣнники: «... ови ведутся *поломи*... *куплены быхомъ*... *не пора ботомъ*» и т. д. (подъ 1096 и 1185 г.); ср. въ догов. 945 г. «ли человека *поработитъ*». . . Константинъ Порф., въ гл. 4-й De adm. imp., говоритъ, что печенѣги, при нападеніи на Русь, *поработали* русскихъ женъ и дѣтей. То же самое говорилъ Владиміръ Мономахъ о половцахъ: «... на весну... приѣхавъ половчинъ ударить смерда (пахаря) стрѣлою и *поиметь*... и жену его и дѣти его» (Ипат. 191).

⁴⁾ Подобное же постановленіе вошло, напр., въ договоръ 1568 г. между польскимъ королемъ Сигизмундомъ Августомъ и турецкимъ султаномъ: «... до сихъ часовъ которой половъ былъ заведенъ до паньства нашего, тогда у кого тотъ половъ найденъ будетъ, не маеть за него больше и окупу дати, *только тое же ва што онъ будетъ купилъ*, и маеть за него справедливе присягнути—естли онъ будетъ за него только далъ» (Обол. в Данилов: Кн. пос. в. кн. Лит., т. I).

⁵⁾ Принудительную продажу челядиновъ надо соображать съ постановленіями Русской Правды о холопствѣ обельномъ: «Оже коуишь *хотлй* (ошибочно раздѣляютъ на «хотя и») до полугривне... а ногату дасть *передъ самьмъ холопомъ*» (Синод. сп.). Покупка холопа за нязкую цѣну обращала его въ *полное* рабство только тогда, когда онъ *добро-*

гаться въ платежъ неподвижная выкупная цѣна, не исчисленная въ догов. 912 г. и равнявшаяся двумъ паволокамъ (имперіаламъ) за бѣжавшаго и не отыскавшаго челядина русскаго по договору 945 г., коимъ предусматривается сокрытие отъ русскихъ гостей обреченнаго, очевидно, на продажу челядина, по прибытіи ихъ въ Грецію и поселеніи ихъ у св. Мамы: «*по-меже* (послѣ того какъ) придуть въ страну царствія нашего»¹⁾. Упомянутая выкупная цѣна за подростковъ, старцевъ (5 золотниковъ) и не вполне подходящихъ, по возрасту, къ отборному, наиболѣе дорогому разряду плѣнной челяди средовѣчей (8 золотниковъ), простиралась, несомнѣнно, также на русскихъ плѣнниковъ. Возвышеніе выкупной цѣны плѣнныхъ, попавшихъ въ Русь изъ *третьей* страны (20 золотыхъ по догов. 912 г.), являясь мѣрой, направленной къ облегченію участи перепродаваемыхъ въ отдаленныя страны или «въ поганья» (см. посл. митр. Іоанна II въ Русск. Достоп., I) могло зависѣть и оттого, что покупщика такого плѣнника считалось несправедливымъ лишать, при обязательномъ выкупѣ, выгоды, на которую покупщикъ, естественно, не вправѣ уже былъ рассчитывать, пріобрѣтая плѣнника, приведеннаго для продажи непосредственно изъ *дружественнаго* государства. Кто выкупается на свободу, да власть цѣну, ю же вдали на немъ, потомъ же свободенъ» (Поуч. въ Изв. А. Н. X. 645). Притомъ, возвращеніе перепроданныхъ въ третью страну плѣнныхъ встрѣчало, какъ и впоследствии, трудно преодолимая препятствія, и содѣйствіе освобожденію ихъ вишнялось въ большую заслугу (Кормчая и Поученія). Въ 1255 г. чешскій король Премыславъ, озабочиваясь возвращеніемъ плѣнныхъ, взятыхъ при наездѣ угровъ, поляковъ и русскихъ на землю Опавскую и находившихся въ Польшѣ, вынужденъ былъ обратиться въ содѣйствію краковскаго епископа Прандоты съ цѣлью выкупа ихъ у угровъ, русиновъ и кумановъ—половцевъ (Niemcewicz: Zbiór pam. I, 309). Для правильнаго соображенія размѣра челядинной цѣны и условій выкупа въ догов. 912 и 945 г., укажу, во 1-хъ, на мирный договоръ конца V вѣка Атилы съ императоромъ Феодосіемъ, по которому за каждаго плѣннаго, безъ выкупа бѣжавшаго римлянина полагалось 12 золотыхъ, при невозвращеніи плѣн-

---

сольмо соглашался на его продажу и при немъ вручался за него покупщикомъ продавцу задатокъ не менѣе ногаты. Предлагаю сопоставить выраженіе 17 ст. Русск. Пр. Кар. сп.: «... дати ему исправа желѣзо изъ неволи, до молуриемъ алата». «Изъ неволи» есть договорное «нехотай». Ср. ст. 73 той же Правды о запрещеніи насильственной продажи закупа, введенія его «въ купу» (купчю) и т. д.

¹⁾ Въ догов. 912 г.: «*помеже* мы ся имали». Читеніе: по нь же, въ 3-мъ изд. Давр. лѣтоп., весьма неудачно. Ср.: «И *помеже* они *придоше* и близъ Чара быше». (Давр. изд. I, прилож., стр. 245). Въ догов. 945 г.: «взимають отъ насъ цѣну свою, яко же уставлено есть прже, двѣ паволоки за челядинъ».

ника его господиномъ (Присокъ), во 2-хъ, на очень важную статью Судебника людямъ царя Константина «О полону», повторяющуюся въ Коричей. «Если кто отъ ратныхъ купить плѣнника по своей цѣнѣ, то плѣнникъ освобождается при отдачѣ той же цѣны за его выкупъ; плѣннику предоставляется наняться въ работу за условленную плату; когда онъ отработаетъ выкупную плату, то отпускается на свободу». Правило это преновдается въ древнихъ поученіяхъ: «кто выкупается на свободу да власть цѣну, ю же вдали на немъ, потомъ же свободенъ» (Изв. А. Н. X. 645). Развивая прежнія постановленія, по существеннымъ началамъ выкупа плѣнныхъ, договоръ 945 г. присоединяетъ къ постановленію о выкупѣ греками плѣнныхъ грековъ, взятыхъ русскими на войнѣ и находящихся въ Россіи, постановленіе о выкупѣ русскими такихъ же плѣнныхъ изъ русскихъ, захваченныхъ греками и находящихся въ Греціи, а также объ удостовѣреніи размѣра уплаченной грекомъ цѣны за купленного имъ въ Греціи русскаго плѣнника *прислюй*, которая допускалась и для удостовѣренія русскими цѣны, данной за плѣннаго грека (догов. 912 г.). Независимо отъ выкупа, плѣнные, по позднѣйшимъ договорамъ между русью и греками, или иными народами, какъ и по договорамъ грековъ съ болгарами и латинянами съ IX в., *безвозмездно возвращались* на извѣстныхъ условіяхъ, либо *обмѣнивались* по окончаніи войнъ русскихъ съ греками, нѣмцами, ляхами, уграми, шведами, литовцами и др. народами¹⁾. Послѣ неудачнаго похода

¹⁾ По заключеніи брака ввучи Романа Лакапина съ Петромъ болгарскимъ было возвращено изъ болгарскаго плѣна множество грековъ (De adm. imp. гл. 13). Такъ и болгаре возвратили плѣнныхъ грековъ по договору при Мортагонѣ (Const. Porph: De vita Basilii и Кедринъ). Около 1043 г. Казиміръ польскій, вступилъ въ бракъ съ сестрою Ярослава Маріей, далъ за вѣно людей 800, еже бѣ *положилъ* Болеславъ, побѣдивъ Ярослава. Владиміръ Мономахъ выпускалъ, примиряясь съ половцами, ихъ князей изъ оковъ (Поученіе). Въ 1250 г. Давидъ Романовичъ, при заключеніи съ угорскимъ королемъ мира, обусловленнаго бракомъ сына Льва съ Кининой, возвратилъ плѣнныхъ угорскихъ бояръ (Ипат.). Постановленія объ отпускѣ плѣнныхъ, безъ выкупа или съ выкупомъ, встрѣчаются въ русскихъ договорныхъ актахъ съ XIII в. Въ договорѣ Новгорода съ кн. тверскимъ Ярославомъ Ярославичемъ 1270 г. сказано: «А про *половъ*, кто кде заточенъ... то исправи» (Соб. Гос. Гр. и Дог. № 3.—См. также ссылки у Б. Чичерина: Несвобода. сост. въ др. Русь). Въ Након. лѣтоп., подъ 1243 г., (какъ и въ Соѡ.) отиѣченъ слѣдующій фактъ: «Прислаша нѣмци съ *полономъ* въ Новгородъ, глаголюще... что смя поимали въ *половъ* людей вашихъ, а тѣмъ ся *розмѣнили*; мы вашихъ отпустимъ, а вы нашихъ отпустите, я *псковскій* *половъ* пустамъ... я умиршася я *половъ* весь отпустиша *обонхъ*» (т. X. 128, 129). Обычное выраженіе—«пустити на *искупъ*» (Лавр. 482), *уладиться на *искупъ*»* (Ипат. 452). Плѣнные называются челядью: «Володимръ умирися (съ Конрадъ Мавов.), и *челядь* ему *вороти* што была *ратъ* *повосвала*» (Ib. 581). Въ 1509 г. изъ Литвы приходили къ Вас. Ив. послы «о *панехъ*», которые на бою поиманы, чтобы ихъ отпу-

ла грековъ Владиміра Ярославича въ 1043 г., плѣненные греками 6000 русскихъ, съ воеводой Вышатою, были ими возвращены: «миру бывшую пущенъ бысть Вышата къ Ярославу съ инльми въ Русь¹⁾. Въ лѣтописи занесено, кромѣ приведеннаго мною, много случаевъ освобожденія плѣнныхъ, считавшагося, по Исаяному пророчеству, дѣломъ богоугоднымъ (Ипат. 577).

Въ договорныхъ постановленіяхъ о выдачѣ преступниковъ проводится принципъ *территориальности*—*ius territorii*, о подвѣдомственности каждаго закона государства, гдѣ онъ пребываетъ, удержанный Карломъ Великимъ въ его капитуляріяхъ, напр., 797 г. (обѣщаніе саксонцамъ выдавать ихъ бѣглыхъ злодѣевъ). По этому коренному принципу, право преслѣдованія, суда и наказанія преступленій принадлежитъ государству, въ которомъ возникло преступленіе: гдѣ «тяжа родилась, тѣ ю кончати, притомъ, по своей Правдѣ, какъ постановлено, на примѣръ, въ договорахъ русскихъ съ нѣмцами XII, XIII в. и поляками (Договоры Новгорода и Пскова съ Казиміромъ), безъ переиуды дѣла въ чужомъ государствѣ. По древнѣмецкому праву, если тяжущійся происходилъ изъ *вемдской* (славянской) страны, то жалобщикъ представлялъ доказательства на языкѣ той народности, къ которой принадлежалъ *отѣтчикъ* (A. Daniels: *Dat buk vichbelde recht*)²⁾ Изъятія допускались въ силу договоровъ и особыхъ льготъ, дарованныхъ нѣкоторымъ національностямъ, переселившимся изъ своего отечества и водворившимся въ другомъ государствѣ. Таковъ, приведенный мною законъ Ротара. Такъ, въ XI в. чехи, при князѣ Вратиславѣ, предоставили посе-

---

стиль» (Воскр. т. VIII, 250). Въ силу Столбовскаго договора между царемъ Михаиломъ Ѳеодор. и шведами 1617 г.—«подоняники съ обѣ стороны» подлежали освобожденію безъ окупа (Арх. гр. Демгарди) и т. д. Начиная свою поверхностную диссертацию о плѣнныхъ съ XIV в., А. Лохвицкій отмѣтилъ нѣкоторые случаи возвращенія плѣнныхъ безъ выкупа.

¹⁾ Изъ нихъ многіе были ослѣплены—«слѣпшиа руси много». Въ 941 г., когда греческія войска разбила ополченіе Игоря, всѣ плѣнные русскіе были обезглавлены (Людпрандъ). По разсказу мусульманскихъ писателей, и русскіе, въ походѣ 943 г. на прикаспійскія страны, умерщвляли тѣхъ плѣнниковъ, за которыхъ не была дана выкупная сумма по 20 драхмъ, а по словамъ Льва Діакона, плѣнныхъ грековъ, мужчинъ и женщинъ Святославъ велѣлъ предать сожженію.

²⁾ До IX в. выборъ закона для прижвенія въ дѣлахъ судебныхъ иногда обуславливался *происхожденіемъ* отвѣтчика, напр. по праву Риндурскому, привлеченный къ суду отвѣтствовалъ по закону той страны «ubi natus fuit». (Дм. Никольскій: О выдачѣ преступниковъ). Саксонское Зерцало установило отвѣтственность каждаго по своему праву, за нѣкоторыми изъятіями (Art. 33, кн. III). По Русской Правдѣ, варяги судились русскимъ судомъ. Въ XVI в. территориальная подсудность опредѣлялась, напр., такъ: «А жити бѣ русскимъ людемъ въ Аглинской землѣ, агличаномъ на Руси—по земскому суду, какъ въ которой землѣ обычай ведетца» (Собр. Гос. Гр. и Дог. ч. V, № 136). Въ договорахъ

лившимся на ихъ землѣ тевтонцамъ судиться по нѣмецкому праву; даже пришлецъ изъ какой бы ни было земли, поселившійся съ тевтонцами въ Пражскомъ предградѣ, «*legem et constitutionem Theutonicorum habeat*» (Jiresek: Cod. jur. Boh. 30). Выдача не столь важныхъ преступниковъ, по договорамъ русскихъ съ греками, не практиковалась, если не брать въ расчетъ условленную договорами 912 и 945 г. взаимную выдачу челядиновъ, *бѣжавшихъ* отъ русскихъ, или отъ грековъ, безъ сноса чужихъ вещей, подлежащихъ возврату съ бѣглымъ челядиномъ. Договоръ 912 г. установилъ взаимную выдачу *злодѣевъ*, причинившихъ весьма значительный вредъ частнымъ лицамъ, или государству, своими «проказами», къ каковымъ, начиная съ декрета Хильдеберта 595 г. «*de furibus et malefactoribus*», не принадлежали заурядные, мелочные проступки. Злодѣй русскій, тать, разбойникъ, совершившій преступленіе въ Русь и скрывшійся на греческой территоріи для избѣжанія строгаго наказанія, («*князь мечъ носить въ мечь злодѣямъ*», сказано въ лѣтоп. подъ 1212 г.), въ случаѣ не возвращенія добровольнаго, вслѣдъ за предъявленіемъ оффиціального требованія задерживался и, посредствомъ принудительныхъ мѣръ, возвращался въ Русь греками, по жалобѣ русскихъ греческому правительству: «Аще злодѣй не възвратится въ Русь (въ нѣкоторыхъ спискахъ «не» пропущено)¹⁾, да жалуютъ русь хрестыанскому царству, и ятъ будетъ тако-

XIV—XV в. не мало наблюдается отступленій отъ основного правила подсудности. Напр., по догов. Полоцка съ нѣмецкимъ орденомъ 1405 г.: «А извнѣится нашъ полочанинъ у Рязе, ино его нѣмьцемъ у Рязе не казнити, отпустити его у Верхъ; ино его тамъ свои полочане казнитъ». Точно также нѣмецъ, совершившій преступленіе въ Полоцкѣ, отпущался въ Ригу — «ино его свои тамъ судять по своему праву» (Наперскій: Русск.-Лив. акты). Въ догов. Полоцка съ Ригю 1407 г. востановлено: «Аще полочянинъ что преступитъ у Рязѣ, ино имъ того до Полоцка послать, ино его тамъ полочяне судять по своему праву; также нѣмецкій купецъ что преступитъ у Полоцку, ино его послать къ Рязѣ, ино его тамъ судить по рязьскому праву» (А. Арх. Эксп. I, № 16). Часто учреждались, по договорамъ, пограничные смѣшанные или обчін суды изъ лицъ, назначенныхъ договаривающимися державами для рѣшенія дѣлъ между ихъ подданными, причемъ иногда, по договору, къ отвлеченію примѣнялось право той національности, къ которой онъ принадлежалъ.

¹⁾ Въ Радзивил.: «возвратится изъ Руси». В. Сокольскій (О догов. русск. съ грек.) вмѣстѣ съ И. Бѣляевымъ читалъ: «Аще злодѣй възвратится»..., дѣлая произвольное переложеніе: — если преступникъ будетъ подлежать выдачѣ». Впрочемъ, слѣдуетъ отдать В. Сокольскому справедливость, что онъ слова: «Си же вся»... правильно отнесъ къ статьѣ о выдачѣ злодѣевъ, тогда какъ многіе, по недоразумѣнію, относятъ ихъ ко всему договору. Не вполне ясное, но несомнѣнное разграниченіе выдачи «избѣговъ», по доброй ихъ волѣ и по принужденію, замѣчается мною, напр., въ договорахъ грамотъ литовскихъ князей съ польскимъ королемъ Казиміромъ и мазовецкими князьями, полов. XIV в.: «А за избѣга — можемъ его добыти и выдати; аже его не можемъ добыти, можемъ его *искати* съ обою сторону»... (Я. Головацкій: Памяти... яз. русск. XIV—XV в., № 1).

вый и возвращенъ будетъ нехотѣй въ Русь. Си же вся (т. е. требованіе выдачи, задержаніе и возвращеніе, русскимъ правительствомъ, совершившихъ въ Греціи преступленіе и бѣжавшихъ въ Русь грековъ)—да створять русь грекомъ, идѣ же аще включится таково». Выдача злодѣевъ представлялась и тогда такимъ же, какъ нынѣ, актомъ взаимной помощи одного государства другому (Мартенсъ: Современ. междунар. право, II, 419, 420). По договору 945 г., судьба подозрительнаго русскаго, пришедшаго въ Грецію безъ предупредительной княжеской грамоты и задержаннаго греческими властями, но бѣжавшаго въ Русь, поставлена въ зависимость отъ усмотрѣнія великаго князя и бояръ. Онъ предоставлялся въ ихъ произвольное распоряженіе; «яко имъ любо тако сѣтворять». Въсть о задержаніи его посылалась великому князю, хотя бы задержанный и оказалъ преданность греческой власти («предани будутъ»), имѣвшей право, въ предѣлахъ Византіи, лишить жизни *сопротивляющагося* по неприязни. Постановленіе иначе нельзя объяснить, какъ тѣмъ, что русскій, прибывшій въ Грецію безъ предварительнаго оповѣщенія (княжеской грамоты), могъ быть признанъ нарушителемъ запрещенія русскимъ посѣщать Грецію помимо вѣдома великаго князя; но приходъ его могъ быть и оправданъ какими либо особо уважительными причинами.

Такова знаменитая Правда договоровъ русскихъ съ греками, которую, выражаясь языкомъ Смоленской Правды XIII в., въ примѣненіи къ подлежащимъ главамъ, долженъ былъ «взяти грекъ у Русской земли, а русинъ—у Греческой земли». Наука русскаго права, въ лицѣ своихъ представителей, легко собьется съ труднаго, но спасительнаго пути его *постепенною* развитія, если въ своемъ поступательномъ движеніи, пренебрегая началами Правды, которая, по сознанію самихъ грековъ, стяжала Россіи, въ X в., подъ сѣвью великокняжеской власти, славу *справедливаго* государства, будетъ отворачиваться отъ сохранныхъ лѣтописью безсмертныхъ правовыхъ останковъ того отдаленнаго времени, какъ отъ разложившагося трупа. *Духъ* Правды договорной грекорусской живетъ доньявѣ въ обычаяхъ русскаго народа и многихъ отрасляхъ нашего современнаго законодательства, а потому глубокое изученіе, обстоятельное и непристрастное объясненіе ея, по сравнительному методу, въ связи съ важнѣйшими историческими фактами, можетъ быть смѣло положено въ фундаментъ отечественнаго правовѣдѣнія.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Напечатано :	Слѣдуетъ читать :
4	(Лавр.) ²⁾	(Лавр.) ¹⁾
—	князи искалъ	князя искали
8	Ягановича	Ягайловича
9	дѣлитъ русь	дѣлитъ Русь
—	наолокою	паволокою
10	нисходящіяся	нисходящія
25	по шести съ каждой стороны	по шести съ каждой стороны ¹⁾
34	такъ поздыѣ и	такъ и поздыѣ
36	лѣтописнымъ	лѣтописными
39	(см. гл. II.)	(см. гл. III)
45	норминнизмъ	норманизмъ
51	Благочестиваго	Нѣмецкаго
64	Ліудпренду	Ліудпранду
66	²⁾ Послаша по нь	¹⁾ Послаша по нь
67	Искрусевн	Искусевн
68	(лѣтоп. подъ 1074 г. ²⁾)	(лѣтоп. подъ 1074 г.) ¹⁾
83	iogamento	iogamento
—	conuenimus	conuenimus
123	устуву	уставу
129	аубіють	оубіють
136	полуцита	полуцища
149	наслѣдодатель	наслѣдодатель
